

Deutsches Historisches Institut Moskau

Bulletin

Nr. 5

Die sowjetische Öffentlichkeit zur Zeit der
«Perestrojka» (1985–1991)

Советская общественность
в эпоху перестройки (1985–1991)

Materialien zur Internationalen Konferenz
in Moskau

13. – 15. November 2008

Материалы международной конференции,
Москва

13–15 ноября 2008

Bulletin des Deutschen Historischen Instituts Moskau

Herausgeber: Lorenz Erren

Redaktion: Lorenz Erren, Alexandra Kudryashova

Deutsches Historisches Institut Moskau

Russische Föderation, 117418 Moskau, Nachimovskij Prospekt 51/21

Tel.: +7 499 744 45 62, Fax: +7 499 120 52 13

E-Mail: dhi@dhi-moskau.org

Webside: www.dhi-moskau.org

Postadresse aus Deutschland:

Stiftung DGIA Moskau, DHI Moskau

c/O APK Worldwide Courier GmbH

Desenißstrasse 54, 22083 Hamburg

© Deutsches Historisches Institut Moskau 2009

Alle Rechte vorbehalten

Das Bulletin des DHI Moskau erscheint unregelmäßig und ist nicht kostenpflichtig.

ISSN 2070-4836

Содержание

Предисловие.....	6
Виктор Воронков , Санкт-Петербург: Перестройка как смерть советского публичного пространства.....	12
Александр Шубин , Москва: Свобода в СССР и движение неформалов.....	22
Алексей Берелович , Париж: Интеллектуалы и перестройка ..	41
Александр Сунгуров, Дмитрий Егоров , Санкт-Петербург: Ленинградский клуб «Перестройка»: зарождение идеи и начало работы.....	57
Галина Михалева , Бремен/Москва: Особенности избирательных кампаний первых полусвободных выборов и их роль в трансформации политической системы (1989–1990).....	77
Ольга Малинова , Москва: Перестройка и трансформация дискурса о коллективной самоидентификации по отношению к «Западу»	106
Изабель де Кегель , Констанц: Исторический дискурс и общественность эпохи перестройки: дебаты о реформах Столыпина.....	123
Ларс Карл , Берлин: Между покаянием, агонией и теплящимися надеждами: советское кино эпохи перестройки	146
Павел Романов, Елена Ярская-Смирнова , Саратов/Москва: «В СССР инвалиды есть»: визуальные метафоры обличения старого порядка	168

Елена Струкова , Москва: Независимая периодическая печать СССР (1985–1991): история и архивы	189
Вячеслав Игрунов , Москва: М-БИО. Краткий очерк	206
Краткие биографии авторов	264

Предисловие

Одним из самых интересных аспектов советско-российской истории периода перестройки являются структурные преобразования, произошедшие в обществе. Мало кто из историков, специализирующихся на современности, оспорит утверждение о том, что историография, посвященная периоду перестройки, до сегодняшнего дня занималась перечислением правительственных мер, реконструкцией замыслов политических деятелей и противопоставлением намерений политиков наступившим в итоге результатам. С такой точки зрения перестройка выступала как потерпевшая неудачу программа реформ, и дискуссия часто концентрировалась на вопросе о личных достижениях и неудачах Михаила Горбачева и Бориса Ельцина.

Тем временем в самом обществе происходили серьезные сдвиги: специфическая структура публичного пространства, созданная Лениным и Сталиным, прекратила свое существование. Стоит предположить, что изучение процесса ее исчезновения может способствовать, между прочим, лучшему пониманию и некоторых аспектов предшествующих десятилетий. По-видимому, просуществовавшая не один десяток лет цензура и раскол коммуникационного пространства на официальную и неофициальную сферы не только породили хронический дефицит информации и морально коррумпировали общество, но и отучили последнее от тех форм общения, которые были необходимы для выражения политической воли и уравнивания интересов.

Попытки «неформалов» создать социальное пространство, на котором можно было бы открыто обсуждать реформы, не могли восполнить упомянутый дефицит. Особенно четко это проявилось в катастрофически непрофессиональном механизме работы первого свободного избранного законодательного собрания (Конгресс народных депутатов СССР, РСФСР, других республик и Советов крупных городов), члены которого не имели адекватных представлений о своих собственных задачах и возможностях. Этот синдром был достаточно рано и метко описан литературоведом Сергеем Аверинцевым, также избранным в 1990 г. в ряды депутатов. Аверинцев

находил до неприятного странным тот факт, что в глазах избирателей «одно только отсутствие цинизма» квалифицировало его для выполнения законодательных функций; тот факт, что депутаты привыкли пробираться к микрофону в зале заседаний, не гнушаясь физической силой; что, выступая, они игнорировали друг друга, вместо того чтобы хотя бы возражать друг другу; что все вели себя будто на уличной демонстрации и обнаруживали «грандиозное презрение» ко всем процедурным вопросам¹.

Организаторы междисциплинарной конференции, состоявшейся в ноябре 2008 г. в Германском историческом институте в Москве, материалы которой представлены в данном сборнике, были связаны надеждой привлечь внимание ученых к феномену общества периода перестройки, поставив его в центр исторических исследований.

«История общественности» есть одновременно и политическая история. Она интересуется политическим процессом, проблемой формирования (политической, общественной) воли, в том числе и вне центральных властных структур, правящей партии и правительства. Если подобного влияния не наблюдалось, встает вопрос: какие процессы имели место в таком случае? Российская социология и культурология достигли значительных успехов в этой сфере². Специалистам по истории Восточной Европы еще предстоит воспринять их опыт, определить его место и перспективы в общем историческом контексте.

Историки, специализирующиеся на современности, еще не работали, по крайней мере, в целях изучения Советского Союза данного периода, а также таких феноменов, как «общественность», «общественное пространство», «социальное сознание», должного инструментария, который позволил бы исследовать и описывать события той эпохи в соответствии с ее историческим масштабом.

Традиционные методы истории культуры, истории идеологий и партий, демоскопии и дускурсивного анализа необходимы,

¹ См. также: Кагарлицкий Б. Описание работы Московского Совета/Кагарлицкий Б. Ю. Квадратные колеса. М., 1991. Подобное поведение вскоре описывалось при помощи неологизма «демщица».

² Общий обзор предоставляет специальный выпуск газеты «НЛО»: «1990 год. Опыт изучения недавней истории» // НЛО. № 83–84. 2007.

но явно недостаточны. Политическая общественность не есть сумма взглядов и мнений, суть которых легко можно извлечь из партийных программ, политических передовиц или опросов общественного мнения.

Люди и их мнения не существуют параллельно, они встречаются, объединяются, сталкиваются, вступают в конфликты. Причина тому — не только разница во взглядах, но и специфические, часто неосмысленные представления о том, как функционирует процесс встречи, обмена мнениями, объединения и ведения споров.

Таким образом, роль играет не только «мнение», но и манера держать себя, поведение. Как возникают мнения и как они распространяются? Как мнение влияет на поведение? Как пользуются гражданами своей долгожданной отвоеванной политической свободой?

«Общество» от «населения» отличает степень интенсивности, с которой люди воспринимают друг друга и общаются, т. е. степень коммуникативной интеграции: можно исходить из того, что советские граждане узнали много нового о себе, стали активнее размышлять о себе и своих согражданах в период перестройки, нежели в предыдущие годы. Подобная реакция была вполне понятна: тот, кто понимал, что предстоит переход к демократии и что при демократии правит большинство, имел больше причин, чем ранее, интересоваться «менталитетом», желаниями, надеждами, опасениями и намерениями сограждан.

Переживание, вызванное расширением границ дозволенного, сначала постепенно, затем все быстрее — до того момента, когда чуть ли не все можно было высказывать без опасений, вызвало чувство эйфории не только в среде интеллектуалов, чувство, которое и по сей день остается в памяти многих. Никогда еще газеты и журналы не вызвали такого интереса в России. Советские социологи внезапно обнаружили, что люди имеют собственное мнение¹.

Поступавшие сообщения без прикрас повествовали о господствовавших нарушениях и ухудшении обеспечения, возбуждая тревогу и сея страх. Тот факт, что понятие «менталитет» было конъюнктурным, вряд ли может удивить, равно как и его частое употребление

¹ Есть мнение!/Отв. ред. Ю. Левада. Итоги социологического опроса. Предисловие.

в связи с этническими терминами. «Именно наша русская ментальность мешает нам жить цивилизованно» — подобные высказывания часто можно было услышать. Многие воспринимали их как простое сетование, некоторые — как объективный или даже «научный факт». Потребность найти свое место в мире возникла и с точки зрения времени. Люди, настроенные на то, что «ничего не изменится», снова начали интересоваться как прошлым, так и будущим.

Таким образом, речь идет о «политической культуре» в широком смысле. Вопрос в том, как современники представляли себе процесс политического формирования воли в условиях демократии, как оценивали реально протекавшие процессы и как представляли себе тот процесс, который сами хотели формировать. В какой мере можно реконструировать основные черты народной, популярной, вульгарной политологии?

Имплицитно встает вопрос: почему переход к «функционирующей парламентской многопартийной демократии» оказался настолько хуже, чем, скажем, в Восточной Европе?

Объединенные в сборник статьи рассматривают различные аспекты изменений, происходивших с общественностью. Естественно, не все существенные темы могли быть одинаково охвачены. Авторы с самого начала отказались из чисто прагматических соображений от раздела, посвященного возрождению многочисленных национальных движений. К сожалению, в сборнике отсутствуют статьи, которые повествовали бы о профсоюзах, забастовках, массовых политических демонстрациях, телевизионных репортажах, о гендерной проблематике или экономической информации. Несмотря на это, позволю себе надеяться, что статьи, представленные в данном сборнике, — как каждая в отдельности, так и все вместе — найдут своего читателя.

Первые пять статей рассматривают начала формирования независимой политической воли в широком смысле этого слова.

Виктор Воронков объясняет структуру позднесоветского общества при помощи простой схемы, наглядно иллюстрирующей, почему отмена цензуры привела к расторжению старого общественного договора.

Александр Шубин представляет участников «неформального движения» как группу интеллектуальных критиков режима, которая довольно рано начала осваивать новое пространство и проявляла больше интереса к конструктивным дискуссиям о реформах, нежели к борьбе за власть.

Совсем другую картину рисует Алексей Берелович, выходец из среды известных интеллектуалов, отождествлявших демократию с фактом ликвидации советской системы и ввиду этого без должной критики поддерживавших Бориса Ельцина в надежде — ложной, как показало будущее, — оказывать консультационное влияние на его правление.

На конкретном примере клуба «Перестройка» Александр Сунгуров демонстрирует то, как состоявшей из экономистов сети удалось основать в Ленинграде общественный дискуссионный форум, послуживший в 1990 г. для многих его участников мостиком к политической карьере.

О первой избирательной борьбе и успешной тактике движения «Демократическая Россия» повествует Галина Михалева.

В следующих четырех статьях речь идет о настроениях, ожиданиях и поисках идентичности неуверенного в себе общества, вызвавших необходимость по-новому оценить дореволюционное прошлое.

Ольга Малинова рассказывает о возрождении дореволюционных «фронт» в публицистике — противостоянии «почвенников» и «западников». Обе стороны сходились в негативной оценке большевистских эксцессов, расходясь во мнении об их причинах: коренились ли они в автократической традиции России или во враждебной по отношению к традиции заносчивости революционеров, вдохновленных Западом?

Изабель де Кегель показывает, как в образе П. А. Столыпина публицистика нашла желанный пример того, что реформы в России могут иметь успех в том случае, если проводятся компетентным правительством с твердой волей.

Ларс Карл пишет о фильмах периода перестройки, рисовавших довольно мрачную картину будущего. По-видимому, ни один

режиссер не считал возможным изображать введение демократии и рыночной экономики в России как положительную утопию.

Интерес к негативным явлениям, например болезням и инвалидности, был не только проявлением пессимизма, но и, как убедительно показали Елена Ярская-Смирнова и Павел Романов, предполагал обращение к человеческим ценностям.

В завершение две статьи, посвященные стараниям очевидцев тех лет задокументировать свою собственную деятельность.

Сначала Елена Струкова представляет собрание неформальной, или альтернативной, периодики, которую сегодня можно найти, в частности, в Государственной публичной исторической библиотеке России.

Замыкает сборник подробное описание деятельности «Московского бюро информационного обмена» (М-БИО) его основателем и бывшим руководителем Вячеславом Игруновым. Богатый источник информации, которую мало где можно найти, о многочисленных неформальных личностях и организациях, а также о степени их взаимодействия придает особую ценность публикуемому сборнику.

Напоследок хотелось бы указать на проблему, связанную с утратой или рассредоточенностью большей части документов, посвященных оформившимся в тот период неформальным клубам, организациям и партиям. В тех случаях, когда компактно собранные материалы сохранились, они, как правило, находятся в неупорядоченном состоянии или же практически недоступны для исследователей. Примечательно, что значительная часть участников конференции была лично задействована в «структурных преобразованиях общественности» и таким образом могла в своей работе опираться на собственные воспоминания. Новые поколения исследователей не будут иметь такой возможности. Остается надеяться, что архивы и библиотеки в будущем будут активнее приобретать и систематизировать материалы, что частные лица, располагающие соответствующими документами или даже личными воспоминаниями, будут публиковать и отдавать накопленные материалы на хранение.

Д-р Лоренц Эррен

Виктор Воронков, Санкт-Петербург

Перестройка как смерть советского публичного пространства

Модель советского коммуникационного пространства, а точнее — публичной сферы, позволяет хорошо объяснить природу многих социальных процессов в советском обществе. В частности, специфика строения этой сферы заложила взрывное устройство под общественную систему в целом, которое наконец сработало, запустив необратимый процесс «перестройки». В свою очередь, революционные изменения в общественных отношениях ликвидировали основу для воспроизводства обсуждаемых далее особенностей функционирования публичной сферы в СССР. Вначале я расскажу об особенностях сосуществования формального и обычного права в сфере регулирования социальных процессов в обществе. А потом попытаюсь объяснить, как это отразилось на особенностях функционирования публичной сферы советского общества. И, наконец, перейду к аргументации своего тезиса.

В своих рассуждениях я отталкиваюсь от идеи, высказанной в одной давней и малодоступной статье Олега Вите, который обратил внимание на то, что советское публичное пространство имело весьма непривычный для западного человека образ¹. В чем же заключались принципиальные особенности советской публичности?

В первую очередь необходимо договориться об определении публичного пространства и его границах. Существует солидная дискуссия по определению понятия публичности. Чаще всего исследователи рассматривают эту сферу — вслед за Ханной Арендт и Юргеном Хабермасом — как пространство обсуждения (в публичных местах!) частными гражданами каких-либо проблем вне государства или даже против него. Понятно, что в этом понимании публичного пространства в СССР не существовало, поскольку вы-

¹ Вите О. Избиратели — враги народа? // Этика успеха. 1996. № 9. С. 58–71.

ход в публичное пространство советского человека как человека частного сам по себе (да еще против государства!) был практически невыносим.

Исходя из этого утверждения, я склоняюсь к определению публичной сферы в рамках драматургического подхода (в смысле Ирвина Гоффмана и Филиппа Арьеза), то есть как сферы «социальности», как коммуникативного пространства в целом, исключив из него пространство приватное. Приватная сфера в данном случае ограничивается в основном семьей.

Как выглядели границы советского публичного пространства? Проведение границы между публичностью и приватностью наталкивается здесь на определенные трудности. При анализе повседневной жизни советского человека мы приходим к выводу, что полноценной приватной сферы в этом обществе в течение, по крайней мере, трех сталинских десятилетий не существовало. Следствием советской жилищной политики стало то, что исчезло даже физическое пространство для приватной жизни. С одной стороны, в городах (а городской способ жизни доминировал и задавал правила социального поведения в целом¹) люди жили в коммунальных квартирах и постоянно находились под контролем. Подслушивание и подглядывание стало обычной практикой коммунального жителя. С другой стороны, государство успешно индоктринировало новые ценности в сознание в первую очередь юного поколения. Поэтому доноса можно было опасаться не только от соседей, но и от членов собственной семьи (культовая фигура пионера Павлика Морозова символизировала превращение доноса в геройский поступок).

Господствовал усредненный стиль жизни, всякая индивидуализация вызывала осуждение. Отсутствие индивидуальных отличий в повседневной жизни («я такой же, как все», «не высовывайся!»), «советскому человеку нечего скрывать от своих товарищей») желательным было постоянно демонстрировать. Не было таких сторон

¹ Ингрид Освальд аргументированно описала политику фактического превращения деревни в «фабрику», что позволяет не только говорить о советской стратегии «сближения города и деревни», но и дает возможность отметить много общего в жизненном мире горожан и крестьян (Oswald I., Ernst F. Das industrialisierte Dorf: Zur Transformation ländlichen Lebensweisen in postsozialistischen Gesellschaften // Transformation als Typ sozialen Wandels/Ray Kollmorgen (Hg.). Lit-Verlag, 2005).

частной жизни, которые не могли бы стать предметом официального обсуждения «общественностью» с последующим применением санкций (например, партийное взыскание за супружескую измену). Таким образом, граница между приватным и публичным пространством была прозрачной. А поскольку не было условий для приватной жизни, то и не возникало частных дискурсов, которые могли бы стать альтернативой тем, которые были навязаны властью. Поэтому характер разговоров в приватной и публичной сферах мало различался.

Чтобы лучше понять специфику советского коммуникативного пространства, хочу привлечь внимание к особенностям регулирования социальных отношений в советском обществе вообще. Развитие этого общества создало сложную систему писаных и неписаных правил, отражавших параллельное существование формального и обычного права¹. В сталинское время писаное право претендовало на регулирование всех сфер жизнедеятельности советских граждан (я не принимаю здесь во внимание превратившиеся в особые нормы постоянные нарушения писаных правовых норм со стороны самого государства). Однако даже в условиях жестких репрессий за нарушение формальных правил возникали и постепенно легитимизировались нормы обычного права, приспособленные к реалиям советского общества.

Если анализировать поздний советский период, то трудно не заметить, что в последние десятилетия сфера, регулируемая неформальным правом обычая (точнее говоря, сложившаяся на наших глазах сфера внеправового регулирования, оформленного в виде негласных конвенций), стала доминировать над сферой, регулируемой писаным правом. Доминирование обычного права постоянно подкреплялось распространением все новых социальных и экономических практик: так, например, гигантская сфера неформальной экономики практически регулировалась только обычным правом.

¹ Юристы или этнологи возразят, возможно, против употребления понятия «обычное право» в обсуждаемом контексте, поскольку в их области знаний за этим понятием закрепились несколько иные смыслы. Однако именно при анализе правил регулирования повседневной жизни я нахожу термин «обычное право» особенно точным, ибо сформировалась целая «система» устойчиво применяемых правил, которые люди использовали в повседневности, для того чтобы эффективно реализовать поставленные цели.

Конечно, в любом современном обществе существует подобное разделение правового пространства, однако характерное для СССР длительное доминирование права обычая привело к фундаментальным сдвигам в общественной жизни¹.

Начиная с хрущевских времен, все большая часть жизнедеятельности советских людей стала регулироваться обычным правом. Если говорить сегодняшним сленгом, люди стали жить не по законам, а «по понятиям». Это касалось не только повседневной жизни каждого гражданина, но и функционирования всего государства. Так, по некоторым оценкам, к концу существования советского государства 2/3 всех ресурсов распределялись не по писанным правилам (по плану), а на основе административного торга, т. е. по сформированным в элите неписаным правилам, которые были много эффективнее, нежели правила писанные.

Поскольку в течение примерно двух поколений доминирование обычного права, которое вытесняло право писаное, становилось все более явным, то сознание людей оказалось сильно трансформированным. Возникшие в советском обществе нормы обычного права, будучи более эффективными, нуждались в признании обществом. Как это ни парадоксально, легитимация обычного права поддерживала существование права писаного, хотя нормы того и другого чаще всего были взаимоисключающими. Писаное советское право настолько неэффективно регулировало социальные и экономические отношения, что государство неизбежно вынуждено было «молчаливо» использовать «противозаконную» инициативу отдельных граждан для повышения эффективности этих процессов. Это лишний раз подтверждает распространенное суждение, что в России строгость законов всегда компенсировалась необязательностью их исполнения.

Конечно, легитимность обеих сфер правового пространства и существование взаимоисключающих правил угрожали стабильности советского режима. Поэтому в условиях постоянного наступления на легитимность писаного права (оно все более подвергалось сомнению в обсуждениях) возник механизм, компенсирующий сужение пространства жизнедеятельности, которое еще регулировалось нормами писаного права. Речь идет о механизме замалчива-

¹ Вите О. Избиратели — враги народа? // Этика успеха. 1996. № 9. С. 65.

ния «реальной жизни» в пространстве коммуникации, в официальной публичной сфере этого пространства. Российский политолог Олег Вите первым обратил внимание на эту специфику советской публичности¹.

Как правило, публично обсуждать можно было в советское время только то, что происходило в сфере, регулируемой писаным правом. А обсуждение того, что попадало под право обычая, было табуировано. Пусть большая часть жизнедеятельности общества регулировалась обычным правом, зато в официальном публичном пространстве дискутировалось почти исключительно то, что попадало в сферу действия писаных правил. Зарубежный наблюдатель, знакомясь со средствами массовой информации или формально беседуя с советскими гражданами, мог получить лишь подтверждение пропагандистским лозунгам о счастливой жизни советских людей.

Однако господство идеологических клише в публичности резко контрастировало с реальной жизнью. Так, например, в публичной, официальной жизни все советские люди ориентировались на «Моральный кодекс строителя коммунизма». В реальной же жизни, по меткому выражению Симона Кордонского, воровали все, а кто не воровал, тот пользовался краденым. Публичная версия советской действительности в глазах самих советских людей выглядела мифом, совершенно не согласующимся с их повседневным опытом. Однако с «посторонними» разговаривали «как надо» и не столько из-за страха репрессий, сколько в силу своеобразного молчаливого договора с государством.

Поскольку реальную жизнь, разительно отличавшуюся от официальных публичных представлений о ней, невозможно было обсуждать официально — а сама возможность обсуждения уже возникла, то в последние три десятилетия существования советского общества сложилась ситуация, когда стала формироваться специфическая публичная сфера, в которой можно было обсуждать практически все. Это коммуникативное пространство я назвал **приватно-публичной сферой**. Эта неформальная публичная сфера «реальной жизни» была отделена от официальной публич-

¹ Вите О. Избиратели — враги народа? // Этика успеха. 1996. № 9. С. 67.

ности четко выраженной границей. Само появление такой специфической части коммуникативного пространства стало следствием окончания эпохи сталинизма. Новая приватно-публичная сфера, возникшая поначалу на интеллигентских кухнях, распространялась все шире, став существенным элементом повседневности советского человека.

Здесь бы я предложил простую схему, демонстрирующую особенности развития связи публичной и приватной сфер в советском обществе.

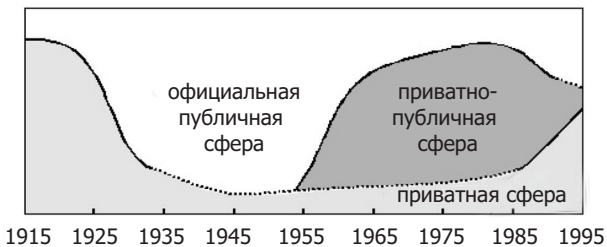

Рис. 1. Коммуникативное пространство советского общества.

Пунктирная линия обозначает «прозрачную» границу, сплошная — жесткую

Приватно-публичная сфера напоминает, на первый взгляд, обычную публичную сферу, которая существует в современном демократическом обществе, т. е. сферу частных людей в смысле Хабермаса и Арндт. Но в СССР это была, разумеется, «другая публичность», поскольку официальные публичные места для ее функционирования были недоступны, а официальные СМИ не отражали формирующихся в ней интересов. В официальной публичной сфере, как я уже отметил, конструировалась страна, живущая по писаному праву. Если туда и проникало изредка обсуждение отдельных проблем из «реальной жизни», то это допускалось исключительно под флагом борьбы с искореняемыми «пережитками капитализма».

Не следует думать, что приватно-публичная сфера — поле коммуникации определенных социальных групп. Каждый советский гражданин, — не исключая и представителей высшей власти — коммуницировал попеременно в обеих публичных сферах, хорошо

понимал границу между ними и не путал принципиально различавшихся правил (в этом смысл «социальной шизофрении», которая в публицистике иногда приписывается homo sovieticus). Одни и те же люди по одному и тому же поводу принципиально различным образом разговаривали друг с другом как друзья и как «коммунист с коммунистом».

Почему в СССР вдруг возникла столь специфичная публичная сфера? После смерти Сталина в обществе произошли качественные изменения, приведшие к принципиальному переструктурированию публичного пространства. Во-первых, КПСС, осудив культ личности и жестокие репрессии сталинского периода, создала прецедент критики режима. Во-вторых, ослабление репрессий снизило уровень страха, так что обсуждение «негативных сторон жизни» становилось постепенно делом обычным во всех слоях населения. И, наконец, в связи с начавшимся массовым строительством дешевого жилья в городах появились условия для частной жизни. Люди переселялись из многосемейных коммуналок в отдельные квартиры. В середине 1950-х гг. в российских городах появляется физическое пространство для развития приватности. Хотя сама приватность по-прежнему не играла особой роли в жизни общества, однако теперь ее граница конструируется не по отношению к официальной публичной сфере, а отделяет ее от «другой» публичности. Типичный пример связи этих двух социальных пространств — так называемая «интеллигентская кухня», где концентрировались критические настроения по отношению к режиму и зарождалось диссидентство.

Нас особенно должна интересовать жесткая граница между официальной и «приватной» публичностью, которая поддерживалась и гражданами, и государством в результате негласного договора. В советской истории мы наблюдаем не так много случаев, когда эта граница сознательно нарушалась. Для примера, позволяющего уяснить «священность» обсуждаемой границы, можем напомнить о диссидентах, которых государство жестоко карало именно за нарушение упомянутой границы. При этом подавляющая часть общества молчаливо солидаризовалась с государством. Это вполне объяснимо, хотя, наверное, лишь меньшинство в брежневские времена искренне разделяло навязываемые государством взгляды

и потому не любило диссидентов. Однако можно предположить, что большинство неосознанно понимало, что именно поддержание обсуждаемой границы позволяет вырабатывать эффективные жизненные стратегии, опирающиеся на «понятия», на обычное право вопреки писаным законам. Диссиденты же самим фактом выведения на свет табуированных тем нарушали границу и этим провоцировали государство, вынуждая его ужесточать контроль над нелегальной деятельностью масс.

Существует недооценка результатов деятельности диссидентов, сильно способствовавших падению советского режима. Я сейчас имею в виду то движение, которое зародилось в середине 1960-х гг. и которое, в отличие от многочисленных предыдущих практик сопротивления режиму, не было подпольным. Напротив, диссиденты пытались перенести в официальную публичную сферу обсуждение того, что постоянно обсуждалось в приватно-публичной сфере, т. е. того, о чем официально говорить считалось неуместным (например, призыв «соблюдайте ваши законы!»). И дело не в малочисленности диссидентов или в отсутствии наглядных примеров успешности их деятельности. Решающим явилось то, что диссиденты нарушили молчаливое соглашение граждан и государства по поводу того, что именно уместно обсуждать в официальной публичности. Они прорывали границу замалчивания. А, как я уже говорил, поддержание такой границы и было условием сохранения режима, поскольку, повторяюсь, в условиях постоянного наступления на легитимность писаного права только так можно было компенсировать сужение пространства жизнедеятельности, которое еще регулировалось нормами писаного права.

Диссиденты демонстративно нарушали «правила игры». Куда осторожнее — но не менее разрушительно — действовала часть творческой интеллигенции в борьбе за постоянное расширение тематики того, что можно было бы обсуждать в официальной публичной сфере. Особенно это было характерно для хрущевского периода. Но и позже было немало успешных попыток ослабить «пограничный режим», либерализовать публичную сферу. Эти процессы подтачивали режим, и в середине 1980-х гг. он начал сдавать позиции. Безуспешные в андроповское время попытки пресекать социальные практики, на которые до того времени го-

сударство закрывало глаза, продемонстрировали бессилие власти. Одновременно эти попытки нарушили сложившийся прежде статус-кво между формальными и неформальными правилами.

Борьба за гласность на фоне слабости государственной власти вынудила государство сделать ряд шагов по либерализации коммуникативного пространства. Джинн был выпущен из бутылки. И дальше все развивалось по экспоненте. Так тщательно поддерживаемая прежде граница была прорвана и в конце концов пала. Мы могли наблюдать, как стремительное развитие свободы слова привело вскоре к исчезновению табуированных тем.

Катастрофичность доминирующего дискурса о ситуации в России связана именно с разрушением границы в публичной сфере. Теперь нет запретов на обсуждение «реальной жизни» в «официальной» публичности. И гигантский поток новых тем, возможных теперь для обсуждения официально (а ранее допускаемых лишь в «публично-приватную» сферу!), создал представление о катастрофических изменениях. Но изменения произошли не столько в «реальной» жизни, сколько в исчезновении лакированного образа действительности, к которому мы привыкли в официальной советской публичности.

Иллюстрацией для этого суждения может служить проблема «межнациональных отношений». В официальной публичной сфере ранее абсолютно господствовал дискурс «дружбы народов», «интернационализма», «равенства всех наций». В «реальной» жизни судьба гражданина была тесно связана с политикой государства по отношению к тем или иным «национальностям». Выгоды и невыгоды назначенной государством национальности менялись в зависимости от территории, исторических пертурбаций и политического волюнтаризма. Дискриминация по этническому происхождению была распространена повсеместно и касалась важнейших сторон жизни — работы, образования, свободы передвижения. Интерес к этничности определялся господствующим в обществе расизмом (в его современном толковании). Под влиянием властного дискурса в сознании каждого советского человека все «национальности» были иерархизированы, поэтому, естественно, существовала и бытовая дискриминация, и ксенофобия. В публично-приватной сфере

это было активно обсуждаемо. Если же судить по официальной публичной сфере, то никакой ксенофобии в стране не было и в поmine.

С ликвидацией границы между двумя публичностями расизм проник в официальную публичную сферу, где ранее не мог существовать ни как тема обсуждения, ни как легитимная практика. Публичный дискурс об этничности потерял свою нейтральность. Средства массовой информации открыто заговорили на расистском языке, зачастую не отдавая себе в этом отчета. «Бытовой расизм», и ранее «неосознанно» поддерживаемый академическим и образовательным дискурсом, выплеснулся на страницы газет, в политический дискурс, стал использоваться для обоснования дискриминационных действий, практикуемых государственными институтами.

Перестроечные процессы практически привели к исчезновению приватно-публичной сферы. Одновременно повышение значимости приватной жизни привело к формированию более жесткой границы, отделяющей приватность от публичной сферы. Соответственно стала более закрытой для обсуждения частная жизнь. Пространство коммуникации принимало привычный для западного исследователя вид.

Хотя развитие свободы слова привело к тому, что существование приватно-публичной сферы потеряло свой смысл, однако бывшая граница не исчезла из сознания людей, чья социализация прошла в советских условиях. Советские институты давно не существуют, но их действие можно проследить до сих пор. Однако в любом случае можно утверждать, что советское публичное пространство как феномен окончательно умрет вместе с его носителями — советскими поколениями. И в этом смысле перестройка еще не закончена¹.

¹ Я не берусь здесь обсуждать образ сегодняшнего коммуникативного пространства в России. То, что оно во многом стало напоминать советское, только подтверждает тезис о том, что перестройка еще не завершилась окончательно. Причинами этого являются, на мой взгляд: 1) усилия государства, направленные на ликвидацию свободы слова; 2) отсутствие суда над прошлым, который сделал бы возврат этого прошлого невозможным, и, наконец; 3) наличие тех самых советских поколений, которые неизбежно воспроизводят структуру советского коммуникативного пространства.

Александр Шубин, Москва

Свобода в СССР и движение неформалов

Представление о советском обществе, в котором началась перестройка, окутано публицистическими мифами.

Миф первый: советское общество на протяжении всей его истории было тоталитарной казармой, где запрещались любые разногласия, и люди слепо подчинялись идеологическим решениям Политбюро ЦК КПСС. А кто хоть в чем-то не подчинялся — тот репрессировался.

Миф второй: советское общество было бесконечно отсталым от демократических стран Запада, глухой архаикой, провалом в древность. Следовательно, как бы ни была отстала современная Россия, она все равно идет светлой дорогой либерализма, вперед — из глухой древности к полуфеодальному капитализму.

Миф третий: СССР был бесконфликтным обществом всеобщего благоденствия, которое могло бы просуществовать в этом же виде еще сто или тысячу лет, если бы не предатели Хрущев, Горбачев и Ельцин.

Миф четвертый: советское общество было несвободным. Как и всякий миф, он содержит часть правды — свобода в СССР была ограниченной. Как является она ограниченной в любом обществе. Можно ли сказать, что служащий в офисе или рабочий у конвейера в либеральном западном обществе свободен? Можно ли сказать, что свободно общество, опутанное законами, в которых может разобраться только опытный юрист?

Свобода и авторитаризм

Свобода — это пространство, в котором человек может действовать по своему усмотрению, выражать себя. Но для этого он

должен быть свободен и внутри, в частности, свободен от тех же навязанных ему мифов. Свободен от собственного животного начала. Свободен от социального господства. Свободен творить свою жизнь. Свободен не просто говорить, что думает, а думать рационально и творчески. Свободен обустраивать жизнь так, как хочется жить, не мешая такому же праву других. Такая свобода всегда ограничена. Но в разных обществах она ограничена в разной степени и на разных направлениях¹.

Большинство советских людей чувствовали себя вполне свободными, потому что освоились в обществе, в котором жили. Также не ощущают себя несвободными жители Западной Европы, хотя переселенец из «несвободных» стран Востока мучается в Европе из-за многочисленных непонятных ему правил и ограничений.

Советский человек жил в условиях авторитарного режима, и это уже немало для свободы. Ведь авторитарный режим, в отличие от тоталитарного, уже не стремится управлять всеми сторонами жизни людей, он смирился с их частичной неуправляемостью и лишь следит, чтобы рост свободы не опрокинул социально-политическую конструкцию. Авторитарный режим не овладел технологией манипуляции сознанием через его перегрузку информацией, которую используют плюралистические режимы. Авторитаризм защищает несколько основных зон и табу, создавая дефицит информации. Но дефицит создает в обществе тягу к его преодолению, а уж за пределами табу были возможны широкое обсуждение и критика².

Советский социальный костюм 1960–1970-х гг. «не жал», потому что прежний — довоенного образца — был слишком тугим. Жители коммуналок ощущали прилив свободы, переселяясь в отдельные квартиры. Интеллигент задыхался от свободы, приобщаясь к тайнам сталинской эпохи (приоткрывая только самый краешек). В 1970-е гг. человек уже вырастал из «костюма», несвобода ощущалась острее, хотя сфера свободы расширялась. Просто она росла медленнее, чем потребности в самовыражении, интеллек-

¹ О проблеме свободы см. также: Шубин А. В. Социализм: золотой век теории. М., 2007. С. 672–676.

² См.: Шубин А. В. Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. М., 2008.

туальном поиске. Советское общество «разогнало» рост потребностей и теперь не успевало за ними.

Там, где человек осознает свою несвободу, возникает противоборство. Человек так устроен, что несвобода его тяготит. Осознал — и поневоле начинаешь прощупывать, где несвобода начинается и нельзя ли расширить свободу.

Дело вообще не только в том, что власть «зажимала», но и в разных общественных стратегиях, характерных не только для авторитарных режимов, но и для более плюралистичных систем. Вольномыслие растет, как тесто в гибкой, но все же сопротивляющейся «пластмассовой» кастрюле. Кто-то готов учитывать это сопротивление, давить на стенку постепенно, а кто-то хочет сломать кастрюлю.

Публицисты и некоторые исследователи попадают под обаяние дискурса тоталитаризма, который представляет советский строй аналогом фашистской системы. Следовательно, если ты с ней не боролся, ты — конформист. Но, принимая это как данность, забывают обосновывать, почему, собственно, большинство интеллигенции было «обязано» бороться с системой, которая для нашей страны оказалась во многом более благоприятной, чем Российская империя и РФ. Как раз нормальное человеческое поведение — работа по ее совершенствованию, а революционные действия разумны только в условиях системного кризиса, «революционной ситуации». То есть во второй половине 1980-х гг.

Наверно, тот факт, что в советском обществе отсутствовало публичное пространство, где граждане могли бы обсуждать политику государства. Просто до перестройки обмен информации в нем был затруднен. Самые разные стороны этой политики обсуждались даже в центральных газетах весьма критически, иногда дискуссионно. Табу существовало на идеологические, целостные выводы, которые ставили бы под сомнение догматы официальной идеологии. Впрочем, и в нынешнем плюралистическом обществе центральные СМИ (их роль играют телеканалы) не обсуждают, скажем, проблему ликвидации собственности. Впрочем, в научных аудиториях и публикациях ставились под сомнение и формационная «пятичленка», и централизованное планирование, и готовность

России к социалистической революции в 1917 г. А уж в заводских «курилках» не было никаких табу.

Таким образом, применительно к 1970-м гг. не выдерживают критики ни идеологема «идейно-политического единства советского народа», ни утверждения публицистов вроде У. Лакера о том, что «Советский Союз того периода был по-прежнему тоталитарным обществом, и никакие отклонения от официальной идеологии не допускались»¹.

Однако крайностью является и утверждение, что в СССР существовала не меньшая идеологическая свобода, чем на Западе, равно как и развитое гражданское общество². Гражданское общество — конкретная реальность, которая имеет свои границы во времени и пространстве. Собственно гражданским обществом является сеть равноправных некоммерческих и негосударственных организаций, отличающихся общественной активностью, связанной с социальным творчеством. Возможны и другие определения³, но их автор должен объяснить, чем гражданское общество отличается от государственного социального вспомоществования, коммерции, парламентаризма и прочих столь же конкретных явлений. Процесс возрождения отечественного гражданского общества, выкорчеванного в 1930-е, в 1970-е гг. зашел довольно далеко. Сформировались различные общественные сети — неформальные движения, идейные течения, даже оппозиция. Но, поскольку они пока не могли сложиться в единую сеть, единое общественное поле, правомернее говорить об элементах гражданского общества.

Сохранилась некоторая основа общности взглядов большинства, которая есть в любой стране. «Идейно-политическое един-

¹ Лакер У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма. М., 1994. С. 145.

² Стронники такого взгляда под гражданским обществом понимают нечто неконкретное — и патриотизм, и ощущение собственного полноправия (часто — иллюзорное), и наличие в стране общественных организаций, включая «приводные ремни» режима, и социальные гарантии, и моральные устои. См., например: Яницкий О. Н. Длинные 70-е: гражданское общество тогда и сейчас // Неприкосновенный запас. 2007. № 2.

³ О современных концепциях гражданского общества см.: Пожарская С. П., Номазова А. С. Основные этапы формирования гражданского общества в странах Западной Европы и России в XIX–XX веках // Новая и новейшая история. 2006. № 3.

ство советского народа» носило рамочный характер (как ценности гражданской нации в странах Запада XX в.). Это единство было скорее патриотическим, чем идеологическим (коммунистическим).

Основу общественного мнения в СССР (вслед за Российской империей) составляли понятия не политические, а нравственные. Те или иные события оценивались прежде всего с точки зрения их справедливости. В массе своей население считало существующий порядок более или менее справедливым.

Разноцветное общество

Уже во второй половине 1950-х гг. советское общество перестало быть политически монолитным. Началась обычная для всего мира борьба между «охранителями» и «прогрессистами» («реформистами»)¹, между защитниками Системы от перемен и сторонниками ее изменения (не свержения, но существенного обновления).

После официального осуждения «культа» процесс надолго принял необратимый характер: каждый шаг означал новую трещину в былом монолите. Мысль могла двигаться и за пределы марксистско-ленинских рамок, к осознанию связи их самих с возникновением проклинаемого «культа».

Прогрессисты выступали в качестве «прогрессивного» крыла коммунистов, настроенного на движение вперед. Но это «вперед» могло быть разным. Было неясно, какое направление истинно верное, а какое — опасный уклон к ревизионизму. Выступая за более широкую свободу личности, критикуя бюрократию, прогрессисты шли путем «ревизионистов» к разным формам демократического коммунизма и левой (пока) социал-демократии. Охранители также искали путь в будущее, но такой, который не будет сопровождаться разрушением достигнутого. Это значит, что и они должны

¹ В литературе встречаются и другие наименования этих лагерей. Например, прогрессистов часто называют либеральными коммунистами или даже либералами. Это вносит путаницу и требует постоянных оговорок и разъяснений, так как партийные «либералы» не разделяли идеологии либерализма, не выступали за частную собственность, как правило, не смели выступать за многопартийность и т. д.

были обсуждать сложные проблемы, бросавшие вызов коммунистической ортодоксии, — прежде всего о соотношении традиций страны и коммунистической перспективы. К 1980-м гг. это привело к усложнению идейного спектра, где были уже и либералы, и демократические социалисты, и «красные патриоты», и «белые патриоты»¹. И это было только начало сложных и многосторонних дискуссий 1950–1980-х гг.

Интеллигентский круг «генераторов идей» был относительно узок. Это дает повод некоторым либеральным авторам представлять советское общество в виде глубокой архаики, где узкий круг современно мыслящей интеллигенции был «каплей в море» архаичного населения². Однако круг «генераторов идей» узок в любом современном обществе. Важно то, насколько дискуссии интеллектуалов востребованы другими слоями общества. Советский человек просто не мог быть архаичным, потому что был встроен в индустриальную машину. Машина требовала, чтобы он был просвещен, и в итоге получила человека читающего, значит — пишущего (в том числе и критические письма властям); человека, вовлеченного в информационное поле, обсуждающего новинки толстых журналов и острые статьи газет.

Основой коммуникации в среде вольномыслящих стал самиздат — детище конкретной исторической эпохи авторитарного индустриального государства, преддверия информационной волны. Недаром самиздат структурно стал выстраивать аналог компьютерной сети, только — за неимением компьютеров — на трудоемких и малотиражных (или в сравнении со «списками» XIX века — эффективных и производительных) печатных машинках.

Двигателем самиздата являлось стремление к получению общественно значимой информации в условиях ее дефицита. В отличие от Госиздата, тамиздата и нынешних коммерческих СМИ, самиздат был демократической средой. Люди сами решали, что «подхваты-

¹ См.: Митрохин Н. Русская партия. Движение русских националистов в СССР 1953–1985. М., 2006; Шубин А. В. Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. С. 82–190.

² Эдельман О. В. Глас народа, или «бульон оппозиционности» // Крамола. Инакомыслящие в СССР при Хрущеве и Брежнев. 1953–1982 гг. Рассекреченные документы Верховного суда и прокуратуры СССР. М., 2005. С. 106–107. Критику этих построений см.: Шубин А. В. Указ. соч. С. 354.

вать», какие идеи интересны и важны, на перепечатку какой вещи стоит тратить силы. Читателей меньше всего волновало качество печати (в этой области все равно лидировал Госиздат). Самиздат «зачитывался до дыр».

Не все читали самиздат, хотя этот запретный плод был привлекателен, но большинство жителей крупных городов соприкасалось с теми, кто что-то почерпнул из него. Так информация растекалась вширь.

Наиболее заметным общественным движением доперестроечной эпохи было диссидентство. Но диссидентство было только частью более широких дискуссий и социальных инициатив. В Советском Союзе существовали и массовые неформальные организации. Они взаимодействовали с властью и ее «приводными ремнями», но в своих действиях руководствовались собственной логикой. Наиболее крупными движениями 1960–1970-х гг. были «зеленые» (дружины охраны природы), различные культурные и педагогические инициативы, включая художественный и литературный андеграунд, рок-движение, КСП, коммунаров, учителей-новаторов¹.

Но движения развивались вне регулярного общения друг с другом. Для того чтобы возникло общее поле, не хватало важнейшего компонента — независимых политических движений, тесно связанных с социальными инициативами. Диссидентство в силу своей объективно обусловленной конфронтационной позиции не могло стать таким компонентом. К тому же в 1979 г. было принято решение покончить с ним, и к 1984 г. инфраструктура диссидентского движения была разгромлена.

Эпоха неформалов

Условия для выхода на арену политической оппозиции возникли в период перестройки, которая стала триумфом советского публичного пространства, возрождением «советскости», происходящей от слова «Совет». В декабре 1986 г. по внешнеполитическим соображениям руководство СССР приняло решение отка-

¹ Подробнее см.: Шубин А. В. От «застоя» к реформам. СССР в 1977–1985 гг. М., 2001. С. 509–580.

заться от уголовного преследования инакомыслия. Разумеется, это не предоставляло инакомыслящим каких-либо политических свобод и даже гарантий от преследования в будущем, но создало предпосылки для активизации общественной жизни.

Казалось, настал звездный час для диссидентов. Они выходили из лагерей и тюрем. Но диссидентское движение 1960-х — начала 1980-х гг. не восстановилось: большинство его лидеров уже слишком устали от борьбы. Некоторые борцы за права человека получили достаточную известность на Западе, чтобы сменить полную опасностей и невзгод жизнь в СССР на спокойную, комфортную старость за рубежом. После 1986 г. диссидентское движение было обескровлено эмиграцией, но и оставшиеся в стране столпы правозащиты, такие как А. Сахаров, нуждались в длительном отдыхе и в большинстве своем до 1988 г. не вели активной политической деятельности. Исключение составили несколько активистов, которые включились в неформальное движение — В. Новодворская, Л. Тимофеев и другие — либо благодаря своему статусу и позиции смогли получить доступ к официальным изданиям — Р. Медведев, И. Шафаревич и другие.

Причина исчезновения диссидентского движения кроется, конечно, не только в усталости его участников и других обстоятельствах личного характера. Парадоксальным образом точку в истории диссидентского движения поставило прекращение их преследования. Часть диссидентских лозунгов взяли себе власть и демократическая оппозиция. Они вступили в борьбу за преобразования, в которой диссидентству не было места. Пришедшее в движение общество смяло саму функциональную нишу диссидентства как этико-правового противостояния статичному режиму.

В силу изменения ситуации в стране начался период гегемонии неформалов в общественном движении. Первоначально неформалами называли широчайший спектр неконтролируемых партией и государством общественно-культурных молодежных инициатив и течений от филателистов и рокеров до панков и хиппи. Но уже в 1987 г. это слово «прилипло» к социальным и политическим инициативам. И это естественно — перестройка была временем политизации. Так что далее под неформалами мы будем понимать именно социальных и политических неформалов.

Психология первого поколения политических неформалов была сформирована в условиях поэтапного выхода из подполья в 1986–1988 гг., постепенного расширения сферы политических и гражданских свобод. Эти свободы достигались путем самозахвата, когда оппозиция постепенно прощупывала, в какой степени власти готовы уступить. При этом первое время приходилось действовать практически в полной изоляции, чувствуя себя один на один с режимом, вырабатывать идеологическую позицию в условиях нехватки политической информации.

Клубы неформалов состояли из ядра и периферии. В ядре несколько десятков человек общались практически в ежедневном режиме, энергично обсуждая политические новости и «белые пятна» прошлого, возможную реакцию на происходящее, способы «ускорить» перемены и придать им нужное (с точки зрения клуба) направление. Это была интересная и насыщенная, даже изматывающая жизнь. Участникам казалось (иногда не без оснований), что они могут повлиять на ход «большой политики». Периферия группы состояла из тех, кому было интересно на мероприятиях неформалов, воспринимавшихся как любопытное шоу или лекторий. Между ядром и периферией первоначально складывались отношения «актер-зритель», где актеру доставались и лучи славы, и скептические реплики, а зрителю — впечатления. Однако шоу политизировало зрителя и постепенно втягивало периферию сначала в выполнение разовых поручений, а затем и в действительно опасные действия вроде участия в неразрешенном митинге или переправки листовок на территорию воинской части. Решившийся на участие в оппозиционном действии человек превращался в часть ядра. Но поскольку длительное участие в жизни ядра быстро выматывало многих его участников, впоследствии они нередко «отходили от движения», не возвращаясь на периферию.

Качественное отличие этой политической среды от партийной жизни грани XX–XXI веков — бесплатность всей работы. Современным российским депутатам, функционерам и пиарщикам трудно понять, каким образом можно работать с утра до вечера не за деньги, а за идею. Не было это понятно и функционерам КПСС. В итоге к 1989 г. КПСС неожиданно для себя столкнулась с манифестациями, в которых участвовали сотни тысяч людей, оппозиция сфор-

мировала организационные структуры и подробно разработанные программы переустройства общества¹.

Возникновение и выход из подполья десятков общественно-политических организаций неизбежно вели к возникновению политического поля — системы взаимодействующих политических ядер, действующих в различных идеологических направлениях. Собственно, именно этого поля не хватало в СССР, чтобы возникло полноценное гражданское общество. Его элементы: правозащитные, социальные, информационные организации уже возникли, но общего политического поля еще не было.

Большинство неформальных организаций осознавало, что заметного успеха их направление может добиться только в союзе с родственными группами по всей стране. Поэтому с самого начала общественные клубы вели борьбу за собирание (как правило, вокруг себя) коалиций и объединений с прицелом на создание все-союзных организаций. Но для того, чтобы распределиться по политическому спектру, нужно было сначала создать сам этот спектр, провести встречу наличных неформальных организаций.

Наиболее удачное время для ознакомительных и объединительных конференций — конец августа — пограничье летних отпусков. На конец августа 1987 г. неформалы, установившие первые неустойчивые контакты друг с другом, запланировали три конференции, которым суждено было стать первыми съездами политических неформалов. На одну конференцию собрались экологи в заповеднике Гузерипль, где и создали свой Социально-экологический союз. Он существует до сих пор. Другая конференция была запланирована Заочным социально-политическим клубом в Таганроге без одобрения властей. Третья под эгидой Севастопольского и Черемушкинского (Брежневского) райкомов партии планировалась в Москве. Райкомовские работники сочувствовали росту гражданской активности, он вызывал и политический, и человеческий интерес. Непосредственная организация работы конференции была передана ведущим неформальным группам. Эта конференция должна была стать наиболее представительной и готовилась

¹ Подробнее см.: Шубин А. В. Парадоксы Перестройки. Упущенный шанс СССР. М., 2005.

еще с весны. Организаторы московской и таганрогской встреч находились в контакте (взаимодействие политических неформалов и СоЭС установилось уже в 1988 г.).

20–23 августа 1987 г. в Москве прошла Информационная встреча-диалог «Общественные инициативы в перестройке». Собрались представители 50 клубов из 12 городов (Москва, Ленинград, Киев, Таллин, Архангельск, Новосибирск и др.), в зале сидело более 300 человек. Эта встреча позволила неформалам установить широкую сеть контактов. По существу, с этого момента можно говорить о едином легальном поле общественных движений, независимых от государства, феномен, прежде неизвестный в СССР. Если говорить о гражданском обществе не как о совокупности изолированных структур, а как о взаимосвязанной системе, открыто действующей в социально-политическом пространстве, то у советского гражданского общества есть дата рождения — 23 августа 1987 г.¹

На этой встрече была создана первая всесоюзная протопартия — Федерация общественных социалистических клубов. В 1988 г. возникло уже несколько протопартий, в том числе Демократический союз, провозгласивший себя оппозиционной партией 8 мая 1988 г. Политические неформалы стали вступать в различные коалиции, создавать системы независимой прессы, защиты прав работников, связываться со старыми неформальными движениями и инициативами территориального самоуправления.

Три волны

На первый взгляд, диссидентское, неформальное и демократическое движения выстраиваются в ряд, подобный знаменитым ленинским трем поколениям освободительного движения. На практике процесс развития «освободительного» движения не был линейным. Образование неформальной среды произошло раньше, чем диссидентской.

Диссиденты, неформалы и демократы представляют собой три волны общественного движения, которые характеризуются

¹ Подробнее см.: Шубин А. В. Преданная демократия. Перестройка и неформалы. М., 2006. С. 99–117.

различными чертами. Диссидентов отличают приоритет правозащитной тематики и «табу» на сотрудничество с властями и применение насилия. Либеральные коммунисты (будущие лидеры демократов), лидеры которых принадлежали к статусной интеллигенции и «просвещенной» части бюрократии, ориентировались на проведение реформ в сотрудничестве и даже подчинении той части правящей элиты, которая разделяла идеологические постулаты демократии, часто негативные — антибюрократические и затем антикоммунистические, антinationалистические. Неформалы, если рассматривать их как явление в целом, обнаруживают очень мало табу и ограничителей. Несмотря на то что каждая неформальная группа имела свои мифы, стереотипы и табу, общего идеологического контура практически не существовало, за исключением общих с диссидентами принципов ненасилия, разделявшихся большинством. В неформальной среде довольно спокойно общались «демократы», «патриоты», анархисты, монархисты, коммунисты, социал-демократы и либерал-консерваторы различных оттенков. Иногда и группирование неформалов происходило совсем не по идеологическим принципам, а по направлениям деятельности — защитники памятников, педагоги, экологи и др. Тем не менее неформалов несложно отделить как от диссидентского, так и от общедемократического движения. В отличие от диссидентов неформалы спокойно относились к взаимодействию с властями, вхождению в государственные и официальные структуры. В отличие от «демократов» неформалы скептически относились к признанным «прорабам перестройки» и «демократическим лидерам» из старой правящей элиты, предпочитали действия в малых группах, то и дело раскалывая «демократический фронт». Неформалы предпочитали ставить в центр своей активности какую-то конкретную социальную деятельность, несмотря на то, что почти все неформальные группы имели собственную, подчас весьма экзотическую идеологию: идеологизм неформалов не позволил этой среде согласиться на единые идеологические принципы, в то время как диссидентам и демократам легко удавалось договариваться между собой «в основном». Неформалов характеризует преобладание связей горизонтального характера, в отличие от демократическо-популистского движения и партийных структур более позднего времени. Поэтому, несмотря на длительность существования неформальной среды, она

преобладала в оппозиционном движении только на начальном этапе перестройки, став катализатором формирования гражданского общества, но не новой системы власти. В итоге возникло своего рода разделение труда: лидеры «демократов» сделали ставку на преобразование общества сверху, неформалы — снизу. Остатки диссидентского движения либо «пошли во власть», отступая от прежних правозащитных принципов, либо сохранили правозащитную специализацию и остались в системе гражданского общества.

Выделим основные, на наш взгляд, черты неформальной среды:

- преобладание связей горизонтального характера (в отличие от демократическо-популистского движения и партийных структур более позднего времени);
- приверженность социальному творчеству, склонность к поиску новых социальных форм, альтернативизму, «конструктивному утопизму»;
- органический демократизм, стремление к самоуправлению, внутренней антиавторитарности, «коллективному руководству»;
- слабая артикулированность, «прописанность» формальных отношений, формирование внутренней структуры организаций по принципу «корней травы», без системы, на основе личностных связей, стремление к созданию собственной микросреды, стиля жизни (как и диссиденты, но не «демократы», в большинстве своем разделяющие жизнь и «общественную деятельность»);
- отсутствие жестких ограничений на сотрудничество, например, с властью (в отличие от диссидентов и, скажем, народовольцев);
- отсутствие четких идеологических «рамок» при высокой идеологизированности каждой группы в отдельности (в отличие от диссидентов);
- стремление «мыслить глобально, а действовать локально», иметь конкретные социально ориентированные (т. е. направленные на получение социального эффекта, а не прибыли) проекты, подтверждающие идеи или способствующие их воплощению в жизнь.

Все это многообразие признаков можно свести к нескольким простым: социальное творчество, самоуправление, корневая горизонтальная структура, ориентация на сотрудничество, конкретное социальное «делание» при радикализме идей. Нетрудно заметить, что такая среда могла возникнуть (и возникла) сразу после отказа власти от тотального контроля за обществом, т. е. в 1950-е гг. Новым явлением 1980-х гг. стало появление политического неформального поля. Ранее политизация неизбежно превращала неформала в диссидента, а с началом перестройки можно было сохранять неформальный стиль, переходя в оппозицию.

Понятно, что такая среда может играть решающую и наиболее заметную роль в начальные периоды общественного подъема: востребуются новые идеи, широкие социальные слои еще только втягиваются в политическую жизнь, но уже готовы поддерживать локальные социальные инициативы. Ранее неформалы предпочитали действовать «не высываясь», позднее их оттесняют «перестроившиеся» правящие элиты и массы, ориентированные на вождя, что для неформалов неприемлемо. Социальные причины снижения массовости неформального движения также понятны: это и завершение революционного процесса (общее падение массовости общественных движений), и социально-экономические трудности (раньше было легче заниматься общественной деятельностью на непрофессиональной основе, а профессионализация приводит к сокращению рядов движения). Неформалы-общественники как явление не имели жестких границ и частично смешивались и с диссидентами, и с демократическими движениями, и со средой официальных организаций — партий, профсоюзов, обществ и т. д.

Действия реформаторов в условиях кризиса экономических преобразований были направлены на постепенную ликвидацию советского демократического политического фасада при одновременной вестернизации институтов реальной власти. Неформалы, напротив, стремились к насыщению фасадных структур — советов, профсоюзов и других общественных организаций — реальным содержанием, что позволило бы разрушить реальные авторитарные институты, прежде всего партийные. Гражданские движения этого периода в большинстве своем были носителями советской революции, начавшейся тогда, когда процесс реформ зашел в тупик

и возникла необходимость взлома существующей легитимности, что, собственно, и является одним из критериев революции.

Советская революция

Лавирование группы Горбачева в 1988 г. подорвало уверенность в том, что «прогрессивные силы» в КПСС смогут сами добиться перемен. В мае — августе 1988 г. неформальные группы — «Община», «Гражданское достоинство», «Демократический союз» и др. — развернули первую кампанию массовых уличных выступлений в нескольких городах СССР, включая Москву и Ленинград. Одновременно были предприняты первые попытки консолидации оппозиционных движений различных направлений (в рамках общедемократической ориентации)¹. Был принят согласованный «Общественный наказ» общественных движений к XIX партконференции, в котором говорилось: «Преобразовать партию из организации, управляющей “от имени народа” при помощи переродившейся касты “партократов”, в действительно политическую организацию; для этого она должна быть полностью лишена властных функций, передаваемых в Советы и органы государственного управления, что должно найти отражение в законе о партии. Статья 6 Конституции должна быть соответствующим образом изменена [...] Вся полнота власти должна быть передана Советам [...] Рассматривать становление подлинного самоуправления на производстве в качестве главной стратегической задачи реформы в духе демократического социализма»². Характерно, что идеологи либерально-западнического и социалистического направлений сошлись именно в пункте разрушения монополии КПСС на власть.

Демократические движения 1988–1990 гг., к которым в 1989 г. присоединилось и организованное рабочее, прежде всего шахтерское, движение, восприняли лозунги небольших «разночинных» организаций: права и свободы, ликвидация однопартийности, социальная справедливость, самоуправление, самостоятельность регионов и др. Генератором идей, которые признавал затем демокра-

¹ Подробнее см.: Шубин А. В. Преданная демократия. Перестройка и неформалы. М., 2006. С. 187–215.

² Открытая зона. 1988. № 7.

тический сектор общества, были неформальные группы «Община», «Перестройка» (социалисты и социал-демократы), Демократический союз, «Гражданское достоинство» (в большинстве своем либералы) и др. Во второй половине 1980-х эти группы выдвигали идеи, которые затем поддерживала «широкая общественность». Открытые идеологические дискуссии неформалов между собой и с представителями официальных структур явочным порядком «ввели» в стране политический плюрализм.

В 1989–1990 гг. для наиболее динамичной части номенклатурной элиты стало очевидно, что реализация ее задач — сохранение власти и приобретение собственности — невозможна без смены ценностей и мифов, на которых зиждется государственная идеология. Эта часть номенклатуры объединилась со статусной интеллигенцией. Известность «прорабов перестройки», обеспеченная доступом к СМИ, давала «официальным» либералам возможность возглавить освободительное движение если еще не идейно, то организационно. Наиболее видные деятели либерального лагеря покинули КПСС лишь в июне 1990 г., после того как под давлением массовых манифестаций однопартийность была уже де-юре отменена в феврале 1990 г.

Одним из факторов, который затруднял переход либеральной номенклатуры в оппозицию к КПСС, было отсутствие у видных либералов собственного партийного аппарата в 1988–1989 гг. «Прорабы перестройки» были союзниками, но не руководителями неформалов, принимавших решения самостоятельно. Конечно, действия неформальных организаций использовались «шестидесятниками», в том числе и либералами в руководстве КПСС. Но и неформалы каждый раз решали, какую кампанию «верхов» поддержать, а какую — нет.

Лишь после выборов 1989 г. лидирующее положение в демократическом движении постепенно переходит к Межрегиональной депутатской группе (МДГ), состоявшей в большинстве своем из партийных либералов. Тогда же возникает постоянный партаппарат «демократов»¹. Однако, чтобы укреплять свой контроль за расширяющимся гражданским движением, руководители МДГ должны

¹ Подробнее см.: Шубин А. В. Преданная демократия. Перестройка и неформалы. С. 305–325.

были повторять лозунги, выдвинутые диссидентами и неформалами. «Собственность — народу! Земля — крестьянам! Заводы — рабочим! Вся власть — Советам!»¹ — говорилось в обращении группы депутатов, призывавших провести политическую стачку 11 декабря 1989 г. Все лидеры, подписавшие это обращение, за исключением скончавшегося вскоре А. Сахарова, через два года стали горячими противниками большинства этих лозунгов. Но в 1989 г. МДГ, обладавшая парламентской трибуной, была еще рупором гражданского движения, которое в это время было представлено сотнями неформальных организаций и общественных движений, стачечными комитетами, комитетами самоуправления и другими институтами непосредственной демократии². Представители этого движения продолжали оказывать существенное воздействие на политику демократического «лагеря» до 1990 г., а в периоды кризисов — до августа 1991 г.

К середине 1990 г. в общественном сознании населения крупнейшей республики СССР — РСФСР — укрепились ценности плюрализма и идейной терпимости, гражданских свобод и строительства общества снизу. В России возникло легальное и объединенное множеством взаимных контактов гражданское общество, состоящее из независимых от государства экономических, общественных, профсоюзных и информационных организаций. Сформировались ростки независимой прессы, система управления стала полицентричной: восстанавливалась власть Советов на местах. В результате выборов 1990 г. образовалась независимая от КПСС представительная власть, после чего сама КПСС потеряла характер тоталитарного института и превратилась в одну из двух крупнейших партий: второй стало движение «Демократическая Россия», созданное на базе неформальных движений, новых партий и МДГ. Наступление гражданского общества на авторитарный коммунистический режим завершилось успехом. Но Советскому Союзу осталось жить полтора года.

Как отмечают и консервативно-коммунистические, и радикально-либеральные авторы, вытеснение КПСС из управленческих

¹ Архив автора.

² См. также: Левчик Д. А. Комитеты общественного самоуправления в России (1988–1993 гг.). М., 2000.

структур, потеря монополии на власть коммунистической партией, которая «являлась главным цементирующим элементом СССР», способствовали «тому, что распад СССР приобрел “галопирующий” характер»¹. Но и здесь стоит отметить, что связь между ослаблением позиций КПСС и распадом СССР не столь прямолинейна. Во-первых, даже практически полное сохранение власти за коммунистическими структурами в Казахстане, Туркменистане и Узбекистане не сделало эти республики оплотом горбачевского центра. «Галопирующий характер» распад СССР принял в большей степени из-за противоречий внутри коммунистической бюрократии как «цементирующей силы». А эти противоречия родились не с перестройкой. Они нарастали весь период «застоя»². Перестройка в этих условиях стала не причиной, а сигналом для усиления соперничества и автономизации кланов партийной бюрократии. Поэтому освобождение общества от такой опасной «руководящей и направляющей силы» было для него дорогой к спасению. Для этого должны были укрепиться новые политические сети, носившие всесоюзный характер, а таковыми были крупнейшие неформальные движения. Однако этот путь имел свои недостатки: гражданское общество только формировалось, а реформы Горбачева не создавали альтернативной КПСС системы координации. Советская революция была неустойчивым движением, победоносным в своей антикоммунистической составляющей, но уязвимой изнутри, со стороны перестроившейся номенклатуры. Гражданские движения, особенно неформалы, в силу горизонтального характера своей структуры не могли, а часто и не хотели выиграть борьбу за государственную вертикаль. Это обрекало советскую революцию на поражение.

В результате само «демократическое движение» оказалось под контролем бюрократических элит. Борьба за власть как позицию, определяющую результаты раздела собственности, стала основой союза национальных элит и лидеров «демократического» движения, интегрировавшего и часть неформального актива. Неформалы, не ушедшие «во власть», стали основой гражданского общества России 1990-х гг.

¹ Согрин В. Политическая история современной России. 1985–1994. От Горбачева до Ельцина. М., 1994. С. 101.

² Подробнее см.: Шубин А. В. Золотая осень или период «застоя». СССР в 1975–1985. М., 2007.

Распад СССР и «шоковая терапия» начала 1990-х гг. привели к существенным изменениям и в структуре гражданского общества. Оно профессионализировалось, заметно потеряло в численности, а в начале XXI века — и во влиянии. Под давлением социальных трудностей старое поле неформальных движений фактически распалось. Часть старых неформальных движений (ДОПы, коммунары, КСП) сохранилась, но «заперлась» в своей нише, деполитизировалась, разочаровавшись в итогах политизации конца 1980-х — начала 1990-х гг. Существенно обновились и кадры, сетевая структура во многих местах была «разорвана» конкуренцией профессионализовавшихся команд, зависимых от бизнес-структур и государственных институтов. Но в условиях развития виртуальных технологий возникают новые связи и сети, в которых проявляют активность и выходцы из неформального прошлого. Возможно, их опыт окажется востребован, поскольку в случае возобновления движения нашего общества навстречу постиндустриальным задачам волей-неволей оно должно будет доделать работу, начатую в ходе социального обновления перестройки.

Алексей Берелович, Париж

Интеллектуалы и перестройка

— Жопа! — крикнул он [...]
Просрали волка-то... Охотники!
Л. Н. Толстой. Война и мир

Для начала два соображения:

- важность возвращения к вопросу о перестройке;
- причина, по которой небезынтересно исследовать позицию интеллигенции во время перестройки.

Перестройка — эта банальность — важна потому, что была тем периодом, в который советский строй разрушался и окончательно рухнул. Исследование перестройки означает не только исследование конкретных форм, которые принял распад Советского Союза, но также и постановку вопроса о причинах и логике, приведших систему к гибели, или, если сформулировать иначе, о причинах, по которым начинание, предпринятое Михаилом Горбачевым, а именно модернизация экономики, придание стране ускорения и открытости, построение (не будем забывать значение слова «перестройка») демократического социализма, или, используя формулировку, утвердившуюся после Пражской весны, социализма с человеческим лицом, провалилось.

Наступил ли конец Советского Союза вследствие ряда обстоятельств или, скорее, в соответствии с некой закономерностью истории? Сегодня, *post factum*, господствующим представлением является то, что крах был неизбежен, потому что общественно-экономическая «советская» (социалистическая) система была нежизнеспособна. Вопреки своей видимой строгости, объяснения такого рода являются, по сути, тавтологией: система потерпела крах, потому что должна была потерпеть крах. При необходимости, к этому добавляют «закономерность», хотя, о каком же законе

может быть речь, не вполне очевидно. Эту историографическую операцию зачастую совершают интеллектуалы, интегрированные в свое время в советскую систему. Подобная операция отвечает старым повадкам «марксистско-ленинской» историографии, в которой все события объяснялись законами истории; она еще и позволяет легко оправдать активное или пассивное приятие строя: поскольку он должен был пасть сам собой, не было никакой нужды ему сопротивляться.

За этим вопросом о перестройке как агонии строя вырисовываются два других вопроса, связанных один с другим. Первый касается восприимчивости советского строя к реформам (да, он поддавался преобразованиям, поскольку сама центральная власть осуществила глубокие реформы во время перестройки; нет, он не поддавался реформам, поскольку эти преобразования и привели Советский Союз к краху). Второй вопрос, вытекающий из первого, более общий: а жизнеспособен ли был социализм или же он с самого начала был обречен как исторический тупик (социализм — как бы «ошибка» истории, создавшей нежизнеспособный вид, что-то вроде динозавров в животном царстве)? Если крушение СССР объясняется лишь случайными причинами, проблема жизнеспособности социализма остается во всей своей полноте; если же видеть в подобном крахе явление неизбежное, вызванное законами истории, ясно, что тогда это становится «доказательством» невозможности существования социализма (в числе объясняющих схем присутствует еще и та схема, в основном среди радикальных левых, которая различает Советский Союз и социализм и видит в его крушении не что иное, как подтверждение его несоциалистической природы, и, таким образом, ничем не подрывает доверие к социалистическому пути). Сегодня, конечно, господствующим является второй вариант, однако следовало бы вспомнить, что в прошлом мы уже имели одну систему, обреченную историей, — это был капитализм, который сегодня, в своем либерально-демократическом варианте, является, если верить положению Фукуямы, непревзойденным горизонтом человеческой истории¹.

¹ Fukuyama F. The End of the History and the Last Man. Free Press, 1992. Надо уточнить, что с тех пор автор отказался от этого положения или, во всяком случае, его смягчил.

Изучая перестройку, мы должны реконструировать различающиеся, зачастую взаимопротивоположные, желания различных действующих лиц. Поборники безусловного сохранения системы были в действительности немногочисленны, в основном встречаясь на разных уровнях государственного аппарата, включая, следовательно, и органы КПСС; далее шли в более значительном количестве сторонники умеренных реформ, которые в дальнейшем образуют одну группу со стойкими консерваторами, будучи напуганы горбачевскими реформами и еще более того — радикальными реформаторами; затем, продолжая наш перечень от самых консервативно-охранительных к самым реформаторски-решительным, следует само ядро «горбачевцев», желающих глубоких преобразований социалистической системы, при всем при том сохраняя ее; и, наконец, мы имеем тех, кто хотели выхода из социалистической системы. Было бы ошибочным считать, что все эти вышеперечисленные течения были структурированы, имели четко сформулированные программы и искали поддержки у населения. Большинство действующих лиц претерпело стремительную эволюцию, перейдя, например, от умеренного реформизма к антисоветскому радикализму (в собственном смысле слова: с желанием положить конец советской системе), или, наоборот, эволюцию, о которой упоминалось выше, — от умеренного реформизма до яркого консерватизма; помимо действительной эволюции, нужно точно так же учитывать и тактические ходы, когда либералы (не в советском смысле слова приверженцы демократизации системы, а противники, выступающие от имени экономического либерализма и демократии против социалистической системы) предпочитали — особенно в начале перестройки, когда свобода слова не имела еще четко определенных границ или ясно ограничивалась осторожной критикой «ошибок» системы, — выступать как стоящие на позициях «демократического социализма», нежели выставлять напоказ свои убеждения. В этом диапазоне колеблющихся установок интеллектуалы и будут искать себе место, самовыражаться, действовать, заключать альянсы, маневрировать.

Исследование перестройки позволяет затронуть еще один вопрос: что осталось от прежней системы; и притом требуется рассмотреть более тонко, чем эта система обязана социалистической идеологии, бывшей у ее истоков, и что было либо создано, либо сохранено от режима до 1917 г. и, не будучи ничем обязано со-

циализму, продолжает спокойно существовать после его отмены. Так, например, роль личной власти и «лояльности» по отношению к этому лицу, выражающаяся в том, что В. Путин определил как «вертикаль власти», когда вся власть спускается с самого верха и расходится к низам, — эта роль, возможно, укрепилась в период социализма, но наличие подобного до 1917 г. и после 1991-го позволяет нам, я полагаю, сказать, что роль и значение этих вещей не совпадают с режимом социализма, но является формой правления, продолжительно существовавшей на территории России. С этой точки зрения перестройка является моментом крайней активности, потрясений, заставивших страну сойти с ее "path dependence"¹, моментом свободы, довольно кратким, по определению, за которым последовала новая детерминированность, когда к прежним формам, вернувшимся в значительном количестве, прибавились более или менее незаметно новые формы, появившиеся в этот краткий момент. Парадоксальным образом, тогда, когда инициатор реформ, казалось, желал больше социализма (некоторые черты которого оставались в Советском Союзе, по крайней мере, на уровне декларации)² и меньше советизма (авторитарной системы, основанной на слиянии экономики и политики), в конце концов Россия пришла к противоположному — стиранию последних следов социализма и сохранению, если не укреплению, советизма.

Почему, на мой взгляд, важно поставить вопрос о роли, которую сыграла интеллигенция во время перестройки? Для начала отметим, что сама интеллигенция имеет склонность преувеличивать свою роль и считать ее решающей³; в действительности, важнее

¹ Path dependence (англ.) — зд. колея.

² Так, социалистический дискурс, присущий советскому строю, сдерживал или делал предосудительным отъятие у неимущих власть имущими — отъятие с отменой социалистической идеологии, процветшее во всей своей красе.

³ Это черта любой интеллигенции, которая в зависимости от эпохи, страны и отдельно взятой личности принимает различные формы. Самые прекрасные примеры из числа мне известных дают нам Анна Ахматова, которая считала, что своей встречей с И. Берлином развязала холодную войну, и Луи Альтюссер, который был уверен, что его небольшая группа «истинных марксистов» может революционизировать коммунистическое движение и сыграть решающую роль в наступлении мирового коммунизма. Это отсылает к мысли, заслуживающей рассмотрения и обсуждения, что книги вершат историю; на эту тему смотри главу «Вершат ли книги революцию?» в: Шартье Р. «Культурные истоки Французской революции». Париж, 1990. С. 86–115.

были экономические и национальные факторы, внутренняя борьба в коммунистической партии, но место интеллектуалов было тем не менее важным, поскольку из-за гласности оказалось наиболее видимой частью перестройки и из-за гласности же — важной деталью в стратегии реформ М. Горбачева, и зачастую, по воспоминанию, оно остается как существенная составляющая и символ конца 1980-х гг.

Советская¹ интеллигенция включилась в процесс либерализации общества прогрессивным и многообразным образом в соответствии с идеологическими течениями и степенью интеграции/маргинализации, характерными для тех, кого это касалось. В Советском Союзе интеллектуалы играли более значимую роль, нежели в западных обществах (в синхронистическом сравнении) или при царизме (в хронологическом сравнении), по причине, которая очевидна и часто приводится: в отличие от западных обществ, где легитимность власти исходит от всеобщих выборов или царского общества, где власть имеет божественное происхождение, советская власть получала свою легитимность от революции, которая в теории сама имела свой исток в «законах исторического развития» — исторический материализм. Эта власть, следовательно, категорически нуждалась, сильнее чем кто-либо, в идеологах, историках, философах, писателях, журналистах и etc., которые могли порождать этот легитимизирующий дискурс. Отсюда — особое внимание советской власти к своим интеллектуалам и важность той политики кнута и пряника, которую она практиковала в их отношении.

После «оттепели»², когда для интеллектуалов становится возможной выработка различных индивидуальных стратегий, установ-

¹ Я не стану останавливаться на вопросе, легитимно ли говорить о **советской** интеллигенции: для некоторых авторов обрыв в 1917 г. вносит нарушение преемственности, до тех пор коренной в истории интеллектуалов, и видоизменяет их функцию до той степени, что становится невозможно использовать слово «интеллигенция» после 1917 г.

² Разделяя сталинский период, при котором жизнь определялась в терминах выживания (несогласие с режимом, недостаток лояльности по отношению к нему могло стоить жизни, даже если согласие с ним жизни не гарантировало), и период постсталинский, при котором индивид, в границах безусловно узких, но тем не менее предоставляющих некоторую свободу выбора, мог определять свой жизненный путь, я прибегаю к сильнейшей схематизации, в чем прекрасно отдаю себе отчет, но вопреки этому схематизму картина, по-моему, в сущности верна.

ливается диверсификация двух типов: идеологический диапазон, с националистами (их различные варианты — государственники или неославянофилы), государственниками, «марксистами-ленинистами», реформаторами-приверженцами демократического социализма, «западниками» — поборниками либеральной демократии, технократами и etc.¹ При отсутствии публичного пространства и, следовательно, общественного мнения; при отсутствии общественной дискуссии или при наличии лишь ее извращенной формы, через самиздат и тамиздат (но было ли это публичным?) или в печати в замаскированных выражениях, через иносказание; при отсутствии, разумеется, политических партий — воззрения оказывались плохо определяемы, отмечены флуктуацией, и направления мысли, а priori несопоставимые, прекрасно могли уживаться в речи одного и того же человека.

Но наиболее интересное для моей темы различие второго типа — это интеграция в общество (и, в конечном счете, вся власть). Здесь мы имеем континуум, образно говоря, от диссидента до партаппаратчика Центрального комитета.

Наскоро перечислим несколько четко маркированных типов интеллектуалов.

Открытые диссиденты, публично демонстрирующие свою оппозицию, входящие в различные группы; как крайний случай — «профессиональные диссиденты». На момент перестройки многие окажутся или в заключении, или в эмиграции. Затем круг, близкий к диссидентам не только в идеологическом смысле — поскольку принадлежавшие этому кругу встречались в различной по своему положению среде, — но по характерному для своей социальной группы поведению: «подписанты», дающие свою подпись, но не систематически, на письмах протеста против того или иного действия власти, в конце концов печатающие «диссидентские» статьи за границей или в самиздате, чаще всего под псевдонимом. Близко, но не смешиваясь с ними, находятся «исключенцы», бывшие причастными к аппаратам власти, — те, кто по той или иной причине, порой случайно, порой глубоко ло-

¹ Смотри, к примеру: Амальрик А. Просуществовал ли Советский Союз до 1984 года? Амстердам, 1969.

гично, маргинализировались, подвергались более или менее жесткому остракизму; чаще всего речь идет о «шестидесятниках», исповедующих «демократически-социалистические» убеждения. Добровольные маргиналы — «истопники» — из поколения «семидесятников», приверженцы культуры андерграунда, верующие и т. д. «Нормальные» — интегрированные, работающие, печатающиеся, среди которых надо различать два варианта: с одной стороны, это интеллектуалы, знавшие цензурные границы и всегда пытавшиеся их обойти, т. е. прибегающие к стратегиям максимального высказывания в публичном пространстве без принятия на себя излишнего риска; и второй вариант — пребывание в mainstream'e, хотя и при всем старании остаться хорошим профессионалом и лично не совершать подлостей; ни те, ни другие не делают карьеры, не стремятся на руководящие посты, которых им, между прочим, и не предлагают. Можно продолжать в таком роде, продвигаясь к самым «крепким орешкам» власти, среди которых — компетентные в своей области карьеристы, желающие состояться¹ и готовые ради этого на некоторые идеологические и моральные жертвы, но тем не менее озабоченные тем, чтобы сохранить минимум достоинства и уважения к себе; карьеристы полные и циничные, готовые на все, чтобы проложить себе путь; карьеристы, верящие в дело, которому служат (изредка — коммунизм, чаще — «великий Советский Союз»). На подступах к средоточию власти встречаются директора институтов (но здесь опять же обнаруживается некое различие между одним директором института, защищающим полудиссидентов, и другим, кто, наоборот, собственноручно организует их травлю), редакторы журналов (с тем же различием), и затем мы встречаем интеллектуалов, работающих в лоне аппарата КПСС, со всеми возможными нюансами, соответственно идейным взглядам и жизненному пути. Мы встречаем их в кругу советников, консультантов и т. д. Думается, что выше этого круга и ответственному партийному работнику может быть присвоен интеллектуальный статус: сами они, хотя и не всегда, считали себя таковыми.

¹ Этот человеческий тип великолепно изображает Л. Гинзбург в «Еще раз о старом и новом поколении на повороте» в кн.: Тыняновский сборник: Вторые тыняновские чтения. Рига, 1986. Эта статья — необходимый ориентир для всякого, кто интересуется отношениями между интеллектуалом и властью.

Нередко они — выходцы одних и тех же высших учебных заведений, самых престижных, таких как университеты Москвы и Ленинграда, особенно надо отметить факультеты истории и философии¹, но также и журналистики; для всего, что касается международного круга вопросов, разумеется, — МГИМО; «Плехановка» и т. д.; научное и техническое образование оставим в стороне. Для наиболее политизированных местом формирования «социальных сетей» станет журнал «Проблемы мира и социализма» в Праге, который нам снова встретится во многих книгах воспоминаний². Социальные сети сделают возможным тесные контакты между интеллектуалами, чьи судьбы сложились противоположным образом. Так, Н. Биккенин, о котором я только что упоминал, во время перестройки сделавший журнал «Коммунист — Свободная мысль» одним из самых интересных в Советском Союзе, и который «много лет (1966–1987) работал в аппарате [...] ЦК КПСС, в частности, заведовал сектором журналов»³, поддерживает дружеские связи с Игорем Дедковым, журналистом и литературным критиком, находящимся в полуизгнании в Костроме за то, что после XX съезда КПСС был одним из лидеров студенческих выступлений на факультете журналистики МГУ. Как только Биккенин становится редактором «Коммуниста» (до того, как он станет главным редактором) и приближенным советником М. Горбачева, он организует переезд И. Дедкова из Костромы в Москву, где этот последний делается одним из самых читаемых журналистов «Коммуниста — Свободной мысли».

И, наконец, важно отметить, что поколение шестидесятников⁴ после утраты характерных для этого поколения надежд на демократический социализм, крушения иллюзий, наступившего между 1964 (снятие Хрущева) и 1968 годом (вторжение советских войск

¹ Смотри, например, воспоминания о философском факультете: Биккенин Н. Как это было на самом деле. М., 2003. С. 75–77. Свою «социальную сеть» Н. Биккенин продолжал укреплять благодаря своей работе в журнале «Вопросы философии».

² Смотри, например: Карякин Ю. Перемена убеждений. Москва, 2007. Глава «Прага». С. 43–44. Автор перечисляет: А. М. Румянцев, Н. Иноземцев, А. Черняев, В. Загладин, М. Мамардашвили, Г. Арбатов, etc.

³ Биккенин Н. Указ. соч. С. 4.

⁴ Было бы слишком долго перечислять все книги о шестидесятичестве; смотри, например: Буртин Ю. Исповедь шестидесятника. М., 2003.

в Чехословакию и смертный приговор «Пражской весне»), развивалось, размежевываясь меж собой, — в диапазоне от тех, кто был привержен, чаще всего по оппортунизму, «нормальной советскости» эпохи Брежнева, до тех, кто уходил в диссидентство; от «западного» либерализма до национализма «почвенников» — сохраняя в себе тех (и это важно), кто оставался на своих юношеских позициях демократического социализма. Эти-то последние и будут теми, кто откликнется — и естественно, первыми — на клич мобилизации со стороны Горбачева и его команды.

Накануне перестройки так называемая либеральная интеллигенция одновременно воспринимала себя полностью отчужденной и от «власти», и от «народа» (если воссоздавать то силовое поле, в лоне коего она себя мыслит, а именно треугольник — власть/народ/интеллигенция; треугольник, к теме которого у нас еще будет случай вернуться¹). В личном дневнике, опубликованном автором в качестве документа и ретроспективно повергавшем автора в стыд («корчась от стыда при чтении дурацких, грубых и безапелляционных суждений»²), уже само название которого дает почувствовать иронию, питаемую автором в отношении своих заметок, одна тележурналистка пишет в момент событий:

«15 июня 1983

Только что прослушала главный идеологический доклад, сделанный вчера Черненко. Поток бессмысленных слов, вызывающий ярость... Неужто с ними?»³

Новые, отчасти, руководители быстро отдают себе отчет — и что касается некоторых из них, они отдавали себе в этом отчет уже и раньше, — что пропасть отделяет общество от власти, и ввиду неэффективности первоначальных экономических мер («ускорение»), также оказавшись перед лицом разочарованного и после десятилетиями невыполнявшихся посулов скептически настроенного общества, эти руководители, дабы внушить доверие к желанию ими перемен, усматривают выход в но-

¹ См. ст.: Левада Ю. «Интеллигенция»/50/50. Опыт словаря нового мышления. М. С. 128–131.

² Юрьева Т. Дневник культурной девушки. М., 2003. С. 5.

³ Там же. С. 25.

вой мобилизации общественных сил благодаря посредничеству интеллектуалов-«реформаторов»¹. Это и будет политика «гласности». Желая создать подобие общественного мнения, с призывом обращаются как раз к тем журналистам из поколения шестидесятников, пишущим о политике, которые не уронили или уронили, но не слишком свое доброе имя. Знаковой фигурой этой когорты станет Егор Яковлев и еженедельник «Московские новости», куда его пригласят главным редактором. Это обращение к шестидесятиникам можно объяснять по-разному, и притом одно объяснение не исключает другого. Они принадлежат к тому же поколению, что и окружение Горбачева, и к поколению самого Горбачева; в первом приближении (как мы видели, оно не всегда так бывает) они стоят на тех же позициях, соответствующих позиции Горбачева, — демократического социализма; они одновременно и более способны мобилизоваться, нежели добровольно маргинализовавшаяся часть следующего поколения, и в то же время менее скомпрометированы активным сотрудничеством с партийной и государственной властью в брежневскую эпоху, нежели «адаптировавшаяся» часть того же самого следующего поколения; наконец, у них было время в момент «оттепели» создать себе репутацию и приобрести известную легитимность в качестве интеллектуалов, что было невозможно или, во всяком случае, гораздо сложнее для следующих поколений. Это поколение семидесятников делится на «истопников», куда более скептически настроенных по отношению ко всякой власти и заставивших долго себя убеждать, что «новая команда» действительно хочет перемен. Для некоторых из них, однако, маргинализация в период застоя была столь радикальной, что свободы, которые дала перестройка, оказались для них недостаточными, чтобы вернуться к жизни в обществе: они останутся «потерянным поколением». Несколько иной станет траектория семидесятников, бывших полностью аполитичными в брежневскую эпоху: они составят новоявленные резко политизировавшиеся клубы, комитеты, группы, etc., офор-

¹ Видна вся та значимость, удивительная на западный взгляд, но вполне понятная в советской системе, которую верховный орган власти, Политбюро, придает «творческой интеллигенции» в заметках со съездов, сделанных А. Черняевым, В. Медведевым и Г. Шахназаровым. См.: В Политбюро КПСС... М., 2006. Там идут дебаты о съезде кинематографистов, писателей, о романе «Дети Арбата» А. Рыбакова и т. д.

мившиеся на втором этапе перестройки и получившие название «неформалы»¹.

Дабы убедить эту интеллигенцию в реальности своих намерений (это не значит, что приятие их в лоно было просто орудием: оно очевидным образом соответствовало убеждениям таких людей, как М. Горбачев и А. Яковлев²), руководство КПСС совершает много знаковых действий, вроде того, как предоставленная Союзу кинематографистов в 1986 г. свобода избрать главой Элема Климова и, конечно же, прежде всего освобождение А. Сахарова, в декабре 1986 г. вернувшегося из своей ссылки в Горьком (ныне — Нижний Новгород) в Москву.

Постепенно интеллектуалы начинают верить в реальность изменений и мобилизуются. Так, Татьяна Юрьева записывает 9 ноября 1986 г.: «Сейчас им [Горбачевым] увлечена интеллигенция. Только и слышишь от знакомых: я — ГОРБАЧЕВКА! А некоторые бранятся: У-У, ГОРБАЧЕВКИ!»³. Уже в мае 1986 г. Игорь Дедков записывает в дневнике: «Речь [Горбачева] хороша многими сторонами. Во всяком случае, с времен Хрущева (красноречивая отсылка! — А. Б.) с народом, т. е. со всеми нами, так не разговаривали». Но несколькими строками ниже он замечает по поводу надежд у людей его круга, чрезмерных, на его взгляд: «Вот уж поистине в духе наших вечных умильных надежд!»⁴

Интеллектуалы, стало быть, от моментов надежды будут переходить к периодам уныния. Надежда — ибо на этой стадии от них не зависит ничего, а все — от доброй воли руководства страны. Это то, что прекрасно выразил И. Дедков, заметив: «Как я устал

¹ На эту тему см. очень интересную книгу: Сигман К. Политические клубы и перестройка в России. Ниспровержение без диссидентства. Париж: Картала, 2009 (Sigman C. Clubs politiques et perestroika en Russie. Subvesion sans dissidence. Paris, éditions Karthala, 2009).

² Смотри, например, как на заседании Политбюро 27. X. 1986 г. М. Горбачев возмущает Лигачеву и Громыко, разоблачающим идеологические ошибки писателей: «Нам надо делать так, чтобы большинству вопросов литературного творчества, оценку произведений давали сами художники, их творческие союзы, а не Комитет государственной безопасности или Центральный комитет». В Политбюро КПСС... М., 2006. С. 99.

³ Юрьева Т. Дневник культурной девушки. М., 2003. С. 125.

⁴ Дедков И. Op. cit. С. 456.

надеясь». Циклы надежды и уныния описывает Л. Баткин в своей статье в сборнике «Иного не дано»¹. Надежда, которая отсылает, для поколения шестидесятников, к надеждам «оттепели». Как об этом говорит поэт этого поколения Булат Окуджава в интервью в мае 1987-го: «Я **ВНОВЬ** повстречался с надеждой»². Во всех умах присутствует параллель 1956/1986, «оттепель»/перестройка — вместе с мыслью назойливо-неотвязной: не упустить этот шанс дважды.

С достижением свободы слова в том же 1987-м начнется двойной процесс: притом, что партийное руководство должно еще выглядеть монолитным и замалчивать свои разногласия, политические противники дают друг другу бой посредством органов печати. Упрощения ради можно сказать, что «Московские новости» противостояли «Советской России», но за ними маячат члены Политбюро, их поддерживавшие. Другой процесс, который придаст 1987–1989 гг. всю их окраску, — это постепенная разведка (скорее, нежели завоевание) пространства данной свободы: сперва критика брежневского периода (застоя), потом критика сталинизма и, наконец, критика советской системы в целом. Пик этого развития будет достигнут публикацией «Архипелага Гулаг» в журнале «Новый мир» в августе — ноябре 1989 г.³ Из этого родилась логика, которая возымеет зловещие последствия для интеллектуальной (и политической, кроме того) жизни: заходить все дальше⁴; чем радикальней была критика советского строя, чем ужасней описываемое советское прошлое, тем оно считалось правдивее. И наоборот: чем в более чудесном виде описывалось прошлое России до 1917 г. или, в другом варианте, красоты Запада, тем оно считалось достовернее. В этом соревновании каждый день появлялись новые имена, и достаточно было выйти публикации, чтобы автор ее в один день

¹ Ст. «Возобновление истории» в сб. Иного не дано/под редакцией Ю. Афанасьева. М., 1988.

² «Я вновь повстречался с надеждой» // Московские новости. 31.5.1987.

³ Смотри, например, об этой стороне перестройки в 1986–1988 гг.: Берелович А. Культурная перестройка: освобожденное слово/«L'URSS et l'Europe de l'Est 1988», ежегодник «La Documentation française». Париж, 1988. С. 11–37.

⁴ «Дальше, дальше, дальше» — так называлась пьеса М. Шатрова того времени. Правда, в ней автор заходит не слишком далеко, остановившись на хорошо знакомой схеме: плохой Сталин versus хороший Ленин.

прославился. Таким образом, в публицистике — ибо это тот жанр, в котором выступает интеллигенция, — а не в научных статьях мы каждый день видим появление новых имен. А. Цыпко, А. Мигранян, И. Клямкин, Л. Баткин, Ю. Карякин, Ю. Буртин, А. Нуйкин и т. д. (список не полон) за день становятся знаменитостями, так как одна-единственная статья могла выдвинуть на авансцену. Некоторые из них познают таким образом славу-однодневку, другие останутся по сей день советниками или известными политическими комментаторами. Порой авторы выступают по своей специальности, экономике или социологии¹, но чаще выступления выходят за рамки специальной компетенции. Мы, таким образом, оказываемся свидетелями или того, что называется массовой потерей профессионализма, или, если угодно, общей переквалификации.

Итак, лишь после успеха мобилизации этой первой волны интеллектуалов мало-помалу начинают появляться настроенные более скептически. В марте 1988 г. группа эмигрировавших диссидентов печатает открытое письмо в еженедельнике «Русская мысль», в котором они ставят под сомнение реальность гласности и искренность советских руководителей и требуют от Горбачева представить доказательства его желания перемен. Е. Яковлев печатает это письмо и отвечает авторам, чтобы подчеркнуть их отрыв от реальности и осмеять их требование². Именно в 1988 г. еще не мобилизовавшиеся интеллектуалы включаются, в свою очередь, но делают они это гораздо более политизированным и воинственным образом, создавая группы, которые получают название неформальных. Они сыграют важную, если не решающую роль во время первых выборов на Съезд народных депутатов в марте 1989 г. Разница между «статусными интеллигентами» и вновь явившимися хорошо видна, если сравнить группы неформалов, руководимые этими последними, и деятельность «Московской трибуны», созданной в сентябре 1988 г., сгруппировавшей в основном первых. Своими дебатами и резолюциями «Московская трибуна» вполне вписывается в «треугольник», упоминавшийся выше. Интеллектуалы в силу знаний и общественной ангажированности адресуют власти свои

¹ Как, например, статьи Т. Заславской и Ю. Левады в социологии или В. Селюнина и И. Шмелева в экономике.

² «Пусть Горбачев предоставит нам доказательства» // Московские новости. 29 марта 1988 г.

рекомендации (роль советника при князе) и указывают народонаселению («людям») путь, по какому идти (роль просветителя)¹.

Но неподготовленность интеллектуалов к роли, которую они сами желали играть и которую общество (и власть²) хотело на них возложить, мешает им вырабатывать не только практические предложения, но и принципиальные рамки дискуссий. Основная масса обсуждений, исследований, документов касается оценки прошлого. На это есть, несомненно, основательные причины: анализ сталинского прошлого, прервавшийся, едва начавшись в момент «оттепели», должен был продолжаться³. Создание в январе 1989 г. общества «Память» было наиболее зримым и наиболее сильным выражением желания встать лицом к лицу с прошлым. Однако эта установка, ориентированная на прошлое, опиралась на политические предпосылки и возымела политические последствия. В лоне либеральной интеллигенции господствующее представление состоит в том, что советская система — это своего рода чудовищный нарост, от которого достаточно будет избавиться, чтобы снова встать на «столбовую дорогу [main stream]» истории человечества (по сути, Запада) и восстановить «нормальный»⁴ мир. Отсюда первое следствие: бесполезно вдаваться в подробности того, что нужно сделать в будущем, поскольку вещи должны наладиться сами собой, как только мы избавимся от «коммунизма». Чтобы понять господство этой идеи, следует вспомнить, что в конце 1980-х гг. мы были в самом разгаре ультра-либерализма, милого Маргарет Тэтчер (в 1989 г. выбранной в СССР женщиной года, 26,3% про-

¹ «Непосредственная цель таких обсуждений (...) в выработке общих оценок, прогнозов и особенно положительных экономических, политических, культурных рекомендаций» — пункт 3 «О создании политико-культурного общественного клуба "Московская трибуна"»; и далее (пункт 5): «Понимая наш клуб в качестве своеобразного общественного научно-консультативного совещания...» Архив автора.

² Во время сессии Политбюро 24 июля 1986 г. М. Горбачев жалуется: «И мы говорим: ученые, дайте ваши предложения! А они не могут нам дать своих разработок». В Политбюро КПСС... М., 2006. С. 73.

³ Подробный анализ взаимоотношения с прошлым во время перестройки см. в: Ferretti M. *La Memoria mutilata*. Milano, 1993.

⁴ Смотри словоупотребление «нормальный» в дискурсе перестройки в: Berelowitch A. *L'Occidente o l'utopia di un mondo normale*, «Europe», Fondation Gramsci, Rome, 1993. P. 31–43.

тив 5,3% шедшей за ней женщины¹) и Рональду Рейгану с его государством-минимум, невидимой рукой рынка, etc. Отсюда также второе следствие: главной или даже единственной целью ставится низвержение существующей системы. Ради этой цели смешиваются различные течения и группы — как те, кто стремятся к демократическому социализму, так и те, кто думает о социал-демократии «по-шведски», кто привержен либерализму или изредка даже монархисты. Также следовало сделать движение более радикальным и отстранить М. Горбачева с его поисками компромисса.

С этой точки зрения чреватой самыми тяжкими последствиями акцией оказалась поддержка популиста Бориса Ельцина, видя в нем таран — подходящий, раз популярный, — для свержения строя. Не обращая внимания ни на что, что смущало в личности Бориса Ельцина в случае его прихода к власти (от отсутствия у него политической культуры до проявлений авторитаризма), интеллигенция сделала из него своего демократического героя и резко отринула Горбачева². Интеллектуалы, верные схеме треугольника, описывали Ельцина (власть) в терминах «обучаемый», поскольку он прислушивается к своим советникам (интеллигенции). Мы увидели в дальнейшем, как Борис Ельцин внимал мнению Президентского консультативного совета³, который он создал и где поставил интеллектуалов на видное место. Его совет, игравший чисто декоративную роль, имел целью сохранить в глазах международного общественного мнения необходимый наружный лоск демократичности. Так что, несомненно, это не интеллектуалы «обучали» Бориса Ельцина, а это он их использовал, и не без блеска.

Успех и популярность Б. Ельцина, конечно, объясняются не исключительно поддержкой интеллектуалов и в первую очередь интеллектуалов межрегиональной группы на Съезде народных депутатов. Тем не менее эта поддержка сделала свое дело даже

¹ Есть мнение!/Под редакцией Ю. А. Левады. М., 1990. С. 286.

² Под самый конец перестройки, в январе 1991 г., Т. Юрьева записывает: «История его [Горбачева] сметет с дороги. Свою миссию — не мешать происходящим событиям — он уже выполнил». А несколько дней спустя, после событий в Латвии: «Надежда только на Россию, на ее демократические силы, на Ельцина». Юрьева Т. Дневник культурной девушки. М., 2003. С. 207, 209.

³ Президентский консультативный совет (1992–1993, распоряжение 157-рп) и Президентский совет (1993–2001, указ 273). Там можно найти список советников.

еще до избрания Бориса Ельцина всенародным голосованием, придав ему демократическую легитимность, которая надолго преобразила представление о нем, как оно складывалось и в России, и на Западе.

Он сумел среди прочего повернуть в свою пользу распространяемый интеллектуалами взгляд на главный выбор: коммунистический строй ↔ оппозиция (демократическая, но не только), в ущерб другому выбору — между демократическим и авторитарным. Неспособные перенестись в будущее, продолжая вплоть до начала 1990-х гг. быть загипнотизированными коммунистической угрозой и страхом возвращения коммунистов, продолжая, стало быть, отдавать предпочтение оппозиции по временной оси прошлое ↔ будущее, интеллектуалы, в огромном своем большинстве, проходят мимо оппозиции, которая намечается в настоящем и во имя будущего: это оппозиция между властью демократической и властью авторитарной¹. По этой причине они поддержат государственный переворот, совершенный Борисом Ельциным против Верховного Совета в октябре 1993 г., все еще будут его поддерживать на президентских выборах в 1996 г., несмотря на войну в Чечне, вопреки всему очевидному, под лозунгом: Борис Ельцин — оплот против возврата коммунистов и, следовательно (!), советского режима².

Это нас выводит за рамки вопроса перестройки, но, надеюсь, я сумел показать, что события эти, решающие для позднейшего хода российской истории, корнями своими восходят к данному периоду, который следует продолжать исследовать.

Перевод с французского: Нина Бавина

¹ Это было главным предметом обсуждения между французскими социологами и их русскими коллегами во время встреч с участниками Демроссии в процессе совместных исследований возникновения «социальных акторов» в России (1992–1993). См. главу 1 «Низовое политическое действие» в: Берелович А., Виевиорка М. «Русские с низов». Париж, 1996. С. 58–96.

² Однако уже в 1991-м и после постыдной сцены, когда в прямом телеэфире Борис Ельцин унижает М. Горбачева после возвращения с Фороса, чтобы установить свою власть, Дмитрий Фурман предвидит авторитарные последствия, за что получит Prix Cassandre, даваемый журналом А. Синявского и М. Розановой «Синтаксис». М. Геффер вышел из Президентского совета после путча в 1993-м.

Ленинградский клуб «Перестройка»: зарождение идеи и начало работы

Весна 2009 г. наряду с экономическим кризисом принесла и некоторое ожидание перемен в общественно-политической жизни — ожидание нового цикла демократизации и увеличения политического плюрализма. Если эти ожидания оправдаются, то снова, как и в горбачевскую перестройку, в полный рост встанет проблема нахождения адекватных решений разнообразных общественно-политических проблем. И снова возникнет потребность в независимых аналитических центрах, фабриках мысли, в которых не только ищутся решения, но и разрабатываются механизмы их реализации.

В подобной ситуации логично проанализировать успехи и неудачи подобных действий в период горбачевской перестройки. Соответственно, задачей настоящей работы является анализ создания и деятельности одного из первых политических клубов — Ленинградского межпрофессионального клуба «Перестройка». Некоторые из деталей его деятельности уже были представлены ранее в книге, написанной «по горячим следам»¹, при этом ряд достаточно больших фрагментов этого текста, как выяснилось недавно, представлен также на сайте «Агитклуб» (www.agitclub.ru). Еще в двух публикациях содержатся разделы, посвященные Ленинградскому клубу «Перестройка», — это книги А. Н. Алексеева² и А. Я. Винникова³. В настоящей работе фокус внимания будет направлен не столько на особенности деятельности клуба, сколько

¹ Сунгуров А. Ю. Этюды политической жизни Ленинграда-Петербурга: 1987–1994 гг. СПб., 1996. Глава 1. См. также нашу недавнюю публикацию «Ленинградский клуб “Перестройка” как прототип Центра публичной политики» в альманахе «Публичная политика-2007» (СПб.: Норма, 2007. С. 127–135).

² Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 3. СПб.: Норма, 2005.

³ Винников А. Я. Цена свободы. СПб.: Изд-во «Библиополис», 1998.

ко на его предысторию, на организации, ему предшествующие и ставшие важной основой для создания клуба «Перестройка».

1. Предшественники клуба в 1950–1970-е гг.

В 1950-е гг., особенно после хрущевской «оттепели», в советском обществе начали появляться группы, разрабатывающие свои варианты решения тех или иных стоящих перед обществом проблем, которые иногда были альтернативны официальной партийной линии. При этом часть таких групп достаточно жестко преследовалась государством (диссиденты и правозащитники), а часть продолжала существовать и даже иногда добивалась успехов.

Наиболее свободные обсуждения велись, конечно, в диссидентских кружках. По словам известного правозащитника и первого российского омбудсмана С. А. Ковалева, во время встреч диссидентов в 1960–1970-е гг., наряду с обсуждениями конкретной ситуации в стране, планами выпуска «Хроники текущих событий», арестов товарищей по движению, обсуждались «фундаментальные принципы права, разумного и свободного устройства общественной жизни»¹. При этом, правда, большинство из участников этих дискуссий не думали, что эти идеи могут быть реализованы при их жизни, поэтому конкретные пути демократического перехода практически не обсуждались. Кроме того, в результате жестких репрессий начала 1980-х гг. к началу перестройки большая часть активных диссидентов была либо в лагерях, либо в эмиграции, вернувшиеся же из лагерей в 1986–1987 гг. относились к горбачевским реформам с большим недоверием.

Вместе с тем наряду с инакомыслием в советском обществе постепенно развивалось и разномыслие. При этом если одни носители этого разномыслия переходили затем к инакомыслию, становились диссидентами-правозащитниками (например, члены КПСС в 1950-е гг. Ю. Орлов и Л. Алексеева), то другие оставались в пар-

¹ Интервью с С. А. Ковалевым, 7 октября 2004 г.

тии и даже не выпадали полностью из «номенклатурной обоймы»¹. Интересно, что в 2008 г. одновременно с книгой Б. М. Фирсова, где термин «разномыслие» фигурирует в самом названии книги², вышла в свет и монография А. В. Шубина, в которой одна из глав так и называется — «Разномыслие»³.

Другим примером разработки и внедрения важных общественных программ, находившихся вне строгого контроля партийно-хозяйственной номенклатуры, может служить коммунарское движение, включавшее в себя молодых, а затем и взрослеющих со временем людей, объединенных неформальным подходом к педагогике, к воспитанию детей и подростков. Многие из активистов этого движения работали в журналистике, группируясь вокруг «Комсомольской правды» и ее подростковой рубрики «Алый парус». Это движение обладало реальной социальной значимостью: многие «коммунары» пытались реализовать неформальные, творческие подходы и технологии к организации работы с подростками у себя дома, в школьных пионерских и комсомольских организациях. Однако таким образом «коммунары» вторгались в святая святых социалистической системы — в процесс воспитания и социализации. Именно поэтому властные структуры скоро раскусили опасный для них характер коммунарского движения, стараясь его формализовать и взять под контроль. В итоге ко второй половине 1970-х гг. в стране сохранились лишь некоторые его ячейки, преимущественно вокруг редакции «Комсомольской правды», да и круг интересов вчерашних коммунаров стал, по мере их взросления и появления потомства, смещаться в сторону более актуальных для них (и более безопасных для системы) проблем детского и младенческого воспитания, родов в воде и т. д.⁴ Отметим, тем не менее, что один из участников этого

¹ Ярким примером такого жизненного пути является жизнь и самого автора книги «Разномыслие в России: 1940–1960-е годы» Б. М. Фирсова, первого секретаря Дзержинского райкома КПСС в 1959–1962 гг., далее — руководителя Ленинградского телевидения, а затем видного социолога, в 1989 г. — директора Ленинградского филиала Института социологии РАН, а в 1990-х гг. — ректора Европейского университета в СПб.

² Фирсов Б. М. Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы: История, теория и практика. СПб: Изд-во Европейского университета в СПб; Европейский Дом, 2008.

³ Шубин А. В. Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. М.: Вече, 2008.

⁴ Там же, глава X. Наряду с «педагогикой будущего» А. Шубин выделяет и такие неформальные по сути, хотя и отчасти формализованные сообщества 1960–1970-х гг., как клубы самодетельной песни (а позже — рок-клубы), экологическое движение, клубы любителей фантастики.

движения в начале перестройки возглавлял отдел писем журнала «Огонек» — одного из самых «перестроечных» журналов¹.

Наряду с «коммунарским» движением можно выделить и философский кружок под руководством Г. П. Щедровицкого, одним из направлений развития которого стала Школа Культурной Политики; ее участники разрабатывали и внедряли конкретные программы развития — как отдельных направлений деятельности, например, в педагогике или в оптимизации деятельности предприятий, так и для развития целых регионов. Мощное и разветвленное движение «мыследеятельности», однако, решало практические задачи, имело хорошие партнерские контакты и с действующей властью, и его участники не принимали сколько-нибудь заметного участия в разработке политики общественного развития в период перестройки. Они оказались, впрочем, востребованными позже, в начале путинского периода, став одной из основ создания Центра стратегических разработок в Москве, Поволжского Центра стратегических исследований и Северо-Западного ЦСР.

О будущей России думали и русские эмигранты. В частности, выделим здесь программные наработки Народно-трудового союза российских солидаристов. Их журнал «Посев» и другие издания предлагали к обсуждению конкретные технологии развития страны, а председатель НТС в 1950–1960 гг. В. Д. Поремский составлял списки советских ученых, которые смогли бы помочь будущей свободной России. Так, уже в середине 1950-х гг. в одном из документов НТС говорилось о возможном крахе коммунистической системы в результате развития процесса реформ, инициированного относительно молодым партийным лидером, предполагавшим лишь слегка модернизировать систему². Они, однако, не имели к началу 1980-х гг. серьезных связей с российским обществом и выступали в основном в роли наблюдателей и комментаторов³.

¹ Речь идет о Валентине Юмашеве, будущем руководителе Администрации Президента РФ во второй половине 1990-х гг.

² Политическая обстановка, власть и правительство, народ и революционные силы после XX съезда КПСС // Сборник решений Совета НТС. Франкфурт-на-Майне, 1958. С. 132–147.

³ Определенная активность лидеров НТС в России проявилась позднее, в середине 1990-х годов, когда они попытались стать одной из интеллектуальных основ движения генерала Александра Лебеда.

Еще одной структурой, где в 1960–1970-е гг. существовали как бы островки относительной свободы, были институты Академии наук СССР в области общественных наук, созданные или воссозданные в 1960-е гг., когда учения классиков марксизма и основателей советского государства все более расходились с реальной общественной практикой, а руководителям различного уровня для решения конкретных социальных проблем все более требовались не цитаты из классиков, а знание конкретной социальной ситуации и исходящие из них научно-обоснованные рекомендации. Характерно, что это возрождение началось не с университетов, а с институтов Академии наук, в рамках которой исследования были искусственно отделены от образовательных процессов — чтобы результаты конкретных социальных исследований не мешали продолжению идеологического образования студентов в русле правоверной марксистско-ленинской философии.

Так, например, история деятельности московского Института международной экономики и международных отношений АН СССР, в том числе и как академического центра инакомыслий, рассмотрена в работах П. П. Черкасова¹. В Ленинграде первым из таких институтов стал Институт социально-экономических проблем (ИСЭП РАН), начавший свою работу в 1975 г. В рамках этого института, как следует из его названия, сочетались экономические и социальные исследования. Не случайно в некоторых зарубежных обзорах в качестве примеров «фабрик мысли» в СССР приводились именно институты Академии наук социально-экономического направления. Конечно, к ИСЭПу и другим академическим институтам термин «фабрика мысли» можно было отнести достаточно условно, так как в них отсутствовало важнейшее условие — свобода научной деятельности, свобода от идеологической цензуры. Вместе с тем определенные «островки свободы» внутри таких учреждений постоянно возникали и иногда сохранялись достаточно долго. Этому способствовало и то, что в состав партийных бюро, которые должны были выполнять основной контроль соответствия партийной идеологической линии, входили уже не рабоче-крестьянские комиссары, как в 1920–1930 гг., а сами же ученые, часть которых

¹ Черкасов П. П. ИМЭМО. Институт мировой экономики и международных отношений. Портрет на фоне эпохи. М.: Весь мир. 2005; Черкасов П. Инакомыслия в ИМЭМО // МЭиМО. 2004. 4. С. 92–111.

позволяла себе определенный уровень фрондерства либо даже сама содействовала расширению «островков свободы». Ярким примером может служить первый секретарь партийного бюро ИСЭПА А. Н. Алексеев, который с полным основанием может считаться одним из предвестников перестройки в ленинградской научной среде. Именно в такой среде возник феномен, получивший в работе В. Воронкова и И. Освальда название «частно-публичной сферы»¹, когда в рамках научных семинаров, плавно перетекавших в дискуссии «за чашкой чая», участники могли относительно свободно обсуждать и достаточно острые проблемы общества и власти². Эта атмосфера стала постепенно распространяться и на учебные институты экономического профиля, такие как Финансово-экономический институт («Финэк») и Инженерно-технический институт (Инжекон).

Наконец, анализируя островки относительно свободной мысли, а отчасти и деятельности, нельзя не упомянуть некоторые организации ВЛКСМ, прежде всего в студенческой и научной среде. Так, например, комсомольская организация физического факультета ЛГУ в 1966–1972 гг. была по духу очень близка к атмосфере «Пражской весны» 1968 г., чему немало содействовала и поддержка партийной организации факультета, за секретарем которой, А. Яневичем, закрепилось прозвище «Дубчек на физфаке». Именно эта атмосфера стала одним из факторов формирования жизненной позиции и автора этих строк. Позже как форма работы с научной молодежью уже не только комсомольского возраста возникли Советы молодых ученых, начиная с таких советов при первичных организациях ВЛКСМ и до Совета при ЦК ВЛКСМ, в которых также очень часто возникали области «частно-публичного пространства»³.

¹ Oswald I., Voronkov V. The 'public-private' sphere in Soviet and post-Soviet society. Perception and dynamic of 'public' and 'private' in contemporary Russia // *European Societies*. Vol. 6. London, 2004. P. 97–117.

² Подробнее об Институте социально-экономических проблем как об одном из центров разномыслия см., например, интервью с В. А. Ядовым «...надо по возможности влиять на движение социальных планет...»// *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев*. 2005. № 3–4; см. также сайт ФОМ <http://club.fom.ru/article.php?id=14>.

³ Отметим, что председатель Совета молодых ученых при ЦК ВЛКСМ в середине 1970-х годов академик Е. Велихов оказался тридцать лет спустя востребованным уже в качестве руководителя Общественной палаты РФ. В Ленинграде А. Гнетов, председатель СМУ при Ленинградском обкоме ВЛКСМ в начале 1980-х, с середины

2. Предыстория клубов «Перестройка»

В предисловии к книге «Приватизация по-российски» Анатолий Чубайс пишет: «Первые попытки серьезного осмысления экономической ситуации в стране стали возможны уже после окончания института. В году 78–79-м как-то “на картошке” (где же еще было встречаться тогда советским аспирантам?) мы сошлись с Гришей Глазковым¹ и Юрой Ярмагаевым, которые пытались всерьез заниматься изучением экономической ситуации в стране. Объединившись, стали целенаправленно разыскивать грамотных людей, также интересовавшихся достоверной информацией о состоянии дел в советской экономике. После долгих поисков обнаружили четвертого — Сергея Васильева. Эти люди и стали впоследствии ядром нашей питерской команды»².

В этом эпизоде фигурируют четыре молодых экономиста, двое из них — А. Чубайс и С. Васильев — сыграют позже важную роль в развитии страны. Пока же, разговорившись в специфических условиях добровольно-принудительных сельхозработ, аспиранты организовали неформальный семинар, поставив «перед собой задачу: узнать реальную, а не книжную историю советской экономики. И — ни много, ни мало — определить пути ее возможного реформирования»³. После некоторого периода встреч по квартирам участников семинара А. Чубайс решает использовать возможности Совета молодых ученых, и семинар приобретает легальность, возможность встреч в аудиториях института и даже издания тезисов докладов. Позже, осенью 1983 г., с А. Чубайсом знакомится Виктор Монахов — юрист, старший преподаватель с соседней кафедры, пришедший на кафедру с достаточно серьезной позиции начальника юридического отдела и и. о. секретаря парткома Главленавто-

2000 гг. возглавляет Избирательную комиссию СПб; следующий за ним председатель СМУ при ОК ВЛКСМ С. Цыпляев был народным депутатом СССР, членом Межрегиональной депутатской группы, а в 1990-е гг. — полномочным представителем Президента РФ в СПб.

¹ Г. Глазков отмечает, что эта встреча «на картошке» состоялась именно осенью 1979 г. (Интервью Г. Глазкова для сайта «Полит. ру»: <http://www.polit.ru/analytics/2006/09/29/glazkov.html>).

² Цит. по публикации на сайте «Агитклуб» <http://agitclub.ru/front/frontrus/Infclubais.htm>.

³ Там же.

транса, защитивший первую в стране кандидатскую диссертацию по праву граждан на информацию¹. Как он отмечает в своем интервью, данном в рамках проекта Энциклопедический справочник «Общественно-политическая жизнь Ленинграда в годы перестройки. 1985–1991»²: «Для меня перестройка началась в конце 1983 года, когда мы встретились, познакомились и начали потихонечку, но неостановимо размышлять, как это все можно изменить... Песню помните? Ту, что и сейчас поется: “Перемен хочу, перемен!..” Нужно было это во что-то институциональное оформить. И мы создали сначала что-то вроде Клуба молодого экономиста».

Примерно в это же время устанавливается контакт этой группы с группой молодых московских экономистов во главе с Егором Гайдаром: он в это время руководил лабораторией во Всесоюзном научно-исследовательском институте системных исследований, который подчинялся Академии наук и Государственному комитету по науке и технике. Как отмечал в своем интервью проекту «Полит. ру» Егор Гайдар, «идеей, положенной в основу создания института, было формирование в Советском Союзе чего-то подобного Rand Corporation. Институт был тесно вовлечен в процесс выработки решений в области стратегии экономической политики, в том числе в разработку долгосрочных программ развития Советского Союза»³. Обстоятельства знакомства, а затем и сотрудничества этих двух групп (среди своих коллег Е. Гайдар называет Петра Авена, Вячеслава Широнина, Олега Ананьина) достаточно подробно описаны в упомянутых интервью Г. Глазкова и Е. Гайдара проекту «Полит. ру». Егор Гайдар в своем интервью также упоминает, что в 1984 г., когда он был уже в позиции заместителя руководителя научной секции комиссии Политбюро по совершенствованию управлением народным хозяйством, он направлял соответствующие письма в Ленинградский обком КПСС с просьбой привлечения к работе комиссии экспертов «кружка А. Чубайса»,

¹ Монахов В. Н. Государственно-правовые вопросы информационного обслуживания граждан в СССР (конституционный аспект): Автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 1983.

² Исследовательский проект НИЦ «Мемориал», совместно с ЦНСИ. Руководитель — Александр Марголис. Грант Медиасоюза (материалы интервью используются с любезного согласия участников проекта).

³ <http://www.polit.ru/analytics/2006/09/06/gaidar.html>.

осуществляя тем самым операцию прикрытия своих ленинградских коллег от пристального внимания более правоверных экономистов и партийных руководителей. Помогал устойчивости группы и тот факт, что Виктор Монахов был уже секретарем партбюро факультета.

Осенью 1986 г. в пансионате Финансово-экономического института «Змеиная горка» состоялся семинар по актуальным проблемам развития экономики, на котором встретилось большинство представителей обеих команд, при этом среди москвичей был и Сергей Глазьев. В своем интервью проекту «Полит. ру» Егор Гайдар говорит, что наряду с открытой частью семинара была и его закрытая часть, в которой участвовали человек восемь, и разговор там шел уже гораздо более откровенный¹. Григорий Глазков, правда, говорит, что закрытой части там не было².

В это же время с участниками группы ленинградских экономистов с участием юриста В. Монахова познакомился инженер по образованию Петр Филиппов, который шел к активному участию в перестройке своим собственным путем. Он закончил Ленинградский институт авиационного приборостроения, увлекался экономической кибернетикой, разрабатывал и пытался внедрять автоматизированные системы управления предприятиями (АСУП) — сначала в НПО «Ленэлектронмаш», затем на Кировском заводе, где уже был начальником лаборатории, и затем, будучи начальником вычислительного центра, на Ленинградском заводе подъемно-транспортного оборудования им. С. М. Кирова (150 человек работников, хорошие по тем временам ЭВМ). Приведем прямую цитату из его интервью: «Там я сделал последнюю попытку — внедрить готовый американский пакет программ по оптимизации оперативно-календарного планирования производства. Впустую, никому не надо! Тогда я и решил для себя — менять надо Систему. Поступил на автобазу дежурным механиком. Сутки работаешь — трое свободен. Время я тратил на чтение книг по экономике, в том числе по рыночному югославскому социализму. И писал книгу под традиционным названием “Что делать?”. То есть, пытался сформулировать, что же

¹ <http://www.polit.ru/analytics/2006/09/06/gaidar.html>.

² <http://www.polit.ru/analytics/2006/09/29/glazkov.html>.

нужно сделать в нашей стране, чтобы народ наконец вырвался из бедности»¹.

После начала перестройки, увидев, что могут начаться реальные изменения, он уволился с работы и поехал в Москву, Киев, Новосибирск искать единомышленников. В Новосибирске у него получился хороший контакт с журналом «ЭКО», который выходил под редакцией академика Аганбегяна и в котором и ранее печатались достаточно смелые материалы. Вскоре его пригласили возглавить там отдел. Петр Филиппов понимал, что настало время публично обсуждать экономические и иные проблемы развития общества, и искал для этого подходящие площадки. В 1996–1997 гг. в качестве таких площадок использовались «Клубы друзей журнала "ЭКО"», в частности, в Ленинграде такой клуб действовал на базе Дома ученых в Лесном. Именно на одну из дискуссий в этом клубе и пригласил меня в феврале 1987 г. мой друг Н. Р. Корнев, работавший, так же как и я, в области биофизики, но так же заинтересованный в общественно-политических реформах. Меня поразила тогда открытость выступлений: нигде ранее я в публичных местах подобной открытости не видел. Взял слово и я, и в итоге после обсуждения ко мне подошел В. Монахов и спросил, не заинтересован ли я продолжить обсуждения возможных реформ в более удобной обстановке. Так я оказался сначала на встрече на кафедре в Инжеконе, а затем и на квартирах членов инициативной группы по созданию клуба «Перестройка» (вот где пригодился опыт встреч семинара молодых экономистов на квартирах участников).

Как отмечает П. Филиппов, его взаимодействие с группой Чубайса началось не без проблем. «Узнав о чубайсовском кружке, я предложил финансовую поддержку. Средства у меня были. Готовясь к неизбежным революционным переменам, мы с женой научились законно зарабатывать немалые по тем временам деньги, выращивая зимой тюльпаны. Кто-то же должен финансировать революцию! Мы создали из друзей кооператив "Последняя надежда", половина доходов которого шла в фонд будущих социальных преобразований. И там скопилась немалая сумма. Так вот, мое предло-

¹ Интервью П. С. Филиппова в рамках проекта Энциклопедический справочник «Общественно-политическая жизнь Ленинграда в годы перестройки. 1985–1991» (предоставлено П. С. Филипповым).

жение Чубайс воспринял то ли как провокацию КГБ, то ли как бред сумасшедшего. Поэтому на встрече членов кружка молодых экономистов решили заслать к нам шпиона»¹. Этот шпион, которым оказался Сергей Игнатьев, нынешний глава Центробанка России, вернулся с встречи Клуба друзей «ЭКО» с самыми хорошими характеристиками, и сотрудничество состоялось.

3. Появление идеи и подготовка к созданию клуба

Собственно говоря, некоторые моменты подготовки создания клуба, мониторинг интересных выступающих на заседаниях «Клуба друзей журнала "ЭКО"» и других дискуссионных площадках, которые появлялись уже в городе, были освещены в предыдущем разделе. Однако в своем интервью Виктор Монахов приводит и факт наличия «социального заказа» от самого инициатора перестройки: «Сама идея клуба "Перестройка" возникла намного позже. Одно-единственного родителя у этой идеи нет, но очень важным стимулом явилась одна из научных конференций в Москве в ЦЭМИ (Центральный экономико-математический институт). После ее официального окончания у нас с Петром Филипповым был не очень долгий, но содержательный разговор с Егором Гайдаром, который сказал нам о том, что у него есть важная просьба от имени генсека Горбачева М. С. о том, что нужно поддержать со стороны интеллигенции политику перестройки, которую он осуществляет сверху. И для этой поддержки надо придумать какие-то новые институциональные формы. И вот, отталкиваясь от этой необходимости, мы и начали думать, обсуждать всячески и постепенно пришли к этой мысли — а давайте это назовем клубом "Перестройка", это же как бы отклик на... Мы не афишировали, нас тогда попросили не афишировать, это неофициальная была просьба, конфиденциальная. Просто сверху осуществлялась политика перестройки, а мы снизу откликаемся на нее и создаем поддержку»².

¹ Интервью П. С. Филиппова в рамках проекта Энциклопедический справочник «Общественно-политическая жизнь Ленинграда в годы перестройки. 1985–1991» (предоставлено П. С. Филипповым).

² Интервью В. Н. Монахова в рамках проекта: Энциклопедический справочник «Общественно-политическая жизнь Ленинграда в годы перестройки. 1985–1991».

На мой взгляд, наличие этой просьбы стало лишь одним из факторов создания клуба, так как потребность в публичной площадке для комплексного обсуждения и экономических, и социальных, и политических проблем развития страны ощущалась уже многими в это время. Однако именно ленинградская группа смогла достаточно ясно реализовать эту потребность.

Вот как описывает этот период Анатолий Чубайс: «Петя [Филиппов] пришел в нашу компанию с революционной идеей: пора уходить от научных семинаров и обсуждений в узком кругу. Надо создавать клуб. Общегородской. Это была непростая организационная задачка. Создавать некую общегородскую тусовку в СССР в середине 80-х? Без привлечения обкома подобное начинание было немыслимо. Кроме того, существовала проблема иерархического характера: создавать некий перестроечный клуб в Ленинграде, не имея его в Москве, было очень трудно. И тогда мы, используя свои московские связи, организовали клуб под названием «Перестройка» в самой столице, на базе Центрального экономико-математического института, который в то время имел репутацию рассадника прогрессивных экономических воззрений»¹.

А вот как вспоминает эти события Петр Филиппов (приведем эту цитату полностью, так как в ней хорошо отражены как сама атмосфера того времени, так и стиль действий создателей клуба «Перестройка»): «Идея была выйти из полуподполья, объявиться, поднять знамя реформ. Мы надеялись, что тогда наши единомышленники придут на “точку встречи” к нам. Но как это сделать? Рассудили, что Питер мы не проломим, если не сделаем этого в Москве. Я предложил провести под эгидой “ЭКО” мероприятие “Экономисты и юристы за круглым столом”, а потом попытаться опубликовать нашу дискуссию...

Приступили к исполнению задуманного. Я поехал в Москву, в Центральный экономико-математический институт. Там охрана — одна бабушка на входе. Осмотрел присутственные места. Зал заседания Ученого совета — это как раз то, что нам надо. Зашел к коменданту здания, написал в журнале заявку на заседа-

¹ Цит. по публикации на сайте «Агитклуб» <http://agitclub.ru/front/frontrus/Infclubais.htm>.

ние в этом зале. Число и время. Обзвонил тех людей, которые мне были близки по публикациям в “ЭКО”, и пригласил на круглый стол. От журнала “ЭКО” приехала из Новосибирска журналист Татьяна Бойко. В круглом столе участвовали такие люди, как Евгений Ясин и Егор Гайдар, из Питера приехал Володя Рамм и еще несколько человек от Клуба друзей журнала “ЭКО”. Потом эта дискуссия была напечатана в журнале “ЭКО”.

В те месяцы Горбачеву как воздух была нужна поддержка “снизу”. И на этом круглом столе Егор Гайдар предложил создавать Комитеты защиты перестройки. Я подхватил эту идею и предложил организовать инициативную группу по учреждению не комитета, но дискуссионного клуба “Перестройка”.

Тот факт, что первые заседания Московского клуба «Перестройка» организовывали ленинградцы, отражен и в воспоминаниях активистов московской “Перестройки”. Так, Григорий Пельман, создатель, вероятно, одного из первых общественно-политических клубов, Клуба социальных инициатив, говорит в своем интервью Вячеславу Игрунову: «Май 1987 года — это уже этап продвинутого общественного движения. Тогда день за столетие проходил, темп был безумный. Когда мы появились на Волхонке, к нам из Питера приехал Виктор Монахов, как делегат и депутат, мечтавший создать мощную общественно-политическую структуру, вернее, просто некий общественно-политический клуб, который бы интегрировал интеллектуалов и своеобразных и особо мыслящих ребят... Клуб “Перестройка” на базе ЦЭМИ появился от питерцев. Питерцы ничего не могли сделать у себя и решили пойти по нашему пути. Решили найти базу и зонтик, чтобы проводить интеллектуальные общественно-политические семинары. Они приехали для консультаций. И Виктор Монахов — это еще до “Перестройки” в ЦЭМИ. Мы обсуждали разные идеи, предлагали варианты. У них были свои научные контакты с аспирантами и сотрудниками ЦЭМИ, и после этого они решили взять за базу ЦЭМИ и создали там площадку»¹.

Об этом же говорит и Павел Кудюкин, активный участник перестроечного движения, в середине 1990-х гг. — заместитель

¹ Фрагмент беседы Вячеслава Игрунова и Григория Пельмана http://www.igrunov.ru/vin/vchk-vin-n_histor/remen/anniversary/pelman.html.

министра социальной политики РФ: «Забавно, но московский клуб “Перестройка” был создан “варягами” из Ленинграда»¹.

В Ленинграде ситуация была совсем иной. Без санкции обкома КПСС публичные дискуссии организовать было невозможно. Только летом 1987 г. было получено разрешение провести пробные дискуссии на базе Дома научно-технической пропаганды, на Невском проспекте. Эти дискуссии прошли с таким успехом, что партийные органы отозвали свое разрешение.

4. Учреждение клуба. Начало деятельности в ДК им. Ленсовета

Осенью 1987 г. велись интенсивные поиски нового помещения для проведения дискуссий. Одновременно клуб получил и некую форму регистрации — при правлении Ленинградского экономического общества. 13 ноября 1987 г. было проведено учредительное собрание в помещении одной из школ Петроградского района. Чтобы не проводить длительных дискуссий, вначале собрались около 15 человек, заранее обсудивших краткий Устав клуба, приняли решение о его принятии и учреждении клуба, а затем пригласили других желающих присоединиться к уже созданному клубу. Тогда же был избран и совет клуба из семи человек.

Основной формой деятельности клуба планировалось проведение дискуссий, каждая из которых должна была готовиться соответствующей секцией. Позднее опыт показал, что ряд секций смог жить своей жизнью, а ряд из них стали впоследствии самостоятельными общественными организациями. Так, например, уже на учредительном собрании клуба социолог Петр Шелищ заявил о целесообразности создания секции защиты прав потребителей; в течение первой половины 1988 г. им была создана соответствующая секция, в сентябре 1988-го — проведена дискуссия по правам потребителей и к концу года — создано первое в стране Общество защиты прав потребителей².

¹ http://www.igrunov.ru/vin/vchk-vin-n_histor/remen/1152374732.html.

² Подробнее см.: Петр Шелищ. Как это начиналось (по следам в моей памяти), <http://www.potrebitel.net/press/editions/vestnik/19716/19595.html>.

Наряду с Петром Шелищем в деятельности клуба активное участие приняли и другие ленинградские социологи, прежде всего сотрудники ИСЭП АН СССР — В. Костюшев, О. Божков, А. Вейхер и другие. Сразу после учредительного собрания начала активно работать секция производственного самоуправления, координаторами которой были коллеги, инженеры-программисты Лев Гольдштейн и Михаил Горный, а также Андрей Карпов.

Начало 1988 г. ознаменовалось обретением постоянного помещения. Во многом это событие связано с личностью Светланы Комиссаренко, в то время заведующий отделом агитационно-пропагандистской работы ДК им. Ленсовета. Познакомившись с членами клуба, она поверила в потенциал и конструктивность нашего предприятия и разрешила проведение в январе 1988 г. в концертном зале ДК первого круглого стола по проблемам рыночной экономики и хозрасчета. Вслед за ним последовала февральская дискуссия по производственному самоуправлению, мартовская — о профсоюзах, и клуб получил, таким образом, постоянную прописку. Когда же С. Комиссаренко вызвали в райком партии и посоветовали ей не связываться с этим политически сомнительным клубом, она ответила, что клуб покинет ДК только вместе с ней самой. Итогом всех этих убеждений стало решение Светланы самой вступить в члены клуба.

Наряду с ежемесячными дискуссиями два раза в месяц собирался совет клуба, причем для его заседаний С. Комиссаренко предоставляла свой кабинет. Вход был открыт для всех членов клуба и для остальных тоже (по положению любой член клуба мог пригласить гостя по согласованию с любым членом совета). Реально эти заседания совета и были центром жизни клуба: здесь рождались идеи, создавались при наличии желающих инициативные группы.

5. Кратко о деятельности Ленинградского клуба «Перестройка»

Весна 1988 г.: от статьи Нины Андреевой к идее народного фронта

Вероятно, период с апреля по июнь 1988 г. был наиболее ярким периодом в деятельности нашего клуба — по месту, которое он за-

нимал в политической жизни города, по вниманию к проводимым им дискуссиям. Стоит напомнить, что в течение трех недель после публикации в «Советской России» статьи Н. Андреевой «Не могу поступиться принципами», которая была воспринята как «манифест антиперестроечных сил», в стране не появлялось не только достойной ее отповеди, но и пошли отрежиссированные партийными органами собрания по ее поддержке.

12 апреля в ДК Ленсовета состоялось организованное клубом обсуждение этой статьи с позиции ее критики, а также обсуждение причин молчания общественности в течение трех недель после появления 5 апреля редакционной статьи в газете «Правда». Эта дискуссия, показанная по телевидению, стала важным этапом на пути пробуждения гражданской активности как в городе, так и в стране в целом.

Эта идея была реализована уже спустя месяц в виде создания организации «За Ленинградский народный фронт», в координационный совет которого (всего семь человек) вошли четыре члена клуба «Перестройка» — А. Голов, Н. Корнев, Ю. Нестеров и А. Серяков. Организационно же члены клуба «Перестройка», участвующие в «За ЛНФ», создали в рамках клуба секцию «В поддержку Народного фронта». Можно сказать, что теоретическое и организационное содействие становлению в городе Народного фронта как массового движения в поддержку перестройки стало одной из центральных задач всего клуба.

Зрелость клуба: лето 1988 — начало 1989 г.

В июне 1988 г. в различных общественных организациях проходили собрания, состоялись указы XIX партконференции, формировались предложения по упрочению гласности и демократии. Предложения эти позже вошли в программы разных организаций, народных фронтов и т. д. Итоговым собранием демократической общественности города по обсуждению тезисов и выработке предложений к XIX конференции стала состоявшаяся 16 июня дискуссия клуба «Перестройка». Вели ее Андрей Алексеев и Юрий Нестеров, стенограмма дискуссии и письменные предложения были срочно обработаны и переданы через Д. А. Гранина в секретариат партконференции.

Одновременно проходили и другие тематические дискуссии, например дискуссия на тему «Гласность и пресса» (ведущий В. Монахов), научно-практическая конференция «СТК — проблемы и перспективы», в рамках которой работали четыре секции по разным аспектам развития производственного самоуправления. В ноябре прошла также общественная дискуссия по проблемам народного образования (ведущий — Ю. Фролов), а в декабре их пришлось делать целых три: 3 декабря состоялась научно-практическая конференция «Хозрасчет, аренда, самоуправление на производстве» — ведущий П. Филиппов; 6 декабря — клубная дискуссия «Интеллигенция и перестройка» (ведущие — А. Вейхер, Б. Коган и Ю. Поконова), а 14 декабря прошла дискуссия-обсуждение инициативного проекта закона о печати, в разработке которого принимал участие ведущий дискуссии Виктор Монахов.

1989 г.: весенние выборы и постепенный закат

Вся первая половина 1989 г. в Ленинграде прошла под знаком выборов в народные депутаты. И это событие, естественно, стало главным в жизни клуба «Перестройка». Причем весеннее настроение (ожидание перемен) зародилось уже в декабре 1988-го, когда на собрании членов клуба был сформирован предвыборный штаб «Перестройки» и принято решение готовить предвыборные документы. Начиная с января в ДК Ленсовета каждую пятницу работал информационно-консультативный пункт по выборам, были подготовлены предложения инициативной группы в помощь кандидатам в народные депутаты.

Вскоре ряд творческих союзов Ленинграда, клуб «Перестройка», общество «Мемориал», организация «За народный фронт» и другие объединения образовали общественный комитет «Выборы-89», который взял на себя координацию предвыборной работы. Видную роль в нем играли многие представители клуба.

Февральская дискуссия в клубе «Перестройка» состоялась как раз после окончания тура предвыборных собраний, и основное время на ней было уделено выступлениям двух кандидатов — Юрия Болдырева и Анатолия Собчака.

Летом 1989 г. на волне подъема после весенних выборов прошла учредительная конференция Ленинградского народного фрон-

та. Почти годовичные усилия многих членов «Перестройки» не прошли даром — было создано действительно массовое общественное движение в поддержку перестройки. Практически одновременно с учредительной конференцией ЛНФ проходила учредительная конференция Ленинградского союза ученых — творческого объединения научных работников демократической направленности, среди учредителей которого были и автор этих строк, и другие члены клуба.

Возникновение новых организаций привело — и это было естественно — к уменьшению времени, которое члены клуба могли уделять собственно клубной работе. Дискуссии при этом продолжались, хотя и не столь регулярно, продолжали работать и отдельные секции, но главным в 1989 г. стала вторая ипостась клуба, которая начала проявляться уже осенью 1988 г., функция неформальной координации и содействие мягкому, ненасильственному взаимодействию различных общественных организаций города с той или иной степенью политизированности. Клуб, по сути, уже исполнил свою роль в содействии становлению ростков гражданского общества и мог уже прекратить свое существование в старой форме.

Однако опыт общественно-политической социализации, полученный членами клуба, оказался, бесспорно, полезным в их дальнейшей деятельности. Так, пятнадцать из них стали в 1990 г. депутатами Ленсовета, четверо — народными депутатами России, трое — лидерами новых демократических партий. Существенную роль члены клуба (и опыт деятельности клуба «Перестройка» и его предшественников) играли и в российском правительстве реформ Е. Гайдара — председатель госкомитета по управлению имуществом, его заместитель, руководитель рабочего центра экономических реформ правительства России.

Важным является и накопленный опыт создания и деятельности клуба: сочетание личной инициативы и грамотного использования существующих организационных форм деятельности (институтов), синтез серьезной аналитической работы и широких публичных обсуждений, соединение гражданских инициатив участников клуба с ясно выраженной заинтересованностью реформаторов в высших эшелонах власти в результатах деятельности клуба.

6. История клуба и актуальная современность (вместо заключения)

Ранее мы уже указывали на несколько проектов, связанных с фиксированием опыта участников перестроечных процессов с помощью интервью, например материалы сайта В. Игрунова (<http://www.igrunov.ru>), материалы к 20-летию семинара в пансионате «Змеиная горка» на сайте Полит.ру (www.polit.ru), а также петербургский проект создания Энциклопедического справочника «Общественно-политическая жизнь Ленинграда в годы перестройки. 1985–1991», реализуемый НИЦ «Мемориал» совместно с Независимым центром социальных исследований. Отметим также, что именно в НИЦ «Мемориал» размещается сейчас уникальная коллекция документов периода перестройки, собранная известным социологом и членом Ленинградского клуба «Перестройка» А. Н. Алексеевым, известная как «Алексеевский архив».

Однако нормальная работа НИЦ «Мемориал» была прервана в декабре 2008 г. обыском в его офисе в рамках уголовного дела по ст. 282 УК РФ («Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства») по факту публикации в газете «Новый Петербург», в ходе которого были изъяты диски с информацией о жертвах политических репрессий и частично материалы Энциклопедического справочника. Обыск в «Мемориале» следствие мотивировало тем, что Алексей Андреев, бывший главный редактор газеты, сотрудничал с «Мемориалом» и посещал офис организации. Конфликт вызвал международный резонанс: свою озабоченность обыском высказали в госдепартаменте США и Европейском союзе.

Последовали жалобы в суд, отстранение от дела следователя, частичное признание судом неправомерности обыска, протест прокуратуры, новое рассмотрение дела в суде. 20 марта 2009 г. суд признал, что обыск 4 декабря 2008 г. в «Мемориале» с последующим изъятием 12 жестких компьютерных дисков с информацией о жертвах политических репрессий был проведен с процессуальными нарушениями и что действия следователей были незаконными¹. По информации, полученной от сотрудников НИЦ «Мемориал»

¹ Коммерсантъ. 21.03.09. <http://www.kommersant.ru/doc-y.aspx?DocsID=1142280>.

уже в апреле 2009 г., новый следователь готов вернуть диски с информацией.

Мы видим, таким образом, что история перестройки и предшествующего периода, а также сами материалы исследований оказываются сегодня участниками не только общественно-политических, но и судебных процессов, что подтверждает высказанное в начале этого текста предположение о возможных изменениях политического режима в ближайшем будущем и об актуальности опыта перестроечных процессов двадцатилетней давности.

Особенности избирательных кампаний первых полусвободных выборов и их роль в трансформации политической системы (1989–1990)

1. Особенности политического развития в период двух циклов первых альтернативных выборов

Период двух выборов — в Верховный Совет СССР и Советы всех уровней в республиках — характеризовался углублением раскола элит, попытками Горбачева найти компромисс между несовместимыми позициями реформаторов — демократов и консерваторов. Это приводит к кардинальному изменению его роли: он объективно становится тормозом системных изменений и превращается в символического «врага» для демократического лагеря, который объединяет фигура Ельцина. Для консерваторов же он оказывается неприемлем из-за слишком демократических позиций. Каждый из последующих институциональных выборов делает все вероятнее потерю им власти и победу Ельцина.

После первых конкурентных выборов появились не вполне зависимые от компартии представительные органы. Затем был введен институт президентства — сначала на союзном, а потом, в другой конструкции, на уровне союзных республик. Эти изменения и маркируют размытую в России границу между этапами либерализации и демократизации. Курс на демократизацию получает массовую поддержку, демократическое движение — представительство в органах власти всех уровней. Вводятся новые политические институты, меняется конституция. Ельцин, воспринимаемый как лидер демократического движения, избирается президентом. Обостряется его борьба за власть с Горбачевым и компартией, в которой Ельцин использует союзников — национальные республики, соединяющие

борьбу за демократию с борьбой за национальный суверенитет. Фон для этих событий — ухудшающееся экономическое положение страны. Раскол в КПСС ведет к потере власти союзным центром. Попытки использовать силовые стратегии для подавления массовых национальных движений приводят к обратным результатам.

Значимые изменения политической системы — первые шаги в направлении демократизации — вызывают активизацию реакционного крыла КПСС, военных кругов и руководства КГБ, правительства и директорского корпуса ВПК. Старая элита не хотела отказываться от власти, не получив ничего взамен; был создан альянс на основе общих интересов. Испытывая сильное давление этой группы, Горбачев летом 1990 г. вынужден был отказаться от договоренностей с Ельциным, связанных с экономической реформой.

Ядро объединенных реакционеров было представлено депутатской группой «Союз» Верховного Совета (ВС) СССР, значительную часть ее членов составляли офицеры. Численность группы постоянно росла, зимой в нее входил уже каждый четвертый депутат. Во взаимодействии с армейским руководством и КГБ «Союзу» удавалось сместить демократически ориентированных политиков с важнейших постов в ВС и блокировать прохождение законов, способствующих демократизации системы. Одновременно Горбачев стал активно использовать право издания указов, которые нередко имели реакционный характер.

Главным ресурсом для Ельцина и остальных реформаторов выступают массы и реформистки настроенные представители партийной верхушки в центре и регионах. Неформалы — демократические группы, образовавшиеся на базе дискуссионных площадок (клубов), — становятся ядром массового демократического движения, которое охватывает не только крупные, но и средние и малые города. Главными действующими лицами этих клубов становятся молодые, демократически ориентированные научные сотрудники и преподаватели. Их безопасность и продвижение по вдруг открывшимся социальным и политическим «лифтам» обеспечивают представители поколения реформистов-шестидесятников из истеблишмента — такие, как Ю. Афанасьев, Т. Заславская, Е. Евтушенко и другие. Быстрой радикализации позиций неформалов способствуют представители третьей составляющей части неформальных

движений — выпущенные на свободу и вернувшиеся чуть позже из ссылки (эмиграции) диссиденты, которые участвуют в публичных дискуссиях (В. Новодворская, С. Григорьянц, позже и такие «тяжеловесы», как А. Сахаров и С. Ковалев) в столицах и в некоторых регионах.

Демократическое движение имеет не только поддержку снизу, но и представительство в первом советском парламенте, что значительно укрепляет позиции демократов и увеличивает их ресурсы. Зонтичное оппозиционное демократическое движение объединяет многочисленные протопартии, образовавшиеся в короткий период с 1988 до 1990 г. Успех демократов на выборах приводит к первоначальному усилению позиций демократического движения, получившего представительство в ряде советов различных уровней.

Завоевание власти одновременно означало и потерю идентичности, протестного характера демократической оппозиции, которая на новом этапе была вынуждена вырабатывать новый политический профиль. Кроме того, получив мандаты и места в исполнительной власти, представители демократической оппозиции быстро начали терять связь с общественными группами, которые они представляли.

В то же время продолжают доминировать протестные формы реакции граждан на политические и экономические решения, общественное движение играет при этом весьма незначительную роль¹.

Введение альтернативных, но пока не свободных выборов и появление представительных органов в центре и регионах совмещались с попытками сохранения доминирующей роли КПСС в политической системе. Движение в направлении демократизации отличалось непоследовательностью. Следствием ослабления связующей роли партии были ускоряющиеся процессы суверенизации, которые затронули сначала союзные республики. Стремление к независимости национальных республик и автономий в составе РСФСР приобретает ключевое значение в политическом процессе, усиливается число насильственных конфликтов на национальной

¹ Подробно об этом периоде см.: Luchterhandt G. Die politischen Parteien im neuen Russland. Bremen, 1993.

почве, все чаще в таких случаях используются вооруженные силы. В российских регионах увеличивается поток беженцев. В России все больше распространяется мнение, что надо предоставить республикам национальный суверенитет, к которому они так стремятся, и сконцентрироваться на ситуации в России. Предметом общественного дискурса становятся более высокий уровень жизни в других республиках и отсутствие в РСФСР, в отличие от других республик, признаков государственности. Введение войск в Азербайджан в январе 1990 г. с целью предотвратить приход к власти оппозиционного Народного фронта и массовое применение насилия вызвали резкие протесты демократического движения, которое принципиально поддерживало стремление союзных республик к независимости, считая его составной частью перехода от тоталитарной власти КПСС к демократии.

Вторая особенность этого периода — усиление массовой мобилизации. По замечанию А. Пшеворского, массовое движение в период либерализации диктует ритм преобразований¹. Демократическое движение, легализованное и получившее представительство в советах всех уровней, способствует выбору резкой смены политической системы, а не ее постепенного реформирования. Партия перестает играть роль партии-государства и практически теряет монополию на принятие решений, участвуя в выборах 1989 г. наравне с другими общественными организациями. Раскол в КПСС также институционализируется с появлением платформ в компартии, а сама она становится все слабее, начинается волна массовых выходов из нее.

Но формирующееся российское демократическое движение отличается врожденной слабостью, которая станет впоследствии причиной его быстрого распада и одной из причин слабости будущих демократических партий. В нем отсутствует национальная (национально-освободительная) составляющая, в отличие от национально-демократических движений советских республик. Поэтому только в рассматриваемый период первых полусвободных выборов и была возможна его массовая поддержка, основанная на негативной консолидации — объединении на основе неприятия социалистического строя и роли в нем КПСС.

¹ Пшеворский А. Демократия и рынок: политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М., 1999. С. 97.

2. Источники и литература: что можно прочесть об этом периоде

Двадцать лет, прошедших с того времени, позволяют осмыслить происходившие тогда динамичные процессы. За это время появилось достаточно много работ разного типа, посвященных этому периоду. Их можно разделить на следующие группы:

1) работы, написанные синхронно (или с некоторым запозданием) по отношению к происходившим событиям;

2) биографические и полубиографические (сочетающие личные впечатления и анализ) работы участников событий;

3) аналитические, описательные и справочные работы российских и зарубежных авторов более позднего времени, посвященные этому периоду.

Я не привожу названия отдельных работ, поскольку у всех упоминаемых авторов есть не менее дюжины публикаций, посвященных этой тематике.

- Работы конца 1980-х — начала 1990-х гг. были или исключительно идеологизированными, или описательными¹.

- Биографические и полубиографические работы участников тех событий широко представлены на российском книжном рынке. Наибольшую ценность представляют воспоминания и анализы событий ключевых акторов, участвовавших в трансформационных конфликтах и представлявших различные позиции. Трудно перечислить все работы этого направления, неизбежна и субъективная оценка. С моей точки зрения, для исследователей наибольшую ценность представляют работы, не только подробно описывающие действия того или иного политика (желательно находящегося в центре событий), но и использующие документы того времени и содержащие выводы. Для меня такими работами стали двухтомник члена Межрегиональной депутатской группы В. Шейниса, воспоминания В. Исакова, активиста Свердловского движения «Де-

¹ Например: Справочник под редакцией В. Березовского «Россия: партии, ассоциации, клубы». М., 1991; Неформальная Россия: о неформальных политизированных движениях и группах в СССР. М., 1990, и др.

мократический выбор» и «Мемориала», избранного в 1990 г. председателем Совета Республики ВС РСФСР А. Черняева, помощника М. Горбачева в эти годы.

- Аналитические, описательные и справочные работы.

Правовые и политико-правовые. В этих работах анализируется в т. ч. и начальный этап развития партий и электоральной системы. Наиболее ценными для исследователей мне представляются работы С. Авакьяна, Е. Дубровиной, С. Заславского, С. Зотиной, А. Иванченко, В. Лапаевой, А. Любарева и других.

Значительное количество работ носит скорее **описательный** характер и построено либо хронологически, либо в виде справочника. Но и в этих работах содержатся зачастую тонкие наблюдения и важные выводы. Среди этого типа публикаций я назову работы В. Березовского, А. Верховского, Н. Кротова, С. Коргунюка, В. Прибыловского, Е. Михайловской, В. Кагарлицкого, Т. Шавшуковой и В. Лихачева, информационной группы «Панорама» и др.

Отечественные работы, в которых партии рассматриваются **в трансформационном контексте**, — скорее исключение. К ним можно отнести работы А. Салмина, блестящие анализы А. Зудина и внимательное рассмотрение региональных особенностей электорального процесса и становления партий А. Кынева. Те или иные аспекты становления избирательной системы и развития партий затрагивают и работы, посвященные собственно трансформационным процессам, такие как у Л. Шевцовой, А. Рябова, С. Рыженкова.

Самым замечательным и продуктивным образцом этого направления может считаться серия книг и статей В. Гельмана, Г. Голосова и Е. Мелешкиной. Значительно чаще такой подход применяется западными исследователями. Парадокс состоит в том, что в общей сложности таких работ намного больше, чем российских, посвященных этой проблематике. Среди наиболее значимых — публикации на английском и немецком языках, рассматривающие развитие избирательной системы и российских партий в сравнительной перспективе наряду с другими трансформирующимися странами, в основном — Центрально-Восточной Европы: работы К. фон Бай-

ме, Д. Зегерта, Г. Китчельта, В. Меркеля, Д. Нолена, Э. Шнейдера, Х. Тиммерманна. Среди работ, посвященных исключительно России, в т. ч. и отдельным политическим направлениям, стоит упомянуть книги и статьи К. Зегберса, П. Реддюзэя, Т. Ремингтона, Р. Роз, Р. Саквы, С. Уайта, С. Фиша, Г. Хэйла, А. Янова.

Автор статьи и сама опубликовала ряд монографий и статей на немецком, английском и русском языках, разделы которых посвящены рассматриваемому периоду¹.

Источники, на которые можно опереться, исследуя этот период, делятся на несколько групп: официальная пресса, независимая пресса и собственно материалы кампаний (программы кандидатов, листовки и другие агитационные материалы). Нужно учитывать, что в то время еще не было Интернета, а первые привезенные из-за границы ксероксы, факсы и компьютеры только начинали использоваться. Агитационные материалы альтернативных кандидатов, особенно в провинции в период первого избирательного цикла, изготавливались на гектографе, вручную, фотоспособом или на пишущей машинке. Вся множительная аппаратура, не говоря уже о типографиях, была под контролем КГБ, другими словами — доступа к ней не было.

Официальная пресса в этот период была поляризована на издания, защищающие официальную позицию КПСС (газеты «Правда», «Советская Россия», журнал «Коммунист» и др.), и «рупоры перестройки», в которых печатались критические материалы и освещалось развитие демократического движения на территории страны, — газеты «Московские новости», «Известия», журнал «Огонек» и т. д.

Модифицированный самиздат (размноженные фотоспособом, на гектографе, принтере или ксероксе, естественно, малотиражные издания) в этот период сосуществует с быстро развивающейся независимой прессой.

Уже в 1988 г. большими тиражами на русском языке начинают печататься газеты прибалтийских национально-демократических

¹ На русском языке под фамилиями Вохменцева, Люхтерхандт-Михалева, Михалева; на немецком — под фамилиями Luchterhandt и Michaleva.

движений «Вестник Народного фронта Эстонии», «Атмода» (Латвия), «Согласие» (Литва), сообщающие о развитии во всей стране. Газеты распространяют представители демократических ассоциаций и клубов, независимых библиотек в регионах. Отчасти координирует эту работу Бюро информационного обмена (М-БИО) в Москве¹, помимо распространения независимой прессы собиравшее материалы о неформальном движении и первых выборах по всей стране. Впоследствии М-БИО было преобразовано в Международный институт гуманитарно-политических исследований (ИГПИ). Начиная с 1989 г. растет число независимых изданий по всей стране. Их особенность — отражение специфических интересов и взглядов редактора (издателя), нередко низкий уровень профессионализма, небольшой тираж и зачастую недолгое время существования. Такие издания существовали во всех частях политического спектра — начиная от национал-патриотов и левых радикалов до радикальных либералов. Среди изданий, в которых отражалась ситуация в различных регионах страны, существовавших первоначально на базе М-БИО, стоит упомянуть «Хронограф», издававшийся С. Митрохиным и размножавшийся на ксероксе, и (более тиражный) бюллетень «Панорама»², которые освещали события, связанные с ходом выборов.

Материалы этого периода представлены в архивах и библиотеках не равномерно. Если подборки официальной прессы того периода можно найти в крупных библиотеках, то собрания нетрадиционной независимой печати разбросаны не только по архивам страны, но и за границей. Из наиболее полных следует упомянуть **«Коллекцию нетрадиционной печати» в Государственной публичной исторической библиотеке, ведущуюся с 1989 г., а также материалы избирательных кампаний и агитационные материалы из архива М-БИО, хранящиеся сейчас, наряду с личными архивами ряда участников этих событий,**

¹ М-БИО было основано при кооперативе «Перспектива», основанном в т. ч. Г. Павловским; в его работе участвовали впоследствии известные политические деятели и исследователи — С. Митрохин, В. Прибыловский, А. Верховский. Директором был В. Игрунов. Автор также входила в состав учредителей.

² В электронном виде с газетой, издающейся до сих пор, можно ознакомиться на сайте информационной группы «Панорама»: <http://www.panorama.ru/gazeta/index.html>.

в Центре исследований Восточной Европы при Бременском университете. Хроники этого периода можно найти на сайте информационного агентства «Панорама» (бюллетени «Панорамы» того периода) и на сайте ИГПИ.

3. Выборы народных депутатов СССР

На этих первых в масштабах страны альтернативных выборах аппарату КПСС, обладающему практически всеми ресурсами и возможностями контролировать как действия организаций, так и отдельных граждан, противостояли не обладающие ни ресурсами, ни известностью «неформалы» — группы, состоящие из молодых, антикоммунистически или, по крайней мере, реформистски ориентированных научных сотрудников и преподавателей и уже к этому времени освобожденных диссидентов. Механизм мобилизации избирателей, поддержавших тех, кто противостоял советскому Молоху, опирался на надежду людей изменить свою жизнь и ситуацию в стране, проявившиеся в первую очередь в протесте против существующего порядка, господства КПСС. Это одновременно означало поддержку знаковой в то время фигуры, противостоящей верхушке партии и символизирующей глубокие реформы, — Б. Ельцина. При этом содержание программных предложений кандидатов никакой роли не играло.

23–24 октября 1988 г. были опубликованы законопроекты об изменениях Конституции и закон о выборах. По привычному советскому образцу была объявлена всенародная дискуссия. Политические объединения тут же включились в этот процесс, разработав сразу несколько вариантов законопроектов и выступив с резкой критикой официального варианта, очевидно ориентированного исключительно на интересы партийного аппарата.

Проект Конституции и новый избирательный закон были приняты без официальных дискуссий 1 декабря 1988 г. Съезд народных депутатов СССР должен был стать высшим органом власти страны и разрушить монополию КПСС на власть. Съезд, 2 250 делегатов которого избирались по квотам в общественных организациях по 750 человек соответственно, напрямую в одномандатных округах с примерно одинаковой численностью и в территориальных единицах,

должен был сформировать двухпалатный Верховный Совет СССР из 542 депутатов (по 271 — в Совете Союза и Совете национальностей) как постоянно действующий орган. Соответственно, перед руководством КПСС стояла задача завоевать максимальное количество мест и пересесть из «партийных» в депутатские кресла¹.

Законопроектом были предусмотрены выборы по похожей на прежнюю модели. В одномандатных округах выдвижение нескольких кандидатур было возможно, но не обязательно. Следствием, в соответствии со старой практикой, было выдвижение одной-единственной кандидатуры. Несколько демократизирована была процедура выдвижения кандидатов. Собрания по месту жительства численностью не менее 500 избирателей могли выдвигать кандидатов. Однако возможность проведения таких собраний зависела от готовности местного руководства их разрешить.

До сих пор общественные организации также имели право выдвигать кандидатов, но такими организациями в соответствии с брежневской Конституцией считались лишь те, что признают руководящую роль КПСС и официально зарегистрированы. Однако даже это нововведение было ограничено посредством введения районных предвыборных собраний, в которых участвовали организации, имеющие право на выдвижение и окончательно решавшие вопрос о выдвижении кандидата или отказе в выдвижении. Эти собрания, естественно, контролировались представителями партийных органов и играли роль фильтра, отсекая неугодных кандидатов.

Больше всего критики со стороны демократически настроенной общественности вызывала корпоративная норма, в соответствии с которой треть от общего числа (2500) депутатов выдвигалась и выбиралась внутри общественных объединений. В соответствии с этой нормой по 100 мандатов были закреплены за КПСС и профсоюзами; по 75 — за комсомолом, Комитетом советских женщин, научными и культурными объединениями и др., вплоть до общества коллекционеров марок, которому был положен один мандат.

¹ Об электоральной формуле и ходе выборов 1898–1990 гг. см.: White S. How Russia Votes. New Jersey, 1997. P. 22–35; Первый электоральный цикл в России. М., 2000. С. 20–24.

Эта норма ослабляла принцип прямых и равных выборов. Конечно, такое регулирование избирательного процесса должно было не только обеспечить преференции для КПСС и подконтрольных ей «формальных» организаций, но и ущемить интересы и возможности новых неформальных демократических объединений, которые вынуждены были использовать для выдвижения своих кандидатов не прямые пути. Включение кандидата в бюллетень для голосования по округам требовало решения специально созываемых окружных предвыборных собраний, проходивших под контролем местных организаций КПСС.

Объективно механизм квотирования выводил избранных представителей общественных организаций при избрании депутатов из-под прямого контроля территориальных партийных органов, хотя и не исключал давления¹.

Стратегия партийного аппарата была очевидна и неизбежно приводила к обострению конфронтации между общественным движением и партийными органами. Препятствия выдвижению альтернативных кандидатов встречали сопротивление и порождали массовую мобилизацию.

Тесные контакты руководителей неформальных общественно-политических групп по всему спектру — от социалистических до радикально-демократических, с одной стороны, и наличие базы в лице официально зарегистрированных отделений «Мемориала» и дискуссионных клубов — с другой, позволили во многих городах создать избирательные объединения и блоки. В Ленинграде это были «Выборы-89», в Свердловске — Движение за демократический выбор, в Москве — Московское объединение избирателей (МОИ). Во многих средних и малых городах и на предприятиях именно в это время возникло демократическое движение в форме клубов избирателей, которые, как правило, были связаны с аналогичным объединением областного центра.

Перед клубами избирателей стояли сложные задачи: выдвижение демократически ориентированных кандидатов на предприятиях

¹ Заславский С. Формирование многопартийности и реформа избирательной системы// Формирование партийно-политической системы в России. М., 1998. Вып. 22. С. 22.

(в трудовых коллективах) в соответствии с правилами, предусмотренными законодательством, и организация собраний избирателей в избирательных округах по месту жительства. Несмотря на разнообразие методов, применяемых партийным аппаратом, для того чтобы предотвратить или же сорвать такие собрания, успех был на стороне демократических групп, которым во многих населенных пунктах удалось создать альтернативу официальным кандидатам, поддерживаемым партийной верхушкой. Выборы хотя и не были свободными, но стали альтернативными, их участники могли конкурировать, хотя, конечно, доминирующий актер — компартия — располагал несравнимыми с другими участниками ресурсами. По воспоминаниям В. Шейниса, притчей во языцех тогда стала «красная сотня» — депутаты, безальтернативно избранные на пленуме ЦК КПСС, хотя на самом деле в их составе преобладали ориентированные на реформы сторонники Горбачева, такие как А. Черняев. В эти списки попали даже «радикалы» — Т. Абуладзе, Д. Гранин и другие¹.

Из 7558 выдвинутых кандидатов были зарегистрированы лишь 2895, из которых лишь 2850 участвовали в выборах в 1500 округах. В двух третях округов (952) избиратели выбирали из двух, в 11% округов (149) в бюллетене стояли фамилии от 3 до 11 кандидатов. В 399 округах (26 %) все осталось по-старому и выбирали одного кандидата из одного; чаще всего такая ситуация встречалась в Средней Азии и в закавказских республиках².

Если не удавалось выдвинуть своих кандидатов, представители демократического движения вели агитацию под лозунгом «Вычеркивай всех аппаратчиков!». Возможности неформалов были ограничены, а партия использовала административный ресурс для максимального усложнения как выдвижения, так и агитационной кампании кандидатов. Так, по воспоминаниям в будущем председателя Совета Республики В. Исакова, попытки провести собрания по месту жительства для выдвижения кандидатов без санкции партийных органов в Свердловске почти всегда заканчивались провалом, потому что невозможно было собрать требуемые 500 человек³.

¹ Шейнис В. Взлет и падение парламента. Т. 1. М., 2005. С. 194.

² Данные Центральной избирательной комиссии// Известия. 1989. 5 апр.

³ Исаков В. Председатель Совета Республики. Парламентские дневники. 1990–1991. Екатеринбург, 1997. С. 55.

Если же кандидатов удавалось зарегистрировать, начиналась кампания, в которой использовались листовки, плакаты и пикеты, при этом единственным ресурсом был человеческий, так как источники государственного финансирования были весьма ограничены: это касалось не только денег, но и доступа к типографиям для размножения агитационных материалов. Не только типографии, но и любые средства размножения печатных материалов находись в то время под строгим контролем КГБ. Партийные секретари и директора заводов использовали весь свой административный ресурс: собственные типографии, парки автомобилей и даже вертолеты для разбрасывания агитационных листовок.

Несмотря на весь арсенал методов, там, где имелась демократическая альтернатива, кандидаты от аппарата были обречены на проигрыш. Поскольку демократических кандидатов было относительно мало, ситуации конкуренции между ними возникнуть не могло. Тестовыми для избирателей вопросами были отношение к Ельцину и многопартийность. В Академии наук СССР выборщики, недовольные отказом ее руководства включить в список для голосования оппозиционных кандидатов во главе с А. Сахаровым, добились провала на выборах официального списка и избрания оппозиционеров на повторных выборах. Там, где уровень активности граждан был сравнительно высоким и существовали неформальные организации, которые практически вели избирательные кампании, альтернативным кандидатам в округах удалось победить. Такой была победа известного неформала С. Станкевича¹ в Москве, в агитационную кампанию которого сразу включилось более 300 волонтеров, работавших на постоянной основе, а его квартира превратилась в избирательный штаб².

Характерна история избрания Леонида Кудрина в Свердловской области. Кудрин, будучи районным судьей, оправдал задержанных на митинге членов Демократического союза. Следствием стало его освобождение от должности судьи, после чего он демонстративно вышел из КПСС. Естественно, его главным лозунгом была борьба с аппаратом и ликвидация 6-й статьи Конституции, закрепля-

¹ Сергей Станкевич — ст. научный сотрудник АН СССР, активист Народного фронта, избранный депутатом ВС СССР, член МГД.

² Шубин В. Преданная демократия. СССР и неформалы (1986–1989). М., 2006.

ющей руководящую и направляющую роль КПСС в политической системе. Ему помогли неформалы и волонтеры. Его соперником по округу был академик Уральского отделения АН СССР Г. Месяц, который поддерживался КПСС с максимальным использованием административного ресурса. За Кудрина агитировали неформалы в пикетах с размноженными кустарным способом агитационными материалами¹.

Клубами избирателей был организован контроль на многих избирательных участках для предотвращения возможных фальсификаций.

Первый тур выборов закончился поражением партийных руководителей в Москве, Ленинграде, Свердловске, в целом более чем в трех десятках городов. Избиратели в массовом масштабе использовали тактику вычеркивания всех кандидатов, вследствие чего выборы во многих округах были признаны несостоявшимися.

14 мая 1989 г. в 195 округах состоялся второй тур выборов². Аппарат несколько изменил свою тактику. Теперь собрания избирателей больше не использовались для отфильтровывания негодных, регистрировались все кандидаты. Расчет был на то, что избирателю трудно будет разобраться с 10–20 фамилиями и результаты будут иметь случайный характер. Но этот сценарий остался нереализованным. Конечно, избиратели не читали программ кандидатов, руководствуясь лишь одним простым принципом: является ли кандидат «аппаратчиком»; если ответ был положительным, его вычеркивали. Благодаря такому поведению избирателей многим представителям демократического движения удалось получить депутатский мандат.

Выборы имели «опрокидывающий» эффект: 32 первых секретаря обкомов, более 50 безальтернативных кандидатов потерпели поражение³. Однако большая часть страны, особенно на селе

¹ См. об этом подробно: Luchterhandt G. Parteien in der russischen Provinz. Bremen, 1996. S. 61.

² Schmidt C. Das neue Wahlrecht der Sowjetunion// WGO. Monatshefte für osteuropäisches Recht. 1989. S. 13–23.

³ Первый электоральный цикл в России. М., 2000. С. 21.

и в малых городах, по инерции проголосовала за консервативно настроенных представителей партийных органов или силовиков.

Тяжелым поражением ЦК КПСС была победа Бориса Ельцина, получившего 89,4 % голосов в одном из московских избирательных округов. Не менее значимой была победа академика А. Д. Сахарова при выборах в Академии наук СССР. Сахарова поддерживали многие сотрудники научно-исследовательских институтов, выходя на митинги, организованные «Демократической перестройкой». Депутатами стали (кто — выиграв в округе, кто — через общественные организации) многие известные представители демократических общественных движений: Юрий Афанасьев и Евгений Евтушенко («Мемориал»), Сергей Станкевич (МНФ), Геннадий Бурбулис («Движение за демократический выбор», Свердловск). Однако их число было невелико по сравнению с общим числом депутатов (1500 были избраны по округам). Обладание символическим капиталом — общественным авторитетом — стало важным фактором электорального успеха, а сам съезд и Верховный Совет стали институциональным каналом продвижения в состав элиты¹.

Хотя 85 % депутатов были коммунистами, а большинство — послушны партийному руководству, сам факт проведения альтернативных выборов и поражения на них партийных руководителей привел к тому, что эти выборы стали своего рода референдумом по вопросу о доверии существующей в стране политической системе, который партия инициировала и, по сути, проиграла, хотя это было тогда еще не понятно². Для Горбачева эти выборы были «референдумом в поддержку перестройки»³. Несмотря на минимальные ресурсы, силы, ориентированные на демократические реформы, получили максимальные результаты, а раскол в партии снизил эффективность тотального административного ресурса.

Следствие политики гласности — появление элементов свободы, по крайней мере, в печатных СМИ, дополняемое независимой

¹ Гаман-Голутвина О. Российский парламентаризм в исторической ретроспективе // Полис. 2006. № 2. С. 31–32.

² Салмин А. Выборы и избирательные системы: опыт России в 1999–1993 годах. М., 1995.

³ Правда. 1989. 27 апр.

прессой в этот период. Это способствует становлению широких общественных дискуссий — появлению собственно общественности, заинтересованных в общественных изменениях и обсуждении политических решений групп граждан. Это явление было новым для СССР (или уже вытесненным из общественного сознания и забытым).

4. Первый съезд народных депутатов СССР и его последствия

Съезд был открыт 25 мая 1989 г. Накануне на территории стадиона «Лужники» состоялся митинг с числом участников более 100 000 человек. Члены уже созданных депутатских клубов из Москвы, Ленинграда, с Урала и из Сибири говорили о необходимости радикальных изменений в политической системе страны. Именно здесь сформировалось ядро демократической оппозиции Съезда народных депутатов.

В ходе съезда практически каждый день проходили митинги в поддержку депутатов-демократов, организованные «Мемориалом» и Московским объединением избирателей (МОИ). Особенно много участников на таких митингах было после выступлений А. Д. Сахарова и выборов в Верховный Совет. Подобные митинги проходили и в других городах. После заседаний демократически ориентированные депутаты приезжали в Лужники. Особенную популярность приобрел Юрий Афанасьев, обвинивший консервативную часть съезда в том, что они — «агрессивно-послушное большинство». Радикальностью и точностью отличались и выступления Галины Старовойтовой. Регулярно на митингах выступали Станкевич, Сахаров и Ельцин.

В развитии демократического зонтичного движения произошел перелом: сейчас это было не только общественное протестное движение — у него появились свои представители в органах власти. Это означало не только трибуну на съезде, но и широкое освещение в средствах массовой информации. Заседания напрямую транслировались по телевидению, число сторонников демократического движения во всей стране быстро увеличивалось. Граждане стали свидетелями захлопывания и изгнания с трибуны Сахарова, отказа Казанника в пользу Ельцина, благодаря чему последний смог стать

членом Верховного Совета, отключения микрофонов в зале, манипуляций результатами голосования и др. Все эти события стали предметом жарких дискуссий на рабочих местах, в семьях и в кругу друзей. Значительное число политически заинтересованных людей было однозначно на стороне Сахарова, Афанасьева, Ельцина — и против «аппарата».

Группе депутатов-демократов во многих случаях удалось разрушить разработанные сценарии съезда и противодействовать проведению значительного числа решений и, наоборот, способствовать принятию других решений. Так, например, съезд проголосовал за прямую трансляцию заседаний по телевидению; опасности с этим связанные, были недооценены партийным руководством. К важнейшим решениям, демократизирующим политическую систему, относились и изменения ст. 11 и ст. 51 УПК 1958 г. об «антисоветской агитации и пропаганде», ставящие под угрозу отвоеванную свободу выражения мнений. Не только символическое, но и практическое значение имели требования замены недемократичного указа 1988 г. о проведении демонстраций законом о свободе собраний. Кроме того, в ходе дискуссии о плане предстоящей парламентской работы в повестку дня был включен пункт о реабилитации жертв сталинского террора и об изменении Конституции вплоть до исключения ст. 6 о «руководящей и направляющей роли партии»¹. Это требование, выдвинутое на съезде Сахаровым, стало потом основным требованием демократической оппозиции. Присутствие на съезде и в Верховном Совете СССР упрочило позиции демократического движения и усилило раскол правящей элиты. Возникла типичная для трансформационных процессов ситуация, когда «либерализаторы увидели возможность альянса с теми силами, которые раньше оставались неорганизованными»².

На завершающем этапе съезда было провозглашено создание оппозиционной фракции, что противоречило отстаиваемому КПСС принципу образования депутатских групп по региональному и профессиональному признаку. Объединившая демократов фракция

¹ Логунов В. Межрегиональная депутатская группа: год в оппозиции // Народный депутат. 1990. № 12. С. 19–21.

² Пшеворский А. Демократия и рынок: политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М., 1999. С. 96.

на основе схожих представлений о необходимости реформирования политической системы получила название «Межрегиональная депутатская группа» (МДГ), хотя ее ядро составляли московские депутаты. Первое заседание МДГ, которая насчитывала к тому времени 388 депутатов, состоялось 29 марта 1989 г.

Главными задачами МДГ были провозглашены:

- устранение политической монополии КПСС, которое проявлялось в требованиях исключения ст. 6 из Конституции;
- выстраивание новых отношений между Союзным центром и республиками, что проявлялось в требовании заключения нового Союзного договора взамен устаревшего договора от 30 декабря 1922 г.;
- проведение экономической реформы путем «разгосударствливания» средств производства и равноправного существования всех форм собственности, включая частную собственность¹.

Для демократических движений, сторонники которых появились уже по всей стране, само существование демократической фракции в представительном органе власти было фактором огромной значимости и фактически легитимировало их деятельность. Демократы стали действовать на политической арене в качестве самостоятельной политической силы². Демократическое движение, кроме того, получало от МДГ важную программную и политическую поддержку. Результаты такого взаимодействия ясно проявились на выборах 1990 г., когда кандидаты — представители демократического движения — смогли выступить с ясными предвыборными платформами. Принадлежность к движению стала значимой настолько, что для победы на выборах было достаточно всего лишь поручительства члена МДГ за кандидата.

Демократическое зонтичное движение, включавшее в этот период широкий спектр групп — от коммунистов-реформаторов до «конституционных демократов» — существенно усилилось

¹ См.: Логунов В. Межрегиональная депутатская группа: год в оппозиции // Народный депутат. 1990. № 12. С. 22.

² Шейнис В. Взлет и падение парламента. Т. 1. М., 2005. С. 200.

за счет вступления в него большого числа вновь возникших клубов избирателей. С другой стороны, наблюдалась видимая консолидация антидемократического, консервативного блока: национал-патриоты и национал-большевики, на предыдущих выборах ограничивавшиеся критикой демократов и не выставлявшие своих кандидатов, создали структуры, ставшие новым игроком в этом избирательном цикле.

Очевидная неспособность КПСС реагировать на вызовы демократического движения заставила идеологов и стратегов прибегнуть к ресурсу противника — общественному движению: в феврале 1990 г. депутатская группа «Союз», выступающая за сохранение СССР, на базе которой позже возникло одноименное объединение депутатов всех уровней. Уже позже, в преддверии референдума о судьбе СССР 17 марта 1991 г., «Союз» вошел в состав «рабочего совещания» общественно-политических организаций социалистической и коммунистической направленности, требовавших сохранения СССР и подтверждения социалистического выбора¹.

В этот же период возникает большое количество протопартий и политических движений по всему политическому спектру — от социал-демократов и христианских демократов до монархистов и левых партий².

Увеличивается число массовых акций, организованных общественными движениями, происходит радикализация требований. Все чаще появляются открыто антикоммунистические призывы. Забастовки охватывают целые отрасли и регионы. Одновременно возникают спонтанные протестные акции граждан: «табачные», «водочные» и «сахарные» бунты, начавшиеся из-за отсутствия товаров в магазинах, перерастают в демонстрации с политическими лозунгами.

СМИ, и в первую очередь телевидение, передающие в прямом эфире дискуссии на Съезде народных депутатов, становятся основ-

¹ Подробно см.: Коргунюк Ю. Г. Становление партийной системы в современной России. М.: Фонд «Индем», 2007. С. 199–200.

² О генезисе партийной системы в России см. подробно: Коргунюк Ю. Становление партийной системы в современной России. М.: Фонд «Индем», 2007; Михалева Г. Российские партии в контексте трансформации. М.: УРСС, 2009.

ным элементом, способствующим консолидации и активизации активной части населения.

5. Выборы советов всех уровней 1990 года и их последствия

Выборы в советы всех уровней, и самое главное — в Верховный Совет РСФСР, проходили по мажоритарной системе как относительно свободные и отличались высоким уровнем конкурентности: в среднем 7 кандидатов на один мандат. КПСС, в которой углублялся внутренний раскол, не могла выступать как единая сила; демократическое движение, сформировавшееся в ходе этих выборов как широкая демократическая коалиция, наоборот, получило существенные преференции¹. Кроме того, блок консервативной оппозиции «Коммунисты России» также предлагал ясную программу — возврата к старому режиму.

Кроме того, переход к мажоритарной избирательной системе с голосованием в два тура и отказ от квот лишали компартию и ее периферийные структуры значимых преимуществ². На этих выборах сохранилась «двухступенчатая структура» на уровне страны: это означало, что постоянно действующий Верховный Совет должен был избираться Съездом народных депутатов. Но уже не было квот общественных организаций. В. Шейнис оценивает механизм выдвижения кандидатов как «нелепый». Там, где ожидалось выдвижение неугодных партии кандидатов, блокировались собрания по месту жительства. В результате 76 % кандидатов было выдвинуто трудовыми коллективами, 21 % — общественными организациями и 3 % — собраниями по месту жительства³.

Выборы республиканских, региональных и местных советов, назначенные на 6 марта 1990 г., означали для политических объединений необходимость большей концентрации на избирательной кампании и, как следствие, меньшее внимание к «партийному

¹ Первый электоральный цикл в России 1993–1996 гг. М., 2000. С. 22.

² Заславский С. Формирование многопартийности и реформа избирательной системы // Формирование партийно-политической системы в России. М., 1998. Вып. 22. С. 23.

³ Шейнис В. Взлет и падение парламента. Т. 1. М., 2005. С. 266–267.

строительству». Ни демократическое движение, ни протопартии не были субъектами электорального процесса, важна была лишь идеологическая идентификация кандидатов. Эти выборы привели к отчетливой поляризации партийного спектра, разделив его на демократов и национал-патриотов. Были предприняты первые неудачные попытки объединить демократический спектр в формах Народного фронта, Межрегиональной ассоциации демократических организаций, «Гражданского действия»¹. Наконец, по инициативе «Межрегионального объединения избирателей» 20–21 января 1990 г. в Москве прошла конференция демократически ориентированных кандидатов, на которой был создан **избирательный блок «Демократическая Россия» (ДР)**. Инициаторами конференции были «Мемориал», «Щит», «Московская трибуна», «Апрель», МАДО, Народный фронт РСФСР и др. Впоследствии в блок вступили и другие объединения демократической ориентации: социал-демократы, конституционные демократы и представители «Демократической платформы в КПСС». Исследователи характеризуют ДР как типично интеллигентское образование по социальному составу, способу организации и идеологии². ДР выдвигала требование провозглашения суверенитета РФ, отмены 6-й статьи, разработки и принятия новой демократической Конституции, отказа от «двухступенчатой» системы (съезд — Верховный Совет), демократизации общественной жизни и введения рыночной экономики.

«Демократическая Россия» играла важную роль в ходе кампании: одна только принадлежность к этому блоку была основанием для голосования за кандидатов. Кроме того, блок стал организатором самых массовых митингов и шествий: ни до, ни после такое количество людей на улицы не выходило. Незадолго до выборов (4 и 16 марта, соответственно первый и второй туры), 4 и 25 февраля 1990 г., в массовых акциях в Москве участвовало соответственно 300 000 и 100 000 человек. Главными лозунгами акций были исключение статьи 6 из Конституции, поддержка МДГ в борьбе с консервативным большинством в Верховном Совете и проведе-

¹ Bürgeraktion // Neue Zeit. 1990. № 8. S. 25; Вохменцева Г. МАДО // Панорама. 1989. № 11. С. 4.

² Коргунюк Ю. Г. Становление партийной системы в современной России. М.: Фонд «Индем», 2007. С. 205.

ние радикально-демократических реформ. Все резче становилась критика в адрес Горбачева.

Представители патриотического крыла также проводили митинги. Типичными лозунгами были: «МДГ — власть сионистов» или «Частная собственность — путь к гражданской войне»¹.

Как и прежде, программы кандидатов не играли роли, ключевым было символическое значение лидеров и их ролей: Ельцина, боровшегося с коррупцией, против которого вел борьбу аппарат; «народных героев», борцов с мафией Т. Гдляна и Н. Иванова; борца с «агрессивно-послушным большинством» на Съезде народных депутатов СССР, члена МГД Ю. Афанасьева. В их поддержку участники демонстраций несли плакаты «Руки прочь от NN!».

Главной проблемой этих выборов для демократов был дефицит людей, которые могли бы стать кандидатами при очень большом числе мандатов. Следствием стало привлечение «Демократической Россией» большого числа случайных, мало подходящих для должности депутата граждан. Тем не менее демократам, даже при отсутствии селекции, не удалось «закрыть» большинство округов. Особенно сложной была ситуация на районном уровне. В Ленинграде, например, только четверть выдвинутых демократами кандидатов прежде участвовала в движении или же проявила себя на общественно-значимом поприще (писатели, историки, юристы и т. п.). Остальные были известны только в кругу коллег и знакомых. В Москве на районном уровне удалось выдвинуть не более чем по одному кандидату². Таким образом, конкуренция между демократически ориентированными кандидатами была практически исключена.

У демократов ресурсы были по-прежнему минимальными, но их энтузиазм и ожидания перемен в обществе позволили получить максимальный эффект. Москва, Ленинград, другие крупные города были заполнены листовками, агитацию вели члены МГД и известные в регионах своей оппозиционностью кандидаты. Не-

¹ См.: Выборы-90. Хроника избирательной кампании // Издание центра политико-правовых исследований и информации при культурном центре «Московские новости». Вып. 9. С. 1.

² Там же. С. 8.

большую финансовую поддержку оказывал и становящийся на ноги бизнес (кооперативы).

Главным инструментом мобилизации избирателей в этих кампаниях были массовые митинги и работа волонтеров, объединенных в группы поддержки, значительную часть которых составляли, по оценке В. Шейниса, представители академических кругов¹. Особенностью кампаний демократов было отсутствие разработанных программ, использование простых схем и популистских лозунгов: против партийного аппарата, за Ельцина. В тех городах и регионах, где уже произошла самоорганизация демократического движения, удалось зарегистрировать практически всех кандидатов. Например, в Свердловской области, где уже до начала этих выборов на базе первых неформальных политических организаций и «Мемориала» было создано движение «Демократический выбор» во главе с уже упомянутым В. Исаковым². Конечно, Свердловская область — особый случай: знакомство многих политических акторов с Ельциным накладывало существенный отпечаток на политический процесс, способствуя радикализации и динамизму. Развитие касалось не только региональной столицы, но и малых городов. Так, в г. Ревда Свердловской области (в то время с населением около 30 тыс.) уже в 1990 г. был создан «Клуб избирателей», быстро преобразовавшийся в «Демократический выбор», руководители этих движений были связаны с активистами областного демократического движения. Главным объектом критики демократически ориентированных представителей руководства градообразующего предприятия (СУМЗ) — Ф. Маркелова и А. Шаталина — стали привилегии коммунистов и персонально председатель исполкома г. Ревда И. Гавриленко. После того как Гавриленко был избран председателем городского совета, демократы организовали демонстрацию под лозунгом «Ревда не выдержит двух Иванов!», что привело к перевыборам в городском совете. При этом фракция демократов была по численности большей, чем у коммунистов³.

¹ Шейнис В. Взлет и падение парламента. Т. 1. М., 2005. С. 271–272.

² Подробнее об этом см.: Luchterhandt G. Parteien in der russischen Provinz. Bremen, 1996. S. 60–65.

³ См. об этом подробно: Luchterhandt G. Parteien in der russischen Provinz. Bremen, 1996. S. 185–197.

Партийный аппарат, представленный по традиции блоком коммунистов и беспартийных, на этих выборах столкнулся с куда большими сложностями, несмотря на почти полный контроль над информационными потоками в СМИ и практически безграничный административный ресурс. Практиковалось массовое выдвижение кандидатов в одном округе для того, чтобы в последний момент снять кандидатуры и увеличить шансы своих кандидатов. Партийные руководители и высшие военные чины, как правило, баллотировались в малых городах и в сельской местности, где они не опасались конкуренции, будучи единственными кандидатами. Главным лозунгом агитационных материалов была необходимость обеспечения преемственности в реформировании (сохранения властных позиций).

На роль «третьей силы» претендовало «державно-патриотическое течение» — блок общественно-патриотических организаций «За политику народного согласия и возрождения» (конгломерат малоизвестных национально-патриотических организаций — ОФТ, «Единство», «Отечество» и другие более мелкие объединения), которые для избирателей выглядели помощниками партийной номенклатуры¹. Они выставляли своих кандидатов не от этого блока, а от других, зарегистрированных общественных организаций². На уровне страны им не удалось получить ни одного мандата.

Методы агитации были весьма разнообразны. Нередко организовывались «утечки информации» о том, что (официальный) кандидат на самом деле — «скрытый демократ» и борец с бюрократами³. КГБ в массовом порядке также принимал участие в этих выборах. Только в Москве на городском и районном уровнях баллотировалось 74 сотрудника⁴. Характерно, что программы «демократов» и «аппаратчиков» — представителей партии, комсомола, профсоюзов и др. — почти не отличались.

¹ Коргунюк Ю. Г. Становление партийной системы в современной России. М.: Фонд «Индем», 2007. С. 207–208.

² Иваницкий В. Избирательные блоки: первый опыт // Неформалы: кто они? куда зовут? М., 1990. С. 286–303.

³ Там же. Вып. 4. С. 7–8.

⁴ Там же.

Результаты выборов в целом увенчались успехом для «Демократической России»: значительная часть кандидатов различных уровней получила депутатские мандаты. В городских советах Москвы, Ленинграда, Рязани, Нижнего Новгорода, Тюмени, Нижневартовска демократы составили большинство; примерно треть мест «демороссы» получили в городских советах Свердловска, Томска, Кемерово и Новосибирска¹. Итоги выборов, пишет Виктор Шейнис, «мы оценили как поступательное — и хотелось надеяться — необратимое продвижение демократического процесса»². Изменение избирательного законодательства привело к тому, что граждане впервые получили возможность оценивать, по крайней мере, личные качества кандидатов и их идеологические ориентации (но пока не политические позиции).

Но, как заметил в то время Олег Румянцев, «заблуждаются те, кто думает, что демократы выиграли выборы в местные советы в РСФСР. Демократы смогли победить в Москве <...> и на нескольких "островах". Но на всей остальной российской территории власть не изменилась»³.

Более сложной была картина на республиканском уровне. На первом заседании Съезда народных депутатов РСФСР 16 мая стало ясно, что представители «аппарата» не имеют подавляющего большинства голосов. Сформировались депутатские группы: самой большой была группа «Коммунисты России», она насчитывала 470 членов; сразу за «Коммунистами России» следовала «Демократическая Россия», располагавшая 450 голосами. Перевес голосов могли обеспечить 100 депутатов, особенно из фракции «Россия» и «кочующие» депутаты, переходившие из одной группы в другую. Почти все предложения «Демократической России», связанные с радикальным реформированием политической системы, были заблокированы консерваторами. Но у демократов были и значимые успехи, в первую очередь — избрание Ельцина Председателем Верховного Совета РСФСР, что удалось с большим трудом и под давлением уличных выступлений. К числу таких успехов можно отнести и провозглашение 12 июня 1990 г. суверенитета России.

¹ Есть такие партии // Литературная газета. 1991. № 7. С. 3.

² Шейнис В. Взлет и падение парламента. Т. 1. М., 2005. С. 264.

³ Румянцев О. Цыплят по осени считают // Столица. 1991. № 9. С. 4.

С момента конституирования нового российского парламента конфронтация между демократической частью парламента и его консервативной частью, поддерживаемой аппаратом ЦК, усиливалась и быстро стала ключевым фактором политического процесса.

Верховный Совет РСФСР, характеризуемый специалистами как «профессиональная законодательная машина», был готов, несмотря на жесткие политические конфликты, к последовательной и эффективной законодательной работе, но не обладал системой разрешения внутренних конфликтов из-за слабой институционализации.

Председатель Верховного Совета Руслан Хасбулатов и антиельцински настроенная часть ВС сознательно шли на конфронтацию с исполнительной властью¹. «Хорошо смазанная легислативная машина без внешнего контроля»² — так характеризуют его внешние наблюдатели, что было во многом следствием институционального выбора в пользу мажоритарной системы на этом этапе трансформации.

Уровень структурированности Верховного Совета РСФСР немногим отличался от политического спектра в целом: невнятные и постоянно меняющиеся позиции, многочисленные персональные пересечения, расплывчатые границы фракций и коалиций, высокая фрагментированность и отсутствие эффективных методов компромиссного разрешения конфликтов. Так, членство в КПСС ни в коем случае не означало автоматического вхождения в группу (фракцию) «Коммунисты России». Позиции фракций «Демократическая Россия» и «Смена» были практически неотличимы. Членство в какой-то фракции ни к чему не обязывало депутата, если начиналось голосование. Важную роль играли региональная принадлежность и персональная лояльность. По существу, парламентские фракции с их аморфным составом и отсутствием значимых прав в законодательном процессе играли роль депутатских клубов, организуемых по корпоративному признаку или на основе политических ориентаций. Попытки создания на съезде или в Верховном

¹ См. об этом периоде также: Andrews J. When Majorities Fail: the Russian Parliament, 1990–1993. Cambridge, 2003.

² Ostrow J. Comparing Post // Soviet Legislatures. Columbus, 2001. P. 29–92.

Совете фракций, образуемых по партийному признаку, не приводили к значимым результатам¹.

Ясность и разделение на два лагеря по важнейшим политическим вопросам вносила только конфронтация между реакционной фракцией коммунистов под руководством Полозкова и группой «Демократическая Россия». В условиях углубляющегося кризиса и ужесточения методов политической борьбы компромиссы и существование «центристской» позиции были практически исключены².

Значительная часть членов КПСС не была готова поддерживать реакционный курс. Это позволило герою войны в Афганистане генералу Александру Руцкому создать в парламенте новую группу численностью примерно в 100 депутатов, состоящую частично из перебежчиков из рядов консерваторов (около 20 человек), частично из членов других фракций, пока не готовых расстаться с партбилетом, но в целом поддерживающих Ельцина, с парадоксальным названием **«Коммунисты за демократию»**.

Руцкой не собирався ограничивать свою активность только парламентской деятельностью и объявил своей целью демократизацию КПСС. С его точки зрения, главным врагом демократии была не КПСС как таковая, а «Союз», представляющий силы тоталитаризма³. Он видел новую парламентскую демократическую партию коммунистов, противостоящую реакционной КП Ивана Полозкова, при этом в будущем не исключался и отказ от названия «коммунистическая»⁴. Одновременно идеи «социал-демократизации» КПСС высказывались соратниками Горбачева периода начала перестройки: Александром Яковлевым, Сергеем Алексеевым, Федором Бурлацким и Сергеем Шаталиным⁵. ДР и ве-

¹ Заславский С. Формирование многопартийности и реформа избирательной системы // Формирование партийно-политической системы в России. М., 1998. Вып. 22. С. 24.

² Юрьев Д. «Глас народа» против «гласа номенклатуры» // Независимая газета. 1991. 14 марта. С. 5.

³ Водолазов Г. (публикация без названия) // Народный депутат. 1991. № 9. С. 84.

⁴ Зуйченко А. Коммунисты России! Разъединяйтесь! // Независимая газета. 1991. 16 июля. С. 2.

⁵ См.: Алексеев С. Альтернатива дробления левых сил — движение к социальной демократии // Литературная газета. 1991. № 4. С. 1–5.

душие представители интеллигенции весьма скептически отнеслись к этой инициативе¹. Практически всем игрокам того времени было ясно, что коммунистическая партия в ее прежнем виде доживает последние дни.

Неясные соотношения ресурсных потенциалов не позволяли Верховному Совету сделать решительных шагов в экономической и политической областях, но, несмотря на это, некоторые значимые решения в политической сфере все же были приняты. Откладывание экономических реформ привело к ухудшению экономического положения населения и повлекло за собой массовые протесты, имевшие зачастую стихийный характер.

Несмотря на митинги и демонстрации и избрание «героя и мученика» Ельцина на высший государственный пост, надежды населения, связанные с быстрыми переменами после прихода к власти демократов, не оправдались. Хотя Ельцин и не стал «спасителем», миф о «хорошем» Ельцине и «плохих» Лигачеве, потом Рыжкове и Горбачеве продолжал существовать еще некоторое время. Акции протеста тем самым были естественными формами спонтанного протеста с теми же лозунгами поддержки Ельцина в борьбе с «консерваторами».

Забастовки не только на предприятиях, но и на транспорте и в учебных заведениях стали привычным явлением. В протестных акциях по-прежнему принимало участие большое количество граждан, при этом численность колебалась в зависимости от времени года, погоды и актуальных действий правительства. Существовала четкая зависимость: чем «жестче» решение центральной власти, тем больше число участников акции.

Политизированное стачечное движение стало мощным источником поддержки Ельцина в его борьбе с Горбачевым, Союзным центром и КПСС².

¹ См.: Яковлев Е. Ребенок будет — только не от КПСС // Литературная газета. 1991. № 19. С. 3.

² См. подробно об этом периоде рабочего движения: Aves J. The Russian labor movement, 1989–91: the mirage of a Russian Solidarnosc // The Road to Post-Communism: independent political Movements in the Soviet Union, 1985–1991. London; NY, 1992. P. 138–156.

В короткий период между выборами демократические группы становятся ядром массового демократического движения, которое охватывает крупные, а также средние и малые города. Демократическое движение имеет не только поддержку снизу, но и представительство в первом советском парламенте, что значительно укрепляет позиции демократов и увеличивает их ресурсы. Зонтичное оппозиционное демократическое движение объединяет многочисленные протопартии. Успех демократов на выборах приводит к первоначальному усилению позиций демократического движения, получившего представительство в ряде советов различных уровней.

Завоевание власти одновременно означало и потерю идентичности, протестного характера демократической оппозиции, которая на новом этапе была вынуждена выработать новый политический профиль. Кроме того, получив мандаты и места в исполнительной власти, представители демократической оппозиции быстро начали терять связь с общественными группами, которые они представляли.

КПСС, КП РСФСР, а вместе с ними и Союзный центр под руководством Горбачева становились все слабее. Впереди были прямые выборы Президента России, запрет КПСС, августовский путч и Беловежские соглашения — и переход к новой фазе трансформации, смене политической системы на новую, сначала казавшуюся демократической.

Ольга Малинова, Москва

Перестройка и трансформация дискурса о коллективной самоидентификации по отношению к «Западу»¹

Споры об отношении России к Западу, о перспективах ее модернизации и возможности «особого пути» продолжают около двух столетий. Они и в начале XXI века остаются значимым фактором структурирования политико-идеологического спектра. Дискурс, заданный темой отношения России к Западу, оставил глубокий след в отечественной культуре: он был колыбелью, в которой рождалась русская философия, он заложил традиции осмысления особенностей национальной истории и культуры, он стал лабораторией, где исследовалась специфика российских социальных и политических институтов и разрабатывались альтернативные проекты развития, он послужил школой, воспитавшей русскую интеллигенцию и многое другое. Но помимо всего прочего это был дискурс о коллективной идентичности, в котором формулировались, развивались и соперничали разные представления о том, кто есть Мы, составляющие культурное и политическое сообщество, стоящее за понятием «Россия». Именно этот аспект дискуссий о России и Западе в конце XX века станет предметом моего анализа.

На мой взгляд, есть основания утверждать, что продолжающиеся многие десятилетия дискуссии российских «западников» и «почвенников» могут рассматриваться в качестве дискурса, заданного темой и структурой оппозиций. Последняя определяется соперничеством двух полюсов², рассматривающих Россию как тоже-Европу

¹ Статья подготовлена в рамках исследования, осуществленного при поддержке Российского государственного гуманитарного фонда, грант № 06-03-02-038а.

² Исторически эти полюса связывались с комплексами идей, которые имели разные названия. Для их описания я буду использовать слова «западничество» и «почвенничество», заключая их в кавычки (без кавычек те же термины будут обозначать классическое западничество 1840-х и почвенничество 1860-х как самостоятельные течения).

или не-Европу и соответствующим образом оценивающих перспективы освоения западного опыта и цели внутренней и внешней политики. Противостояние соперничающих интерпретаций, отчетливо оформившееся в спорах западников и славянофилов в 1840–1850-х гг., то и дело возобновлялось на протяжении большей части XIX и XX веков. И хотя обсуждение темы «Россия и Запад» никогда не исчерпывалось крайностями «идеально-типического» «западничества» и «почвенничества», система координат, в которой происходит дискурсивное конструирование коллективной идентичности по отношению к данному Значимому Другому, задается полярно противоположными образами и оценками.

Возникает вопрос: означает ли регулярное возобновление дискуссий «западников» и «почвенников», что принципы, по которым строится дискурс о коллективной самоидентификации по отношению к Европе/Западу, остаются неизменными? В какой мере можно говорить о «западничестве» и «почвенничестве» как о продолжающихся интеллектуальных традициях? Ведь контекст, в котором ведется этот спор, многократно менялся; в начале XXI века и Россия, и Запад совершенно иные, нежели двадцать, а тем более сто или сто пятьдесят лет назад! Отчасти ответ на эти вопросы может дать анализ дискуссий периода перестройки, отразивших попытки переопределения коллективной самоидентификации по отношению к «Западу» в новом историческом контексте. Я попытаюсь выяснить, каким образом крах коммунистического режима менял представление о России и ее месте в мире, в какой мере эти события стимулировали новые подходы к решению проблемы коллективной самоидентификации по отношению к Европе/Западу и как в этих новых контекстах работали традиционные стереотипы «западничества» и «почвенничества».

Задача данного исследования — не описание истории «западничества» и «почвенничества», а реконструкция моделей коллективной идентичности, которые артикулировались в контексте обсуждения проблемы отношения России к Европе/Западу, и изучение их соперничества и динамики в менявшемся контексте. Под моделями коллективной идентичности я понимаю дискурсивно формирующиеся базовые представления о Нас (обычно в соотнесении с некими Значимыми Другими), которые структурируют

восприятие социальной реальности. С учетом того, что важным фактором, определявшим представления о российской/советской идентичности в сравнении с европейской/западной, были мировоззренческие установки, в качестве инструмента анализа были использованы идеально-типические модели политико-культурных сообществ, соответствующие двум типам мировоззрений.

Первая — назовем ее условно либерально-прогрессистской — опирается на либеральную концепцию прогресса как поступательного развития от низшего к высшему, которое потенциально (но не в данный момент) охватывает все человечество. В зависимости от представлений о «конечной цели» прогресса возможны различные версии этой модели — собственно либеральная, социалистическая, радикально-демократическая, христианско-экуменическая и др. В рамках прогрессистской модели Россия рассматривается как (восточно) европейская страна, (пока) отстающая от Западной Европы по уровню своего развития, но рано или поздно призванная ее догнать (а может быть, и перегнать). Различия интерпретируются как «количественные», со временем преодолеваемые. Тем самым России отводится роль «отстающего», который лишь в будущем (более или менее отдаленном) может «догнать» опередившего его соперника. Впрочем, обычно подчеркивается, что шансы на успех велики, поскольку Россия «молода» и быстро осваивает достижения Европы. Прогрессистская модель придает большое значение инновациям и индивидуальному творчеству и в целом позитивно оценивает роль культурных заимствований.

Вторая модель (условно — консервативно-почвенническая) исходит из идеи партикулярности истории отдельных народов, каждый из которых рассматривается как органическое «живое целое», развивающееся по собственным законам. Отсюда — акцент на культурную самостоятельность и предубеждение против заимствований, а также — инноваций, инициированных творчеством индивидов. Залог самобытности усматривается в следовании органическим традициям. В рамках этой модели различия между Россией и «Западом» рассматриваются как качественные, не сглаживаемые временем. Что особенно важно: почвенническая модель позволяет рассматривать отличия России от Европы как достоинства, очевидные в другой системе координат.

Описанные модели представляют собой идеально-типические конструкции, которым в большей или меньшей степени соответствовали представления участников дискурса о самоидентификации России по отношению к Европе/Западу. Нужно заметить, что представления, обнаруживаемые в конкретных текстах, нередко причудливым образом сочетают элементы обеих идеально-типических моделей.

СССР и «Запад»

В советский период проблема коллективной самоидентификации по отношению к традиционному Значимому Другому ни в коей мере не утратила значения: Запад оставался не только главным геополитическим противником, но и классовым врагом, воплощением чуждых Нам ценностей, носителем проекта, обреченного, в соответствии с марксистской теорией, на неизбежный крах, и одновременно — соперником, Наше превосходство над которым еще требовалось доказать. В официальном дискурсе¹ преобладал особый вариант прогрессистской модели коллективной идентичности, рассматривавший проблему соотношения со Значимым Другим сквозь призму борьбы двух социальных систем и отводивший СССР роль лидера современного этапа мировой истории. Придавая принципиальное «классовое» значение различиям, этот вариант прогрессистской модели максимально дистанцировал Россию от Запада: предполагалось, что «коренные различия в организации самой общественной жизни» при социализме и капитализме «исключают примирение между ними»². Следует отметить, что во второй половине XX века с оформлением военных блоков геополитическое противостояние России и Запада приобрело особенно острые формы: в роли вероятного военного противника теперь выступали не отдельные страны, но «Запад» как политически единое целое.

¹ В данном случае этот термин указывает на дискурс, «нормализованный» в соответствии с действующими идеологическими канонами, которые с разной степенью жесткости устанавливали рамки для публичных высказываний. С середины 1920-х гг. и вплоть до конца 1980-х высказывания, альтернативные официальному дискурсу, имели мало шансов быть услышанными широкой публикой. Впрочем, границы дозволенного всегда были предметом интерпретации.

² Научный коммунизм. Словарь/Под ред. А. М. Румянцева. 3-е изд. М.: Политиздат, 1980. С. 14.

В отличие от либерального прогрессизма прежнего «западничества», связывавшего отличия России от Значимого Другого с ее историческим «отставанием» и считавшего их со временем преодолимыми, новый советский прогрессизм утверждал превосходство СССР как первой в мире страны победившего социализма, но одновременно, подобно моделям консервативно-почвеннического типа, подчеркивал принципиальный и качественный характер различий между советской Россией и буржуазным Западом. Предполагалось, что с победой мировой социалистической революции различия будут преодолены, однако на данном этапе Запад рассматривался как основной противник в классовой борьбе двух систем, разворачивающейся по всем фронтам. Таким образом, модель коллективной идентичности, представленная в официальном дискурсе, сочетала элементы обеих базовых типических моделей, описанных выше, не соответствуя в полной мере ни одной из них.

Официальный советский дискурс о коллективной самоидентификации по отношению к Западу представлял собой особую систему формирования высказываний, он существенно отличался от прежнего дискурса, заданного оппозицией «западничества» и «почвенничества». Это был другой дискурс. Однако в той мере, в какой возникла нужда в подкреплении доминирующей логики «классовой борьбы» историческими и культурными аргументами, появлялась потребность в обращении к репертуарам смыслов прежнего дискурса. Не имея возможности рассматривать здесь эволюцию официального советского дискурса, отмечу лишь, что конструируемый в нем образ Запада никогда не был монолитным. Поэтому, несмотря на предписываемые «коренные различия», отдельные элементы этого образа могли оцениваться вполне позитивно. Основаниями для положительной оценки являлись мера «прогрессивности» рассматриваемого явления и его отношение к «интересам трудящихся». Несмотря на высокую степень «нормализации» официального дискурса, сохранялась известная свобода интерпретации, и «классовые» оценки были относительно подвижными.

В официальном советском дискурсе традиционная оппозиция «западничества» и «почвенничества» была снята, во всяком случае, на уровне доминантных установок. Вместе с тем неверно было бы утверждать, что она исчезла полностью. С ослаблени-

ем идеологического контроля противостояние «почвенничества» и «западничества» в каком-то смысле возобновилось. Главным предметом споров 1960–1970-х гг. — в той мере, в какой полемические высказывания, ограниченные мерой дозволенного в официальной публичной сфере, можно назвать спорами, — была не столько проблема самоидентификации по отношению к Западу, сколько критика советской системы с позиций русского национализма. Однако поскольку идеология последнего¹ была типологически близка к консервативному почвенничеству, а Западу в ней отводилась роль Внешнего Врага, дискуссии о перспективах «национального возрождения», происходившие частично на страницах официальных изданий, но в большей степени — в самиздате и тамиздате, представляют несомненный интерес с точки зрения изучения долгого дискурса о «цивилизационной идентичности» России. Анализ этого материала не входит в задачи настоящей статьи. Отмечу лишь, что корни «почвеннических» идей периода перестройки, которые будут рассматриваться ниже, во многом были заложены еще в 1960–1970-е гг.

Приход к власти М. С. Горбачева в 1985 г. открыл эпоху быстрых перемен в идеологической сфере. Они имели множество важных последствий и прежде всего оказались фактором радикальной трансформации общества, положившей конец коммунистическому режиму и самому СССР. Одним из аспектов перемен в общественном сознании, вызванных политикой гласности, стал процесс переопределения коллективной идентичности. Очевидная либерализация режима и постепенное расширение границ дозволенного для публичных высказываний, планы экономических, а затем и политических реформ, поток публикаций о прежде запретных страницах истории XX столетия и, наконец, первые национальные

¹ Пока можно говорить лишь о первых шагах в изучении истории движения русских националистов в СССР, однако его идеология сравнительно неплохо описана в ряде работ. См.: Данлоп Д. Новый русский национализм. М.: Прогресс, 1986; Лакер У. Черная сотня. Истоки русского фашизма. Вашингтон: Проблемы Восточной Европы, 1994; Янов А. Л. Русская идея и 2000-й год. New York: Liberty Publishing House, 1988; Devlin J. Slavophiles and Commissars. Enemies of Democracy in Modern Russia. New York: St. Martin Press, 1999; Janov A. The Russian New Right. Berkeley, 1978, и др. Вопросы зарождения движения русских националистов и его деятельности рассмотрены в монографии Н. Митрохина: Митрохин Н. Русская партия. Движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2003.

конфликты, обозначившие хрупкость декларируемого единства советского народа, — все эти обстоятельства побуждали к переосмыслению устоявшихся представлений о политическом и культурном сообществе (или сообществах), объединенном границами Советского государства. Изменения касались в первую очередь представлений о Нас в проекциях времени и пространства. Однако динамика восприятия Значимого Другого также имела существенное значение для дискурсивного переопределения коллективной идентичности. По мере того, как каркас идеологических установок, задававших стандарты публичных дискурсов, менялся, постепенно утрачивая свои «нормализаторские» функции, образы Запада становились более «разноцветными» и обнаруживали черты не только различий, но и сходств.

Начало этому процессу переопределения Запада было положено изменениями в дискурсе власти. Концепция «нового мышления», заявленная М. С. Горбачевым в 1987 г., предлагала новые принципы взаимоотношений с Западом. Традиционным элементом канона советской идеологии был принцип «мирного сосуществования государств с различным общественным строем». Считалось, что этот принцип не отменяет классовой борьбы двух систем, а лишь исключает войну как средство такой борьбы — особенно опасное в эпоху ядерного противостояния. Новацией Горбачева было дополнение догмата о мирном сосуществовании принципом подчинения «классовых ценностей общечеловеческим», что должно было открывать перспективы для нового международного порядка, основанного на общих ценностях. Концепция «нового мышления» отличалась двойственностью: она вовсе не предполагала отказа от классовой борьбы, однако позволяла находить «общечеловеческие» аспекты в том, что прежде клеймилось как «буржуазное». После 1987 г. репертуар официальной идеологии пополнился такими «буржуазными» понятиями, как «правовое государство», «парламентаризм», «разделение властей», «права человека» и др. Стала меняться и тональность информации о «жизни Запада» в СМИ.

Вместе с тем «западнические» устремления власти не всем оказались по вкусу, и по мере того, как официальные установки теряли силу обязательности, на страницах «перестроечных» изданий закипала полемика между новыми «западниками» и «почвенника-

ми». Она-то и станет главным предметом моего анализа. Не ставя перед собой задачу последовательно описать историю этих дискуссий, я попытаюсь выделить особенности моделей коллективной идентичности, представленных в публицистических статьях, которые появлялись в толстых журналах «западнического» и «почвеннического» направлений в 1987–1991 гг.¹

«Западничество» и «почвенничество» в пору кризиса коммунистического режима

«Западничество» и «почвенничество» конца XX века во многих отношениях отличались от своих дореволюционных предшественников. Концептуализация опыта советских десятилетий вносила существенные коррективы в модели российской идентичности, разрабатывавшиеся в перестроечном контексте. Кроме того, стили мышления новых «западников» и «почвенников» складывались под большим или меньшим влиянием советских идеологических схем и стереотипов времен холодной войны. Наконец, сказывалось и просто недостаточное знание тех интеллектуальных традиций, на продолжение которых претендовали новые «лагеря».

На складывавшуюся доктрину нового «западничества» решающее влияние оказало переосмысление итогов коммунистического режима в СССР. Формы, в которых это переосмысление происходило, создавали серьезные концептуальные трудности для «западной» модели коллективной идентичности. Дореволюционное «западничество» подчеркивало преодолимость значимых различий между Россией и Европой, видя в них проявление исторической отсталости; предполагалось, что со временем Россия должна стать такой же, как все европейские страны, разумеется, сохранив свои национальные особенности. Однако критическая переоценка опыта советской власти, осуществлявшаяся в годы перестройки с помощью системы бинарных противопоставлений (тоталитаризм/демократия, административно-командная система/рынок,

¹ Объектами моего анализа стали публикации журналов «Новый мир», «Октябрь», «Дружба народов», «Знамя», «Наш современник», «Москва» и «Молодая гвардия». Были использованы также отдельные материалы «Огонька», «Науки и жизни» и ряда других изданий.

идеологический контроль/свобода, догматизм/плюрализм и др.)¹, коренным образом ломала эту схему. Россия оказывалась принципиально не такой, как страны Запада: она единственная поддалась коммунистическому соблазну, и это обстоятельство накладывало неизгладимый отпечаток на ее прошлое, настоящее и будущее. Новое «западничество» вынуждено было следовать скорее советскому, нежели либеральному варианту прогрессистской модели, подчеркивая качественный характер различий, но со знаком минус.

Такая модель идентификации не способствовала повышению коллективной самооценки, что само по себе на эмоциональном уровне не могло не провоцировать протест, и, представляя будущий прорыв к цивилизации как ломку национальных традиций, могла опираться главным образом на представления о желанности/необходимости такого прорыва и на волю просвещенного меньшинства к его осуществлению. К сожалению, эта конструкция действительно была уязвима для критики оппонентов, которые, переводя ее на собственный язык, утверждали, что стремление «нигилистов из элиты» разрушить «реакционный инвариант русской истории», «опираясь на помощь и опыт западного общества», обнаруживает их духовное родство со сталинизмом². Интерпретация последнего как попытки революционного меньшинства ценой беспрецедентного насилия навязать народу утопический проект западного происхождения имела широкое хождение в перестроечной прессе. В конце 1980-х гг. критические выпады «почвенников» не встречали широкого сочувствия, поскольку идея перемен пользовалась популярностью и перспектива жизни «как на Западе» привлекала многих. Но в 1990-х гг., когда возникло разочарование в начатых реформах, тиражируемый оппонентами образ «западников» как «нигилистов» (если не пособников Врага), которые упорно стремятся навязать России неподходящий для нее чужой путь, получил заметное распространение.

¹ Как справедливо полагает А. Юрчак, истоки системы бинарных категорий, использовавшихся в конце 1980-х гг., следует искать в интеллектуальном климате холодной войны, однако в революционном контексте перестройки эти оппозиции обретали особую четкость (Yurchak A. Everything was forever, until it was no more. The last soviet generation. Princeton etc.: Princeton University Press, 2005. P. 7).

² Платонов О. «О, Русь, взмахни крылами!..» // Наш современник. 1989. № 7. С. 111–112.

Негативная оценка итогов советского эксперимента побуждала оценивать критически и дореволюционную историю. Как с грустью констатировал И. Клямкин, у нас «все по-своему, все иначе, чем у “них”. Не просто отстали и догоняли, а догоняли совсем по-другому, не по проложенной ушедшими вперед магистрали, а по российским большакам и проселкам, трясясь на ухабах и мечтая о летящей, как птица, Руси-тройке»¹. Даже те, кто считал революцию порождением “европейских идей”, а не закономерным результатом «аномальности» исторического пути России, признавали, что «слабым звеном в цепи мирового империализма» ей помогли стать особенности ее культуры². Отечественное прошлое виделось как серьезное препятствие на пути к реформам: «нормальную» политическую систему предстояло создавать в отсутствие «присущего Западной Европе опыта буржуазной демократии», преодолевая «привычку масс к авторитарным методам управления»³; развитие предпринимательства было обречено на столкновение с психологическими барьерами, укорененными «в неявных “архетипах” культуры»⁴. «Сверхзадачей» перестройки представлялось «сокрушение [...] инварианта русской истории», в силу которого прежним социальным преобразованиям не удавалось «не то что разрушить, но даже сколько-нибудь основательно расшатать [...] некую авторитарную, элитарно-бюрократическую по своей природе суперсистему», лишавшую Россию «способности к самоорганизации и саморазвитию»⁵. Опасения «западников» были абсолютно справедливы. Однако своей категоричностью они давали оппонентам повод для обвинений в «нигилистиче-

¹ Клямкин И. М. Какая улица ведет к храму? // Новый мир. 1987. № 11. С. 156.

² По мысли А. Ципко, «сила замаха на рутину, на то, что опостытело, определяется не только остротой политических и экономических антагонизмов, но и психологией замахивающихся, мерой их встроенности в старый мир, в “малые дела”». Поэтому и оказалось, что «в западноевропейских странах, где еще в конце прошлого века были все объективные и субъективные предпосылки для перехода к тому социализму, о котором писал Маркс, так и не было серьезной попытки испытать новое», Россия же предприняла «подряд несколько попыток прорваться в неизведанное» (Ципко А. С. Истоки сталинизма // Наука и жизнь. 1989. № 1. С. 46).

³ Амбарцумов Е. О путях совершенствования политической системы социализма // Иного не дано/Под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988. С. 81.

⁴ Панарин А. С. Революционеры и бюргеры, или неоконсервативный опыт реабилитации репрессированного мещанина // Дружба народов. 1991. № 12. С. 183.

⁵ Мочалов И. Уроки высокой гражданственности // Новый мир. 1988. № 3. С. 207.

ском» отношении к «культурно-историческому наследию» и в недостатке патриотизма. К сожалению, в те годы едва ли кто-то был готов ставить вопрос о разработке другого нарратива российского прошлого, который позволял бы вписать либеральные начала в русскую политическую традицию, представив ее как историю не только «нелиберальной социально-политической системы с доминированием государства над личностью», но и «повторяющихся частичных либерализаций этой системы, равно как и их повторяющихся отторжений»¹. Перестройка мыслилась ее сторонниками из «западнического» лагеря как изменение курса отечественной истории в направлении, обозначенном опытом цивилизованных стран.

Трудности с включением советской истории в собственные идеологические схемы были и у «почвенников». Противостоявший новым «западникам» лагерь в мировоззренческом отношении был весьма неоднородным: в нем были и сторонники «русского национального возрождения», призывавшие вернуться к духовным ценностям, которыми обладала старая, докоммунистическая Россия, и «национал-большевики», рассматривавшие Советскую Россию как продолжение Империи, а ее достижения, прежде всего военные, — как проявление «русского национального духа»; были и православные, и неоязычники, трактовавшие крещение Руси как насильственное обращение в иудейскую по происхождению веру, и др. Собственно, обе линии в долгом споре о «цивилизационной идентичности» России и прежде были представлены разными концепциями; внутри каждой из них было немало идейных размежеваний, в том числе и принципиальных. Их объединял главным образом выбор в пользу «европейского» или «особого» пути для России; этот выбор, как правило, сопрягался с определенными мировоззренческими предпочтениями, но в то же время допускал широкие вариации в отношении предлагаемой перспективы. «Почвенников» позднесоветской поры спланивали стремление защитить национальные ценности, которыми, как им казалось, пренебрегают «западники», и приверженность идее особого пути развития России, который понимался по-разному.

¹ Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М.: Новое издательство, 2005. С. 14.

Обозначившийся в конце XX века кризис, а затем и крах коммунистического режима чрезвычайно осложняли задачу конструирования ретроспективной утопии, которая так важна для консервативно-почвеннических моделей коллективной идентичности. В эпоху гласности исторические нарративы, призванные подкреплять идентичность советского человека, оказались основательно дискредитированы. «Сталинисты», позиция которых была громко заявлена в знаменитом письме Нины Андреевой, опубликованном в марте 1988 г. в «Советской России», в конце 1980-х гг. не признавались в «почвенническом» лагере в качестве своих¹. Среди авторов «Нашего современника», «Москвы» и «Молодой гвардии» преобладали тогда те, кто считал себя сторонниками перестройки, но видел в ней возвращение не на «столбовую дорогу мировой цивилизации», а «к народным основам, традициям и идеалам»². Некоторые уже успели сделать себе имя в самиздате. В стане «почвенников» были и «национал-большевики», однако тон задавали те, кто разделял пафос отрицания сталинизма и относился к новейшей отечественной истории критически.

Таким образом, в конце 1980-х гг. в «почвенническом» лагере преобладали критические оценки если не всего советского этапа российской истории (хотя имело место и это — в случаях «заслуженных» диссидентов вроде А. Солженицына или И. Шафаревича), то, по крайней мере, каких-то его периодов (как правило, отвер-

¹ Публицист «Нашего современника» О. Платонов, к примеру, ставил критикуемых им хулителей отечественной истории из «западнического» лагеря в один ряд с Ниной Андреевой, «ибо все они нигилистически оценивают культурно-историческое наследие, каждый по-своему хочет повернуть жизнь назад в ту колею, куда она попала в конце 20-х годов. Только одни делают это справа, а другие слева» (Платонов О. «О, Русь, взмахни крылами!..» // Наш современник. 1989. № 7. С. 113). Нужно напомнить, что и Н. Андреева оппонировала не только космополитизму «леволибералов», но и «охранителям и традиционалистам», завороченным образом дореволюционной России и не понимающим «исторического значения Октября для судеб Отчизны». Ее письмо било и по «западническому», и по «почвенническому» флангу перестроечной публицистики. Правда, за «традиционалистами» признавались «несомненные заслуги в разоблачении коррупции, в справедливом решении экологических проблем, в борьбе против алкоголизма, в защите исторических памятников, в противоборстве с засильем массовой культуры, которую справедливо оценивают как психоз потребительства...» (Андреева Н. Не могу поступаться принципами // Советская Россия. 1988. 13 марта. С. 2).

² Платонов О. «О, Русь, взмахни крылами!..» // Наш современник. 1989. № 7. С. 113.

галось «троцкистско-сталинское» насилие над русским народом; однако были и другие варианты: А. Проханов, например, клеймил большевиков за разрушение «могучей, интенсивно развивающейся» России начала XX века ради возведения «коммунистической рая», но превозносил Сталина за создание «новой, социалистической квазиимперии»¹). В отличие от «западников», большинство «почвенников» считало, что в эксцессах Октябрьской революции повинны не русская история и культура, а западный марксизм, опрометчиво перенесенный на неподходящую для него почву².

Многие в этом стане в принципе разделяли критическое отношение своих противников к коммунистическому периоду отечественной истории, однако протестовали по поводу практикуемых ими способов его переоценки. Как пояснял И. Шафаревич, бросается в глаза несоответствие «масштабов той трагедии, которая постепенно приоткрывается, уровню тех объяснений, которые обычно ей даются». Перестроечная публицистика представляет ужасы сталинизма как результат коварства и жестокости конкретных личностей или стечения обстоятельств. Но такие объяснения принижают народ: «истребляемый одним злодеем», он предстает «слизняком». «Неудивительно, — заключал Шафаревич, — что подобная картина отталкивает как раз тех, кому этот народ особенно близок»³. Наконец, не все, кого объединяло неприятие нового «за-

¹ Проханов А. Идеология выживания // Наш современник. 1990. № 9. С. 3.

² По словам И. Шафаревича, многие явления, которые «русофобы» «объявляют типично русскими, оказываются не только не типическими для России, но и вообще нерусскими по происхождению, занесенными с Запада: это как бы плата за вхождение России в сферу новой западной культуры» (Шафаревич И. Русофобия // Наш современник. 1989. № 6. С. 171). Ср.: Солоневич И. Дух народа // Наш современник. 1990. № 5. С. 149; Назаров М. Западники и почвенники, или Рассечение двуглавого орла // Наш современник. 1990. № 9. С. 137. Вину за негативные последствия большевизма возлагали на марксизм и те, кто считал, что «социализм вызрел в толщах народных масс задолго до Октября»: с их точки зрения, неправильный подход к строительству социализма был обусловлен тем, что русские марксисты «отвергают самобытный путь России и видят его в развитии преимущественно общих всем народам интернациональных черт» (Платонов О. «О, Русь, взмахни крылами!..» // Наш современник. 1989. № 7. С. 128, 108).

³ Шафаревич И. Логика истории? // Московские новости. 1988. № 24. С. 12. По мнению автора статьи, «трудно сомневаться, что сталинизм — не результат случайности, а связан с глубокими всемирно-историческими явлениями. Только осознав это, его можно понять и преодолеть его последствия» (там же).

падничества», были готовы признать вместе с А. Солженицыным, что «XX век жестоко проигран нашей страной»¹. Некоторых смущало, что «эта пересмотренная, раскритикованная история предстает как непрерывный ряд крушений, трат, преступлений, бессмысленность и ненужность которых якобы очевидна»². Этот фланг «почвеннического» лагеря почти смыкался с позицией Н. Андреевой, которая тоже разделяла «гнев и негодование по поводу массовых репрессий, имевших место в 1930–1940-х гг. по вине тогдашнего партийно-государственного руководства», но решительно протестовала против «втискивания» в критикуемую формулу культа личности «индустриализации, коллективизации, культурной революции, которые вывели нашу страну в разряд великих мировых держав»³.

В «почвенничестве» конца XX века отчетливо заметен водораздел, который характерен для всей традиции, определяемой обычно как «русский национализм»: разделяя «повышенное, напряженное внимание к национальным отличиям, достоинствам и проблемам своего народа»⁴, одни представители этой традиции ставили во главу угла «народ», а другие — «государство». В условиях кризиса СССР продолжатели первой традиции готовы были выбирать «между Империей, губящей нас самих, — и духовным и телесным спасением нашего же народа»⁵; для сторонников же второй традиции сохранение «социалистической квазиимперии» было абсолютным императивом: не разделяя «коммунистических» убеждений сталинистов, они готовы были с ними объединяться

¹ Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию: Посильные соображения. Л.: Советский писатель, 1990. С. 26.

² Проханов А. Так понимаю! С. 67.

³ Андреева Н. Указ. соч.

⁴ Такое понимание «национализма» имеет широкое хождение в России, им оперировали и в годы перестройки. Цитата взята из статьи: Стреляный А. Песни западных славян. Мысли о русском национальном сознании // Литературная газета. 1990. № 32. 8 августа. С. 3. Ср.: Соловьев В. С. Национальный вопрос в России // Соловьев В. С. Соч.: В 2-х томах. Т. 1. М.: Правда, 1989. С. 628–629.

⁵ Солженицын А. И. Указ. соч. С. 9. Ср.: Бондаренко В. Россия должна играть белями // Наш современник. 1990. № 12. С. 142; Шафаревич И. Можно ли еще спасти Россию? // Комсомольская правда. 1990. 18 октября. С. 2; Лысенко Н. Флаг национального российского государства — каким ему быть? // Москва. 1991. № 12. С. 13, и др.

ради защиты интегрирующей советской идеологии», примирявшей «противоречия, доставшиеся нам от прошлого»¹.

Отсутствие консенсуса в отношении советского периода мешало «восстановить непрерывность своих культурных традиций, обрести сознание непрерывной и цельной своей истории — истории, которой не 70, а тысяча и более лет»². Достижения XX века слишком тесно были связаны с грехами, в которых авторы многих публикаций тех лет, апеллируя к названию фильма Т. Абуладзе, звали покаяться. Призывы к покаянию и «восстановлению непрерывной и цельной истории» трудно было осуществить одновременно: борьба оценок прошлого стимулировала острую конкуренцию разных образов Мы.

Таким образом, и для «почвенников» проблема концептуализации опыта коммунистического режима оказывалась мучительно трудной: невозможно было изобрести такую интерпретацию «непрерывной культурной традиции», которая устраивала бы всех. Для тех, кто видел идеал консервативной утопии в дореволюционной России, было очевидно, что вариант развития, к которому нашу страну «тянуло [...] по строю души, имевшему отличительную тональность», «почти наверняка потерян и погублен»³, что «после всего того, чем мы заслуженно гордились, наш народ отдался духовной катастрофе Семнадцатого года (шире: 1915–1932), и с тех пор мы — до жалкости не прежние»⁴. И хотя можно по-прежнему рассуждать о том, что «наша страна призвана быть хранительницей и мирной распространительницей самого чистого христианского учения и образа жизни — Православия»⁵, однако в конце XX века Россия как «божественный звук, заставлявший некогда каждого россиянина взволнованно перекреститься», «утрачена»⁶. Хранительница консервативных ценностей — русская деревня — разрушена коллективизацией, и «организовавшееся вокруг опре-

¹ Проханов А. Заметки консерватора // Наш современник. 1990. № 5. С. 85.

² Михайлов А. В. Итоги // Наш современник. 1990. № 12. С. 26.

³ Распутин В. Интеллигенция и патриотизм // Москва. 1991. № 2. С. 12.

⁴ Солженицын А. И. Указ. соч. С. 9–10.

⁵ Антонов М. Духовная жизнь и исторические судьбы нации. Взгляд русского православного человека // Москва. 1989. № 8. С. 21.

⁶ Распутин В. Указ. соч. С. 14–15.

деленной культурной идеи “крестьянское пространство” сейчас в его прежнем виде невосстановимо»¹. Иными словами, «Россия, которую мы потеряли» — потеряна и «вернуться назад к ней никак нельзя»: она способна лишь служить «моделью органически выросшего жизненного уклада, у которого можно многому научиться»². Для тех же, кого завораживали мечты об имперском величии, оставался только один путь — «национал-большевистское» примирение с советским прошлым. Именно по нему пошли многие российские «почвенники» в 1990-х гг.

Почему возобновилось противостояние «западничества» и «почвенничества»?

Возникает вопрос: почему, несмотря на многочисленные попытки уйти от этого противостояния, определить «цивилизационную идентичность» России иначе, предпринимавшиеся в XX веке, в конце столетия прежняя борьба двух полюсов возобновилась? Действительно ли сказывалась «магнетическая сила» «разных духовных полей», о которых писал В. Распутин³? Действительно ли именно такой способ осмысления себя — через острое противоборство соперничающих моделей — был для России неизбежен? Мне представляется, что это не так: ведь были же в отечественной истории периоды, когда дискурс, организованный по принципу bipolarной оппозиции, становился маргинальным.

На мой взгляд, в возрождении полюсов «западничества» и «почвенничества» в годы перестройки, как это ни парадоксально, решающую роль сыграли авторитарное вытеснение и авторитарная трансформация их дискурсов в СССР. Как я пыталась показать, маргинализация «западничества» и «почвенничества» не означала их исчезновения — соответствующие дискурсы продолжали существовать и внутри официальных идеологических конструкций, и в неофициальных публичных пространствах. Однако в отсутствие возможности полноценных дискуссий разработка соперничающих

¹ Мяло К. Оборванная нить. Крестьянская культура и культурная революция // Новый мир. 1988. № 8. С. 256.

² Шафаревич И. Две дороги к одному обрыву // Новый мир. 1989. № 7. С. 164.

³ Распутин В. Указ. соч. С. 14.

концепций оказалась как бы замороженной (в действительности — отброшенной назад, ибо по пониманию сложности проблем, по оригинальности подходов публицистика конца 1980-х гг. существенно уступает работам 1920–1930-х). Кризис советской системы рано или поздно должен был спровоцировать и кризис коллективных идентичностей, опиравшихся на официально заданные модели. И когда с наступлением гласности возобновилось публичное соперничество разных интерпретаций Нас и Других, «западничество» и «почвенничество» оказались в каком-то смысле готовыми формами, в которые можно было облечь эти интерпретации. И дело было не столько в «традиции» — на глубинном, философском уровне она была основательно подорвана, — сколько в том, что в сложившихся обстоятельствах ориентация на опыт Запада, переосмысляемый во многом в той же системе идеологических категорий, была наиболее очевидным направлением поисков альтернативы «реальному социализму», а реакция на предлагаемую альтернативу столь же очевидным образом укладывалась в привычную логику антизападничества. В интеллектуальной среде, иссушенной и обедненной десятилетиями идеологической «нормализации», просто не было ресурсов для выработки каких-то других, более сложных и многогранных, конструкций. Таким образом, постсоветское «западничество» и «почвенничество» следует рассматривать не столько как продолжение вековой традиции, сколько как ее «мутацию» под влиянием советских практик: несмотря на сохранение бинарной оппозиции разных моделей коллективной идентичности, содержание последних претерпело существенные изменения.

Изабель де Кегель, Констанц

Исторический дискурс и общественность эпохи перестройки: дебаты о реформах Столыпина

В настоящей работе предпринята попытка, основываясь на отдельных аспектах исторического дискурса, расширить наши знания о структурных элементах и деятелях советской общественности в годы перестройки. Вначале дается краткий обзор современных научных представлений об общественности СССР, затем поясняется понятие «дискурс», дополненное краткой характеристикой исторического дискурса в поздне- и постсоветский период. В основной, эмпирической, части статьи обстоятельному анализу подвергается дискуссия о реформаторе Столыпине¹. В заключении автор размышляет о том, в каком направлении могли бы быть продолжены научные исследования.

Несколько предварительных замечаний об общественности и дискурсе в Советском Союзе

Несмотря на ожививший в последние годы исследовательский интерес к советской общественности, в научном осмыслении этого феномена сделаны лишь первые шаги². На сегодня

¹ В основной части статьи суммарно изложен разбор дебатов о Столыпине в России эпохи перестройки, более подробно освещенный в моей кандидатской диссертации. См.: De Keghel I. Die Rekonstruktion der vorsowjetischen Geschichte. Identitätsdiskurse im neuen Russland. Hamburg, 2006. С. 352–447. Обсуждение фигуры Столыпина профессиональными историками ранее рассматривалось в работе: David A. J. Macey, Stolypin is risen! The ideology of agrarian reform in contemporary Russia // Don van Atta (Hg.), The «farmer threat». The political economy of agrarian reform in post-Soviet Russia. Boulder; San Francisco; Oxford, 1993. С. 97–120.

² Наиболее содержательным исследованием на названную тему на сегодня, я полагаю, является работа: Gábor T. Rittersporn/Malte Rolf/Jan C. Behrends (Hg.), Sphären von Öffentlichkeit in Gesellschaften sowjetischen Typs. Zwischen parteistaatlicher Selbstinszenierung und kirchlichen Gegenwelten/Public spheres in soviet-

няшний день мы лишь в общих чертах знаем, на какие сферы подразделялась тогда общественность и какие модели и законы в ней господствовали. Еще предстоит детально исследовать, какие участники, темы и средства коммуникации задавали тон, сообщались ли между собой эти участники дискурса и как протекали подобные коммуникативные процессы. Очевидно, что главным действующим лицом в публичной сфере было государство партийного образца. Наиболее отчетливо это проявляется в отношении средств массовой информации: государство во главе с партией монопольно владело всеми ресурсами и средствами производства, необходимыми для изготовления медийной продукции.

Власти контролировали научно-информационные центры (библиотеки, архивы, университеты), а значит, и исследовательскую и образовательную базу потенциальных участников дискурса. В ведении государства находились типографии, издательства и выделяемые последним квоты бумаги, а также все каналы телевидения и радио. Кроме того, государство управляло всесоюзной сетью сбыта, иначе говоря, всей инфраструктурой по распространению новостей. Помимо этого, партийное государство, различными способами управляя средствами массовой информации, позаботилось о том, чтобы и впредь задавать тон в процессах самоидентификации общества. Редакции средств массовой информации, подконтрольные государству, регулярно получали от партии рабочие директивы, к тому же печатные публикации и программы подвергались многоуровневой цензуре¹. И все же едва ли будет правомерно говорить об обществе или общественности, в которые «власть про-

type societies. Between the great show of the party state and religious counter-cultures, Frankfurt/M. u. a. 2003. Ряд значимых для изучения общественной сферы в странах социализма идей наука почерпнула из статьи: Jörg Requate. Öffentlichkeit und Medien als Gegenstand historischer Analyse // Geschichte und Gesellschaft 1 (1999). S. 5–32. До сих пор нет однозначного ответа на вопрос о том, приложимы ли выводы фундаментального труда Юргена Хабермаса, который отталкивался от западноевропейских реалий, к Советскому Союзу и другим социалистическим государствам. См: Jürgen Habermas. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Mit einem Vorwort zur Neuauflage 1990. Frankfurt/M. 1990.

¹ См., в частности: John Murra., The Russian press from Brezhnev to Yeltsin. Behind the paper curtain. Aldershot u. a., 1994. P. 1–4, 39–42, 57–61.

ника во все поры»¹. В первую очередь это относится ко времени заката СССР, особенно к периоду перестройки, которая объявила своей задачей установить режим «гласности» и создать условия для того, чтобы общество в публичной сфере обсуждало вопросы самоидентификации, пусть и в рамках, ограниченных «социалистическим плюрализмом»². Впрочем, еще за долгие годы до начала перестройки наряду с государственными структурами существовал параллельный мир «самиздата» со своими собственными производственными центрами и сетью распространения, который, однако, находясь на нелегальном положении, мог действовать лишь подпольно и обыкновенно вынужден был обходиться скромными техническими средствами, а также весьма ограниченными людскими ресурсами. В результате публикации «самиздата», как правило, не доходили до широкого читателя³.

Процессы коммуникации и согласования представлений, которые совершались в публичной сфере советского государства, на мой взгляд, точно описываются категорией «дискурса», выдвинутой Фуко и сфокусированной на властных отношениях. Решающую роль в понимании дискурса играет анализ разнообразных правил, которым он подчиняется и которые призваны смягчить присущий ему изначально подрывной характер. Эти правила лимитируют число и характер участников дискурса, круг разрешенных для обсуждения и запретных тем. Также они предписывают, на какие информационные ресурсы допустимо ссылаться в ходе дискурса, при помощи каких средств коммуникации ведется дискурс и каким способом он проникает в общественную жизнь. Единых правил для любого рода дискурсов не существует в природе. В частности, есть основания предполагать, что в Советском Союзе к массовому

¹ Подробнее об этом термине, предложенном исследователями Юрген Кока и Альф Лютке для характеристики общества ГДР, см.: Alf Lüdtke. «Helden der Arbeit» — Mühlen beim Arbeiten. Zur mißmutigen Loyalität von Industriearbeitern in der DDR // Hartmut Kaelble/Jürgen Kocka/Hartmut Zwahr (Hg.), Sozialgeschichte der DDR. Stuttgart, 1994. С. 188–213. См. также: Jürgen Kocka. Eine durchherrschte Gesellschaft // Там же. S. 547–553.

² Silvia von Steinsdorff, Rußland auf dem Weg zur Meinungsfreiheit. Die Pluralisierung der russischen Presse zwischen 1985 und 1993. Münster u. a. 1994. S. 9–26. De Kegel, Die Rekonstruktion... S. 50–52.

³ См. в этой связи: Forschungsstelle Osteuropa (Hg.), Samizdat. Alternative Kultur in Zentral- und Osteuropa: Die 60er bis 80er Jahre. Bremen, 2000.

дискурсу, воздействующему на широкую публику, применялись более строгие правила, чем к профессиональному дискурсу, ограниченному узким кругом экспертов¹.

Исторический дискурс в годы перестройки

Ниже я более подробно хотела бы остановиться на историческом дискурсе, которому в годы перестройки придавалось жизненно важное значение. Многие ожидали, что раздумья над историей своей страны подскажут им, как преодолеть серьезные политические, социальные и экономические проблемы современного периода. Также они надеялись определиться с тем, какой путь следует избрать Советскому Союзу или России. Отсюда проистекают заметный эмоциональный накал исторического дискурса и живой интерес, который он вызывал у широких слоев населения².

Свой анализ я сосредоточу на трех аспектах — ключевых, как мне представляется, — для лучшего понимания исторического дискурса, а следовательно, и феномена «общественности» времен перестройки. Во-первых, я хотела бы показать способ организации дискурса: какие участники задавали тон, в каких средствах коммуникации они обнародовали свои взгляды, какими источниками сведений они пользовались. На какие темы делали упор участники и какие они преследовали политические цели? Во-вторых, предполагается рассмотреть, как соотносились между собой массовый и профессиональный дискурс: наблюдалось ли между ними взаимодействие и влияли ли различные дискурсы друг на друга или же они существовали каждый сам по себе. В третьих, мне хотелось бы исследовать функции и влияние исторического дискурса и одновременно показать, что в нем преобладало — специфические чер-

¹ Программная работа о дискурсе: Michel Foucault. Die Ordnung des Diskurses. Inauguralvorlesung am Collège de France, 2. Dezember 1970. Frankfurt/M. 1991. К вопросу о методической разработке теории Фуко см.: Michael Titzmann. Kulturelles Wissen — Diskurs — Denksystem. Zu einigen Grundbegriffen der Literaturgeschichtsschreibung, in: Zeitschrift für französische Sprache und Literatur XCIX/1 1989. С. 47–61; De Kegel. Die Rekonstruktion. С. 21–27.

² De Kegel. Die Rekonstruktion der vorsowjetischen Geschichte. Identitätsdiskurse im neuen Russland. Hamburg, 2006. S. 10, 128f.

ты (поздне) советского общества или же тенденции, напоминающие общественные процессы в странах Запада.

Поскольку понять бурные перемены середины 1980-х гг., не зная советских реалий, было бы невозможно, для начала в нескольких словах опишу исходную ситуацию. До перестройки исторический дискурс строился, как и все прочие дискурсы советской эпохи, согласно жестким правилам. Число участников дискуссии строго ограничивалось кругом лояльных к системе лиц, а границы дозволенного в высказываниях были четко очерчены, тем более что исторический материализм являл собой одну из несущих идеологических опор советского строя¹.

В годы перестройки эти суровые правила смягчились. К дискуссии были допущены лица, до сей поры исключенные из дискурса, к примеру диссиденты и эмигранты; одновременно в ходе сложных процессов согласования интересов и представлений расширилась сфера того, что разрешалось говорить и показывать. Изменился и состав информационных ресурсов, которыми могли воспользоваться участники дискуссии: им стали доступны дореволюционные издания, а также продукция сам- и тамиздата, донныне находившаяся под запретом. Кроме того, более разнообразной стала и арена публичных дискуссий: теперь полемика об истории велась не столько в специализированных журналах, как прежде: она нашла яркое отражение в газетах и научно-популярных журналах, которые охватывали гораздо более широкую аудиторию. Некоторые из этих изданий были основаны в годы реформ, другие существовали еще до эпохи Горбачева².

В рамках исторического дискурса, пожалуй, наиболее отчетливо прослеживаются две магистральные темы. Наибольший резонанс у аудитории, а в дальнейшем и у специалистов, вызвала переоцен-

¹ De Kegel. Die Rekonstruktion der vorsowjetischen Geschichte. Identitätsdiskurse im neuen Russland. Hamburg, 2006. S. 66–72.

² См.: De Kegel. Die Rekonstruktion der vorsowjetischen Geschichte. Identitätsdiskurse im neuen Russland. Hamburg, 2006. S. 73, 129f. Тамиздатом именуют произведения, которые печатались за рубежом и тайком провозились через советскую границу, чтобы обойти запрет на издание в СССР. См.: Benatov J., Demystifying the Logic of Tamizdat: Philip Roth's Anti-Spectacular Literary Politics, in: Poetics Today 1 (2009). P. 107–132.

ка советской истории, начало которой было положено в 1987 г. Ее роль в первую очередь сводилась к тому, чтобы поколебать основы легитимации советского строя. Заметно меньший интерес вызвала переоценка дореволюционного прошлого, начавшаяся приблизительно год спустя. Ей прежде всего надлежало обосновать ссылкой на историческую традицию политические установки и задачи некоммунистической оппозиции и тем самым мобилизовать ее сторонников. После распада Советского Союза в 1991 г., т. е. по завершении перестройки, обращение к дореволюционной истории также использовалось для создания новой государственной мифологии Российской Федерации¹.

Одним из главных итогов пересмотра прошлого был вывод о том, что не революция, как утверждала советская историография, а реформы, т. е. бескровные, эволюционные преобразования, являют собой оптимальный путь исторического развития. Это предполагало радикальную переоценку ценностей: теперь цель — добиться общественных преобразований — более не оправдывала любые средства, вплоть до насилия и террора. Теперь в центре внимания оказались мирные стратегии решения проблем и урегулирования конфликтов.

Ключевую роль в дискурсе оппозиционных сил играли кодовые слова «ложь» и «правда», или «истина», ибо теперь официальную историографию, припечатанную клеймом лживости, должен был сменить «правдивый», или «истинный», рассказ об «отечественной истории». Участники дискурса указывали на поругание и извращение коллективной памяти в советский период. Ныне ее надлежало восстановить, чтобы общество, ощутив кровную связь с исторической традицией, пережило «духовно-нравственное» возрождение. Граждане России и Советского Союза не должны были долее оставаться «Иванами, не помнящими родства»². Как убедительно показали научные исследования, начало переоценке ценностей положили

¹ De Kegel. Die Rekonstruktion der vorsowjetischen Geschichte. Identitätsdiskurse im neuen Russland. Hamburg, 2006. S. 347.

² Один из показательных примеров цитирования этой фразы — статья Г. Рябова «Возвращение в Петроград» (Родина. № 12. С. 30–36); выше цит.: с. 30. В оригинале предложение звучит так: «Мы не Иваны, не помнящие родства». См. также: de Kegel. Die Rekonstruktion der vorsowjetischen Geschichte. Identitätsdiskurse im neuen Russland. Hamburg, 2006. S. 134–140.

не профессиональные историки, ибо над ними все еще довлел гнет советской научной системы. Кроме того, иные из них по идейным соображениям продолжали отстаивать насаждавшиеся ранее представления об истории. В любом случае общество не особо к ним прислушивалось. Ведь тот факт, что историки сыграли решающую роль в легитимации советского строя, с точки зрения недовольных режимом граждан, фактически лишал их доверия. Поэтому ключевой импульс к переоценке истории исходил от историков-любителей, ряд которых задолго до перестройки придерживался неофициозных взглядов и которые в силу их критического отношения к классической советской историографии пользовались большим символическим капиталом. В первых рядах выступили журналисты, писатели и кинорежиссеры, но также и отдельные политики¹.

Дебаты о Столыпине как показательный пример

Итак, после приведенных выше вступительных замечаний об историческом дискурсе я хотела бы в качестве примера рассмотреть дебаты² о роли Петра Аркадьевича Столыпина, которые велись в советских средствах массовой информации с 1988 по 1993 г. и, соответственно, не могли не получить широкого отклика в обществе. Публикации самиздата, а также устную полемику, которая предшествовала дискуссии о Столыпине, я вынуждена обойти вниманием, поскольку их трудно привлечь из-за дефицита источников³.

¹ См. например: Geyer D. Perestrojka in der sowjetischen Geschichtswissenschaft // Ders. (Hg.), Die Umwertung der sowjetischen Geschichte. Göttingen, 1991. S. 9–31; выше цит.: с. 11. См. также: De Keghel. Die Rekonstruktion der vorsowjetischen Geschichte. Identitätsdiskurse im neuen Russland. Hamburg. 2006. S. 25f., 584.

² Понятия «дискурс» и «дебаты», которые часто используют в качестве синонимов, в данной работе последовательно разграничиваются. Исторический дискурс — это абстрактное широкое понятие, включающее в себя процесс осмысления обществом истории России и Советского Союза во всей его полноте. Уровнем ниже располагаются различные дебаты, затрагивающие отдельные грани исторической традиции, в том числе дебаты о Столыпине. К вопросу о терминологии см.: Langenohl A. Erinnerung und Modernisierung. Die öffentliche Rekonstruktion politischer Kollektivität am Beispiel des Neuen Russland. Göttingen, 2000. S. 146.

³ Некоторые издания самиздата, в частности стихи поэта и певца Владимира Высоцкого, получили широкое хождение в народе, однако к публикациям о Столыпине это не относится.

Обсуждение Столыпина я выбрала в качестве примера постольку, поскольку глава российского правительства в период с 1907 по 1910 г., равно как и связанные с его именем последние крупные реформы в царской России, сделались в годы преобразований предметом бурной дискуссии. В контексте переосмысления истории дореволюционной России, предпринятого в эпоху перестройки, эта дискуссия стала, с моей точки зрения, наиболее успешной из попыток дать положительную оценку тем аспектам царского режима, которые в советский период оценивались сугубо негативно, и использовать эту переоценку для того, чтобы придать законность смене режима, а в дальнейшем — как опору для формирования традиций Российской Федерации.

Для начала — несколько слов о том, каким представляли себе Столыпина советские граждане. Имя Столыпина было у них на слуху, поскольку о нем рассказывалось в едином советском учебнике истории для девярых классов, составленном Берхиным и Федосовым¹. Впрочем, в учебнике он был выведен «яростным мстителем» и контрреволюционером. На совести его, по советской версии, было три серьезных прегрешения: во-первых, он дал ход аграрной реформе, которая, как считали советские историки, с одной стороны, заложила основу для успешного капиталистического развития сельского хозяйства и тем самым — в долгосрочной перспективе — обусловила движение к социализму, но, с другой стороны, она в первую очередь была на руку кулакам и усугубила расслоение крестьянства. Во-вторых, ради проведения своих реформ премьер-министр в ходе «государственного переворота»² пошел на роспуск непослушной, с его точки зрения, думы и на принятие нового закона о выборах, который должен был усмирить парламент. Расчет Столыпина оправдался, и в новом составе парламент постфактум ратифицировал реформы, которые поначалу были введены в действие декретом. Однако клеймо непримиримого врага утвердилось

¹ О том, как изображали Столыпина в советское время, свидетельствует, например, соответствующий раздел единого для всех школ учебника истории: Берхин И. В., Федосов И. А. История СССР. Учебник для 9 класса/Под. ред. М. П. Кима. 7-е перераб. изд. М., 1982. С. 78–84. Насколько соответствовали реальности изложенные в нем представления, в настоящей работе я вынуждена оставить за скобками.

² Такова была принятая в советской историографии формулировка. См.: Берхин И. В., Федосов И. А. История СССР. Учебник для 9 класса/Под. ред. М. П. Кима. 7-е перераб. изд. М., 1982. С. 78.

за Столыпиным в советских учебниках по другой причине: он жестоко подавлял революционное движение. С этой целью Столыпин учредил полевые суды, которые вынесли тысячи смертных приговоров. В учебнике истории особо отмечается, что виселицу в те годы в народе прозвали «столыпинским галстуком»¹.

Итак, советские граждане были наслышаны о Столыпине. Им он подавался как квинтэссенция репрессивной, недемократической сущности царского режима и характерной для него социальной несправедливости². Однако нельзя сказать, что в советскую эпоху фигура Столыпина находилась в центре всеобщего внимания.

Положение это изменилось лишь в годы перестройки вместе со сменой референтных рамок коллективной памяти. В первых рядах т. н. «демократы», т. е. приверженцы рыночной экономики и парламентской демократии, подвергали все более резкой критике основы советского строя и клеймили его как ошибочный путь, как тупик исторического развития. Теперь они искали варианты реформирования, альтернативные политические и экономические модели для переустройства СССР — поначалу в иносказательной форме, ибо правила дискурса не допускали отрицания системы, затем — уже вполне открыто.

При таких обстоятельствах в 1988 г. «демократы» открыли для себя Столыпина. Первым его упомянул экономист Селюнин в своей статье «Истоки», опубликованной в либеральном журнале «Новый мир»³. Его мысли подхватил среди прочих публицист Петров⁴. Селюнин и другие «демократы» воспользовались обсуждением Столыпина в качестве предлога для дискуссии по злободнев-

¹ Там же.

² Термин «нарративная аббревиатура» ввел в научный обиход Йорн Рюзен. Им обозначаются «истории, отпечатавшиеся в языке» или «предельно короткие истории», которые не рассказывают в качестве историй, но вызывают в памяти и используются в процессе коммуникации в виде уже известных историй. См.: Große-Kracht K. Gedächtnis und Geschichte: Maurice Halbwachs — Pierre Nora // *Geschichte in Wissenschaft und Unterricht* 1 (1996). S. 21–31; цит. с. 28.

³ Селюнин В. Истоки // *Новый мир*. 1988. № 5. С. 162–189. См. в этой связи также: De Keghel. *Die Rekonstruktion der vorsowjetischen Geschichte. Identitätsdiskurse im neuen Russland*. Hamburg, 2006. S. 363f., 377–380.

⁴ Петров Р. Петр Столыпин: одиночество реформатора // *Россия*. 1990. 22 ноября.

ным вопросам структуры сельского хозяйства и аграрной политики, прежде всего как довод в полемике против колхозов и совхозов. «Демократы» подчеркивали, что реформы Столыпина сделали крестьянский труд эффективным и создали условия для формирования на селе среднего класса, который представлялся им значимой предпосылкой для демократизации России. Подобную оценку столыпинской политики «демократы» аргументировали тем, что он намеревался расформировать крестьянскую общину и заменить ее хуторскими хозяйствами. По мнению «демократов», тем самым он поддерживал крепких и работающих крестьян, давал им возможность развиваться. При этом демократы проводили параллель между общиной царских времен и колхозами и совхозами советской эпохи. Ратуя за хуторскую систему и подвергая критике совхозно-колхозный строй, либералы, по сути дела, ставили под вопрос правомочность советской экономической модели, которая оказалась неэффективной, поскольку она подрезает крылья способным работникам. Пока земля фактически никому не принадлежит, никто не считает себя ответственным за нее, поэтому у крестьян отсутствуют стимулы улучшать свою работу и в целом мотивация к труду. Вдобавок дискуссия о Столыпине сыграла свою роль в борьбе за приватизацию сельского хозяйства, о которой в то время велись ожесточенные споры. Иными словами, под эгидой переосмысления прошлого «демократы» инициировали дискуссию о насущных политических вопросах. Спорные деяния Столыпина, которые не вписывались в их систему ценностей, например его обхождение с Думой, «демократы» предпочитали не замечать. Вероятно, в этом проявилась некоторая незрелость их представлений о правовом государстве¹.

Упомянутые выше выступления в печати заложили основу для переоценки роли Столыпина. Впрочем, заметный всплеск общественного интереса к этой фигуре произошел лишь после того, как положительная оценка деятельности председателя правительства несколько раз прозвучала с трибуны Съезда народных депутатов и реформатор сделался объектом политического дискурса. Первым его имя в 1989 г. упомянул писатель Валентин Распутин, принадлежавший к национально-патриотическому лагерю, он при-

¹ De Kegel. Die Rekonstruktion der vorsowjetischen Geschichte. Identitätsdiskurse im neuen Russland. Hamburg, 2006. S. 380–382.

вел фразу Столыпина, адресованную социал-демократам в Думе: «Вам, господа, нужны великие потрясения — нам нужна великая Россия»¹. Эти слова прозвучали из уст Распутина как упрек радикально настроенным «демократам», которые, на его взгляд, бездумно одобряли поспешные и чересчур радикальные реформы. Год спустя, в 1990 г., выступая на заседании Съезда народных депутатов РСФСР, тогдашний премьер Силаев полемически сопоставил внушительные объемы экспорта зерна в дореволюционной России с хроническим дефицитом продовольствия в СССР. Ссылаясь на статью известного публициста Сабова в «Литературной газете», он утверждал, что с 1909 по 1913 г. совокупный урожай зерна в России был выше, чем у Аргентины, Канады и США, вместе взятых. По мысли Силаева, объемы сбора зерновых в СССР упали до критического уровня оттого, что были преданы забвению реформы Столыпина. В отличие от Распутина, Силаев упомянул имя дореволюционного политика для того, чтобы обосновать необходимость кардинальных реформ².

Публичные ссылки делегатов съезда на Столыпина не прошли незамеченными: вокруг фигуры Столыпина в печати возник настоящий ажиотаж. Волна общественного интереса поднялась в 1989 г., достигла своего апогея в 1991 г., когда отмечалась восьмидесятая годовщина гибели Столыпина, и лишь в 1993 г. пошла на спад. Всплеск интереса к столыпинским реформам в годы перестройки, на мой взгляд, объясняется двумя основными причинами: во-первых, культ Столыпина стал реакцией на попытку охранительных сил в советском руководстве выявить в рамках советской истории новые ориентиры и опорные точки для самоидентификации, в первую очередь предлагалось вернуться к ленинскому «кооперативному плану» и «новой экономической политике». Последнюю партийные деятели в 1987–1988 гг. презентовали обществу в качестве основанной на принципах добровольности и ненасилия альтернативы брутальной модернизации сталинского образца. Во-

¹ Опубликовано в: Слово писателя. Выступления писателей на съезде народных депутатов. М., 1989. С. 116–126; цит.: С. 122, а также в «Литературной газете» 14 июня 1989 г. (с. 3) и в «Известиях» 8 июня 1989 г. (с. 6).

² Выступление Силаева было опубликовано в «Российской газете» от 29 ноября 1990 г. См. также: De Keghel. Die Rekonstruktion der vorsowjetischen Geschichte. Identitätsdiskurse im neuen Russland. Hamburg, 2006. S. 365.

вторых, весь опыт и ожидания эпохи перестройки подсказывали обращение к столыпинским реформам. Секрет их неотразимой притягательности заключался в том, что реформы эти вселяли надежду на решение одной из острейших проблем перестроечной и постсоветской России — аграрного вопроса. Между аграрными реформами начала и конца двадцатого века можно было обнаружить немало соответствий. По большому счету, в обоих случаях предполагалось повысить безнадежно низкую эффективность труда в сельском хозяйстве за счет поддержки частной собственности и крестьян-единоличников. Этот факт ярко свидетельствует о том, что в ходе дискуссии о прошлом намечались принципы будущего развития, реализовать которые было бы возможно лишь при ликвидации советского строя или, по крайней мере, при его коренном реформировании. Как видим, горизонт ожиданий с ходом времени менялся под воздействием исторического дискурса. В-третьих, возникновению шумихи вокруг имени Столыпина, несомненно, способствовал тот факт, что образ Столыпина, нарисованный депутатами, внушал народу доверие и надежду на светлое, волшебное будущее, которая прекрасно уживалась с верой в чудеса, широко распространенной в эпоху перестройки. Оздоровление экономики и восстановление статуса великой державы по примеру Столыпинских реформ казалось возможным и в России эпохи перестройки. Реформы Столыпина виделись обществу воистину лучом света в годы, отмеченные глубоким экономическим кризисом, когда Россия резко утратила свои позиции на международной арене; многие граждане считали такое положение унижительным¹.

Как же на деле случилось, что публицистический дискурс, посвященный Столыпину, оживился вслед за политическими дебатами и отчего вокруг имени Столыпина возник настоящий ажиотаж? Поначалу, непосредственно вслед за выступлениями на Съезде народных депутатов, в различные газеты и журналы посыпались письма читателей с просьбой рассказать более подробно о Столыпине. Иными словами, здесь сыграл свою роль значимый для истории России и Советского Союза механизм артикуляции общественных запросов. Читатели перенесли свои вопросы, возникшие в частной сфере, в сферу публичную. В качестве отклика на подобные во-

¹ De Kegel. Die Rekonstruktion der vorsowjetischen Geschichte. Identitätsdiskurse im neuen Russland. Hamburg, 2006. S. 365–368.

просы были опубликованы неизвестные доселе в СССР материалы, которые представляли Столыпина с положительной стороны¹. Так, «Литературная газета» в 1989 г., спустя месяц после выступления Распутина, опубликовала интервью с проживавшим во Франции сыном Столыпина ярко апологетического характера². В нем содержалось немало сведений, ставших впоследствии обязательными компонентами любой статьи о Столыпине. Помимо этого, в различных газетах национал-патриотического толка были опубликованы проникнутые глубоким уважением, весьма комплиментарные воспоминания современников о премьер-министре³. Наряду с этим, ряд издательств в 1990–1991 гг. выпустил сборники документальных материалов, содержавшие речи Столыпина, в которых тот одновременно предстал и убежденным реформатором, и пламенным борцом за возвышение российской державы и против революции. Многие из них ссылались на знаменитую фразу Столыпина: «Нам нужна великая Россия»⁴.

На какие материалы опирались сначала народные депутаты, а затем и другие участники дискуссии о Столыпине в своих статьях и выступлениях? Помимо названных выше воспоминаний современников и изданий речей Столыпина, следует упомянуть еще два источника: во-первых, монументальный роман Александра Солженицына «Красное колесо», основанный на скрупулезном изучении документальных материалов, который еще в советские годы ходил по стране в самиздате, а теперь стал доступен массовому

¹ Обзор этих публикаций содержится в: de Keghel. Die Rekonstruktion der vorsovjjetischen Geschichte. Identitätsdiskurse im neuen Russland. Hamburg, 2006. S. 368–375.

² Столыпин А. П. Сын об отце // Литературная газета. 1989. 12 июля. С. 15.

³ Князь Д. Багратион. Пророк в своем отечестве // Литературная Россия. 1991. 20 сент. С. 14.; Розанов В. Историческая роль Столыпина // Литературная Россия. 1991. 30 авг. С. 21 и далее, а также: Наш современник. 1990. № 3. С. 153–155; Иванов В.. Столыпин // Молодая гвардия. 1991. № 3. С. 44–50.

⁴ Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия. Из выступления на заседаниях Государственной Думы // Наш современник. 1990. № 3. С. 142–167; Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия... Речи в Государственном Совете. 1907–1908 гг. Воронеж, 1991; Шацилло К. Ф., Фельштинский Ю. Г. (изд.). П. А. Столыпин. Нам нужна великая Россия... Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете. 1906–1911 гг. М., 1991.

читателю¹; роман этот представлял собой крайне привлекательный для советского/российского читателя сплав художественной литературы и научного исследования, нечто среднее между беллетристикой и документалистикой. В романе Солженицын посвятил возвеличиванию Столыпина отдельную главу, которая особенно сильно повлияла на формирование национально-патриотических воззрений на этого политического деятеля². Во-вторых, популярным стало ссылаться на доклад экономиста Эдмона Тери³. Последний в 1913 г. по поручению французского министра сельского хозяйства совершил поездку по России и без лишних расспросов принял на веру существенно завышенные данные российского правительства об экономической мощи страны. На их основании он пришел к выводу, что в период с 1909 по 1913 гг. Россия собрала на 28% больше зерна, чем Аргентина, Канада и США, вместе взятые. Доклад Тери венчался прогнозом, согласно которому российская держава — при сохранении нынешних темпов развития — к середине XX века станет в политическом и экономическом отношении безусловным лидером Европейского континента. Оба эти высказывания часто и охотно цитировали участники публичных дебатов о прошлом. Силаев заложил традицию, за которую ухватились многочисленные представители национально-патриотического лагеря⁴.

¹ Первая публикация в Советском Союзе: Александр Солженицын. Красное колесо // Новый мир. 1990–1993. Немецкий перевод: Alexander Solschenizyn. Das Rote Rad. Eine Erzählung in bestimmten Zeitausschnitten. Erster Knoten. August Vierzehn (23. August — 3. September). Aus dem Russischen von Swetlana Geier. München; Zürich, 1983. О замысле и об издательской судьбе романа см.: Andrew Baruch Wachtel. An obsession with history. Russian writers confront the past. Stanford, 1994. S. 198–218. Посвященная Столыпину глава «Красного колеса» основывается, помимо письменных источников, на интервью с сыном Столыпина Аркадием. См.: Столыпин. Сын об отце. С. 15.

² См.: de Keghel. Die Rekonstruktion der vorsowjetischen Geschichte. Identitätsdiskurse im neuen Russland. Hamburg, 2006. S. 383, 390, 392–399.

³ Théry Ed. La transformation économique de la Russie. Paris, 1914. Первый русский перевод доклада был издан в эмиграции: Россия 1914 г. Экономический обзор. Париж, 1986. Как правило, Тери в рамках исторического дискурса цитировали по статье: Бразоль Б. Л. Царствование императора Николая II. 1894–1917. В цифрах и фактах // Литературная Россия. 1990. 7 сент. С. 18f.

⁴ Показательным примером восприятия доклада Тери национально-патриотическими силами служит статья: Игорь Дьяков. Забытый исполин // Наш современник. 1990. № 3. С. 131–142; цит.: с. 134. См. также: de Keghel. Die Rekonstruktion der vorsowjetischen Geschichte. Identitätsdiskurse im neuen Russland. Hamburg, 2006. S. 368–372.

Как видим, в обсуждение насущных общественно-политических вопросов оказался вовлечен самый разнообразный исторический материал. При этом одновременно смешались фрагменты разных исторических периодов, поскольку источники, привлеченные в ходе дискуссии о Столыпине, частью датировались дореволюционным временем, частью являлись продуктом прошедших десятилетий советской эпохи. Они были втянуты в современную дискуссию, в которой, помимо материалов советского происхождения, свою роль играли и высказывания деятелей, проживающих на Западе. Важно отметить, что все перечисленные источники информации имели в глазах граждан более безупречную репутацию, чем советские источники, поскольку они попали в СССР, а затем в Россию с Запада или же относились к дореволюционному периоду, а значит, казались особенно достоверными, ведь на них не распространялось влияние того, что в антикоммунистических кругах в годы перестройки именовали «советской исторической стряпней»¹. Напротив, данным из советских источников «демократы» заведомо не доверяли, полагая, что они сфальсифицированы в интересах правящей партии. Впервые опубликованные материалы освящали теперь кодовые слова «правда», или «истина», и «восстановление попорнанной памяти», в то время как на советские тексты легло клеймо «лживости».

Вслед за высказываниями политиков еще сильнее оживилось обсуждение деятельности Столыпина в публицистике. В ходе дебатов о последнем масштабном проекте реформ в царской России деятели различной политической окраски — в первую очередь «демократы», национал-патриоты и коммунисты — соперничали между собой за право задавать тон в интерпретации событий предреволюционной эпохи.

На короткое время «демократам» удалось «монополизировать» столыпинский вопрос. Их публикации на эту тему находились в русле инициированной Ельциным в 1990 г. кампании по реализации «демократических» преобразований в сельском хозяйстве. Ее целью было укрепление частной собственности на землю, что в свою

¹ В таком ключе высказывался, в частности, историк Юрий Афанасьев. См.: de Keghel. Die Rekonstruktion der vorsowjetischen Geschichte. Identitätsdiskurse im neuen Russland. Hamburg, 2006. S. 135.

очередь позволило бы повысить производительность труда и чувство ответственности в этой отрасли, а также расширило бы социальную базу поддержки «демократических» реформ в России¹.

Однако начиная с 1990 г. образ Столыпина взяли на вооружение национал-патриоты, оттеснив «демократов» на второй план; их позиция нашла наиболее яркое выражение в статьях Дьякова и Шипунова, публиковавшихся в журнале «Наш современник» и газете «Литературная Россия»². Как и «демократы», они отмечали, что частная собственность служит фундаментом государственной стабильности и стимулирует повышение производительности труда. Кроме того, они разделяли представление «демократов» о том, что общественная собственность сковывает инициативу и подрывает трудовую дисциплину. Однако наряду с этим они акцентировали в образе реформатора совершенно иные грани, к которым «демократы» не проявили интереса. Публицистам национально-патриотического толка важно было подчеркнуть, что посредством оздоровления экономики Столыпин намеревался вернуть России статус великой державы, этот тезис они облекали в яркую образную форму: Столыпин поднял Россию с колен, и она высилась подобно скале в бушующем море. В этом лагере с гордостью повторяли восторженные оценки российской экономики, которые оставил Тери. В отличие от «демократов», они не выделяли в деятельности Столыпина отдельные аспекты, но возвеличивали его целиком. Столыпин, представленный как заботящийся о стране, осмотрительный политик, как верноподданный царя, как любящий супруг и отец семейства, стал для них всесторонним идеалом поведения как в частной, так и в общественной жизни. Такой портрет Столыпина лег в основу созданного национал-патриотами образа идеального государя, образцового политика. Они не уставляли подчеркивать его профессионализм и моральную чистоту, составлявшие разительный контраст с коррумпированным окружением царя, его бесстрашие при общении с народом и в борьбе с революционерами-радикалами. Кстати говоря, они отмечали,

¹ De Keghel. Die Rekonstruktion der vorsowjetischen Geschichte. Identitätsdiskurse im neuen Russland. Hamburg, 2006. S. 376f.

² Игорь Дьяков. Забытый исполин. Фатей Шипунов. Великая замятня // Наш современник. 1989. № 9. С. 3–28; 1989. № 10. С. 118–130; 1989. № 11. С. 132–139; 1989. № 12. С. 147–156; 1990. № 3. С. 120–130.

что жесткими мерами по подавлению революции Столыпин спас немало человеческих жизней. В целом по их работам складывалось впечатление, что Россия могла избежать «красного октября», если бы Столыпина не застрелил молодой революционер. Как видим, переосмысляя историю, национал-патриоты проявили личностный подход, характерный для научно-популярной литературы, и объявили убийство Столыпина катастрофой общероссийского масштаба. Тот факт, что у убийцы Столыпина обнаружили еврейские корни, позволил национал-патриотам связать гибель премьер-министра со своей теорией еврейско-масонского заговора, который, по их мнению, и породил революцию¹.

В концентрированной, запоминающейся и доступной форме до массовой публики образ Столыпина, сформировавшийся в публицистике, средствами кино донес режиссер Станислав Говорухин в своем фильме «Россия, которую мы потеряли», вышедшем на экраны в 1992 г. В ленте Говорухина наличествовали все основные элементы мифа о Столыпине, которые ранее оформились в публицистике; в целом фильм идеализировал последние десятилетия царской власти. Говорухин точно уловил и усилил господствовавшие в обществе в начале 1990-х настроения. В картине режиссер призывал обратиться к дореволюционной традиции, от которой необоснованно отмежевалась советская власть. До тех пор, пока народ не признает свою связь с наследием царской России, чьи высокие моральные качества неоднократно подчеркиваются в фильме, он будет лишен своих корней и неспособен возродиться. По большому счету, фильм строится на контрасте между процветающей, свободной царской Россией и Советским Союзом с его расшатанной моралью и экономикой и с тиранией властей. По собственному признанию режиссера, в картине крупным планом представлено то, о чем советские историки умалчивали, или же то, чему в советское время, по мнению Говорухина, давалась неверная оценка. Центральное место в дореволюционной идиллии, воспетой Говорухиным, занимает процветающая экономика тех лет, которую Говорухин считал плодом столыпинских реформ. Влияние доклада Тери

¹ О национально-патриотических представлениях Столыпина см.: de Keghel. Die Rekonstruktion der vorsowjetischen Geschichte. Identitätsdiskurse im neuen Russland. Hamburg, 2006. S. 382–402.

и романа «Красное колесо» на режиссера заметно невооруженным глазом¹.

В рамках публицистического и кинематографического дискурса Столыпин сделался «нарративной аббревиатурой» золотого века царской России и эффективных в основе реформ, противопоставленных революционному пути. Часто приходилось слышать: если бы Столыпин сумел довести до конца свои реформы, то и революции удалось бы избежать, и подъем продолжился бы. Иными словами, унаследованная от советских времен «нарративная аббревиатура» Столыпин подверглась радикальной переоценке, заслужив в итоге одобрение. Ненавистный реакционер превратился в столп отечества. Столыпин в этом смысле принял на себя миссию, которой не мог исполнить последний российский царь в силу его слишком очевидных слабостей и политических ошибок. Поэтому его представили скорее жертвой, но не идеальным правителем².

То, что до сих пор речь шла исключительно о публицистике и кинематографе, но не о профессиональном дискурсе, объясняется тем фактом, что голос историков долгое время не был слышен в дискуссии о Столыпине. Лишь после того, как ажиотаж вокруг Столыпина несколько поутих, отдельные историки выступили с замечаниями, призванными скорректировать или пересмотреть образ реформатора, сложившийся в печати. Некоторые из них, например Анфимов или Дякин, в среде историков считались серыми кардиналами; другие, в частности Зырянов, принадлежали к более молодому поколению исследователей³. В своих работах историки полагались на свой профессионализм, на свой культурный капитал, который они, образно говоря, положили на чашу весов, противопоставив его моральному капиталу историков-любителей. Соответственно, они в первую очередь разоблачили непрофессионализм

¹ Подробнее об изображении Столыпина Говорухиным и о преемственности с «Красным колесом» см.: de Keghel. Die Rekonstruktion der vorsowjetischen Geschichte. Identitätsdiskurse im neuen Russland. Hamburg, 2006. S. 403–406.

² См.: de Keghel. Die Rekonstruktion der vorsowjetischen Geschichte. Identitätsdiskurse im neuen Russland. Hamburg, 2006. S. 587f., 592.

³ Анфимов А. М. Тень Столыпина над Россией // История СССР. 1991. № 4. С. 112–121; Дякин В. С. Был ли шанс у Столыпина? // Звезда. 1990. № 12. С. 113–124; Зырянов П. Спаситель русской деревни? Столыпин и судьба крестьянства. Диалог. 1990. № 12. С. 69–78.

своих оппонентов, последовательно опровергая компоненты мифа о Столыпине, сформировавшегося в периодике. Для начала они опровергли тезис об успешности аграрной реформы. Они обратили внимание на то, что реформа не выполнила задач, провозглашенных ее инициаторами, что она была плохо подготовлена и что при проведении реформ к крестьянам применяли принуждение и насилие, так что о принципе добровольности, который якобы лежал в основе реформы, говорить не приходится. Кроме того, они поставили под вопрос неразрывную связь Столыпина с аграрными реформами, которая прочно утвердилась в публицистике. Историки заметили, что проект реформ разработал предшественник Столыпина — Витте и что реализация реформ продолжилась и после гибели Столыпина. Не гибель премьер-министра остановила реформы: они сами зашли в тупик по причине внутренних противоречий и несообразностей. Что касается сказочных темпов роста дореволюционной экономики, то они, по мнению историков, являются характерными для многих отсталых стран на этапе «догоняющей модернизации».

В значительной степени участники профессионального дискурса в основном придерживались того представления о Столыпине, которое на протяжении десятилетий господствовало в советской историографии и на которое в печати продолжали ссылаться коммунисты в ходе дискуссии о Столыпине¹. Статьи историков печатались как в научных изданиях, ориентированных по преимуществу на экспертов, в частности в журналах «История СССР» и «Вопросы истории», так и в научно-популярных журналах (например, «Знание — сила»), адресованных более широкой аудитории, всем, кто интересуется историей. Тем самым ученые рискнули ступить на территорию массового дискурса, где тон задавали публицисты и кинорежиссеры².

Далеко не все участники дебатов о Столыпине вступили в диалог с теми, кто придерживался иной точки зрения, чем они сами. Если «демократы» и национал-патриоты не стремились опровер-

¹ См. например: Голуб П. Назад к Столыпину? // Сельская жизнь. 1993. 24 июня. С. 2. О том, каким представляли Столыпина коммунисты, см.: de Keghel. Die Rekonstruktion der vorsowjetischen Geschichte. Identitätsdiskurse im neuen Russland. Hamburg, 2006. S. 420–422.

² Подробнее о профессиональном дискурсе историков, посвященном Столыпину, см.: de Keghel. Die Rekonstruktion der vorsowjetischen Geschichte. Identitätsdiskurse im neuen Russland. Hamburg, 2006. S. 406–420.

гнуть друг друга, то в работах историков четко прослеживались выпады против популярных теорий. Публицисты и режиссеры, в свою очередь, полемизировали с точкой зрения историков. В целом различные дискурсы существовали параллельно, не пересекаясь, так что в них отразились разные сегменты общественности, не связанные друг с другом и ориентированные на свою собственную публику. Возможно, эта разобщенность объясняется тем, что в советскую эпоху не была выработана культура дискуссии, предполагавшая свободный обмен мнениями и уважение к иному взгляду.

Какую цель преследовал исторический дискурс и, в частности, дискуссия о Столыпине в годы перестройки? Я полагаю, здесь следует различать несколько различных аспектов: во-первых, за обсуждением роли Столыпина фактически скрывался спор об изъянах советской экономической модели в сфере сельского хозяйства. Прежде всего это было характерно для ранней стадии перестройки, когда пределы допустимого в высказываниях еще оставались весьма тесными. Кроме того, дискуссия была направлена на делегитимацию советских форм коллективного хозяйствования, а также советской историографии, которую клеймили за лживость. Напротив, в переоценке личности дореволюционного политика обществу виделось восстановление исторической справедливости, а также памяти о минувшем, утраченной или же подавленной в советский период.

С другой стороны, ссылка на столыпинские реформы пригодилась для того, чтобы обозначить ориентиры и вселить уверенность в годы перемен, когда у людей почва уходила из-под ног. Прежде всего они призваны были придать законное основание курсу реформ (в данном случае — намеченной ликвидации колхозов и совхозов и образованию единоличных хозяйств), а в дальнейшем и смене политического строя, а также мобилизовать сторонников: ведь разработанный «демократами» проект реформирования сельского хозяйства натолкнулся на мощное сопротивление и самих крестьян, и функционеров аграрно-промышленного комплекса. Помимо экономических интересов здесь сказалось влияние советской системы ценностей, в которой частная собственность, рыночная экономика и индивидуализм расценивались крайне негативно. Не случайно первопроходцев кооперативного и фермерского движения сограждане часто считали спекулянтами и барыгами. Мно-

гие из них испытали на себе неприязнь и враждебность со стороны своих земляков, доходило и до поджогов¹.

Наконец, на возвеличивании Столыпина основывалась утопия, обращенная в прошлое, где общество искало опору и тихую гавань. Поиски эти отражали более общую тенденцию — ярко выраженную идеализацию царской России, характерную для периода перестройки. Дореволюционная Россия в публичной сфере тогда была представлена не только в речах и статьях, но и в зримых образах — в фотографиях царской семьи и Столыпина, а также в реставрации и в восстановлении столичных памятников архитектуры дореволюционного времени, которое, по мысли столичных властей, знаменовало собой частичный возврат к «добрым старым временам». Самым ярким примером в этом ряду стало восстановление храма Христа Спасителя в Москве².

Одним словом, в социально-политических задачах, которые преследовал исторический дискурс, проявились отдельные специфические черты советской общественности (это прежде всего касается закамуфлированных споров на политические темы), однако, по большому счету, обсуждение исторической проблематики выполняло главным образом функции, характерные для исторического дискурса и в странах Запада, — придать законность политическому курсу, мобилизовать сторонников и дать людям точку отсчета.

¹ De Keghel. Die Rekonstruktion der vorsowjetischen Geschichte. Identitätsdiskurse im neuen Russland. Hamburg, 2006. S. 376.

² Ibid. S. 367f, 592f. К вопросу о восстановлении храма Христа Спасителя см. также: de Keghel I. Der Wiederaufbau der Moskauer Erlöserkathedrale. Überlegungen zur Konstruktion und Repräsentation nationaler Identität in Rußland // Beate Binder/Wolfgang Kaschuba/Peter Niedermüller (Hg.), Inszenierung des Nationalen: Geschichte, Kultur und die Politik der Identitäten am Ende des 20. Jahrhunderts, Köln/Weimar/Wien, 2001. S. 211–232. Wittwer B. Moskau: Offizielle Selbstdarstellung in der neuen Monumentaldekoration // Isabelle Guntermann/Ursula Justus/Sylvia Wawrzinek (Hg.), Kultur im Umbruch. Transformationsprozesse und Systemwandel in Rußland und der Sowjetunion im 20. Jahrhundert. Bochum, 1999. S. 159–182.

Заключение

Безусловно, было бы интересно развить тему, заданную этим кратким обзорным очерком о переоценке Столыпинских реформ, по целому ряду направлений.

В частности, можно было бы более пристально исследовать вопрос о том, как дискуссия о Столыпине в средствах массовой информации, освещенная в настоящей работе, зарождалась в изданиях неформалов, а также в устных спорах эпохи перемен¹. В постперестроечный период можно было бы обратить внимание на то, под каким углом апеллировал к личности дореволюционного реформатора политический дискурс ельцинской и путинской эпохи. Кроме того, следовало бы пристальнее изучить процессы коммуникации между отдельными участниками исторического дискурса, а также взаимосвязи отдельных дискурсов — научный и массовый дискурс, зрительный и вербальный дискурс. Полезным представляется также сосредоточить внимание на различных способах, которыми увековечивают память Столыпина, в частности на визуальных изображениях, созданных в годы перестройки и в постсоветский период. В этом ряду прежде всего следует упомянуть фотографии политика, опубликованные в годы реформ, а также многочисленные телепередачи, посвященные реформатору². Кроме того, можно было бы остановиться на памятниках Столыпину и связанных с его именем регалиях, учрежденных в новой России, в частности на памятнике дореволюционному политику, установленном в Саратове в 2002 г.³, а также на Столыпинской ме-

¹ За информацию о предыстории дебатов о Столыпине я глубоко признательна участникам московской конференции «Советская общественность в эпоху перестройки». Неформалами в середине 1980-х гг. называли все группы, движения и объединения советских граждан, неподконтрольные государству. См.: von Steinsdorff, Russland. S. 147f.

² В годы преобразований был выпущен ряд фильмов о Столыпине, в частности «Столыпин — жизнь и смерть» (2002) режиссера Вячеслава Хотулева, см.: <http://www.tvkultura.ru/news.html?id=145194>. В 2006 г. на телеканале НТВ транслировался 14-серийный документальный фильм режиссера Олега Кузина «Столыпин — невыученные уроки» (см.: <http://ruskino.ru/mov/7605>, по состоянию на 15.3.2009).

³ См.: <http://www.sarrest.ru/tourism/pam/ms04.html>, по состоянию на 15.3.2009.

дали¹, учрежденной правительством России в 2008 г. Тем самым я упомянула последний примечательный аспект, который мог бы стать предметом дальнейших исследований: значение Столыпина для имиджа властей или же для демонстрации местного патриотизма в Саратове, где Столыпин в течение нескольких лет исполнял обязанности губернатора².

В целом остается надеяться, что изучение общественности поздне- и постсоветского периода в дальнейшем привлечет больше внимания и будет рассмотрено в исторической перспективе, с акцентом на те причины, которые вызвали к жизни бурные перемены эпохи перестройки.

¹ В 2003 г. объединение аграрных организаций («Российское аграрное движение» и «Аграрная Россия») вместе с либеральной партией «Союз правых сил» учредили национальную премию имени Столыпина «Аграрная элита России», см.: <http://stolypin-premium.ru/2003.htm>, по состоянию на 15.3.2009. В 2008 г. российское правительство учредило Столыпинскую медаль, присуждаемую за особые заслуги в социально-экономическом развитии страны, см.: <http://www.nr2.ru/180700.html>, по состоянию на 15.3.2009.

² Помимо установки памятника Столыпину в 2002 г., его имя было присвоено Академии управления, см.: <http://www.pags.ru/academy/history/>, по состоянию на 15.3.2009. Я весьма признательна Павлу Романову за эту информацию.

Ларс Карл, Берлин

Между покаянием, агонией и теплящимися надеждами: советское кино эпохи перестройки

В эпоху перестройки настоящим событием в общественной жизни советских людей стал выход на экраны кинотеатров страны фильма «Интердевочка» режиссера Петра Тодоровского. Несмотря на противодействие консервативных деятелей Министерства культуры, повсю раскритиковавших картину, она получила оглушительный успех у зрителя. С одной из самых закрытых в обществе тем было снято табу молчания. Ведь, согласно строгим официальным данным, проституции в Советском Союзе не существовало, и картина, в которой тема проституции легла в основу сюжета, а главной героиней сделана проститутка, стала абсолютной сенсацией в обществе.

Героиня фильма — очень симпатичная молодая женщина по имени Татьяна — ведет две параллельные жизни: днем она обычная медицинская сестра в больнице, заботливо ухаживающая за своими согражданами, а ночью — интердевочка, валютная проститутка, удовлетворяющая физические потребности богатых иностранцев в ленинградской гостинице «Интурист». Татьянина мать и сослуживцы в больнице ничего и не подозревают о ее двойной жизни. Очень показательна сцена фильма, в которой мы видим соприкосновение этих двух существований. Татьяна, уставшая после полной забот ночи, переодевается в потайном месте, где ни в коем случае никто не должен ее увидеть. Она снимает с себя яркое, блестящее платье женщины-вамп, натягивает джинсы, свитер и превращается в среднестатистическую советскую девушку.

Даже после самого поверхностного просмотра картины можно сделать заключение, что сюжет фильма ограничивается лишь рассказом о непростой жизни проститутки. Быстро приходит понимание того факта, что Таня и ее коллеги по панели оказались на обочине жизни в советском обществе. Они расчетливо воспользовались шан-

сом, предложенным им жизнью, хорошо устроились в новых обстоятельствах. С материальной точки зрения они достаточно преуспели по сравнению со своими согражданами. Двойная мораль стремительно меняющего свои жизненные ценности общества, с одной стороны, осуждает оступившихся девушек, а с другой стороны, в новых условиях жизни получается так, что многие им почти завидуют. Взгляд создателей фильма обращен на жестокую повседневную реальность жизни людей в Советском Союзе в перестроечную эпоху. Таня, другие валютные проститутки — во многом жертвы порочного советского общества. Приговор авторов фильма однозначен — система сделала их такими, какими мы их видим. Татьяна всегда заботится о своей матери, поддерживает своих подруг, и характер у нее хороший. Так что же подтолкнуло ее принять такую жизнь?

Режиссер пытается показать нам жизнь Тани, изображая неприглядную реальность кадрами, приближенными к документальному кино. Крайние районы, безликие многоэтажки, безысходность и тоска. Утомительные и бессмысленные допросы валютных проституток в милиции, которая, в сущности, абсолютно бессильна в борьбе с ними, ведь, согласно законам Советского Союза, проституции в стране не существует и, следовательно, ни к какой уголовно-правовой ответственности девушек привлечь нельзя.

Кадр 1: «Интердевочка» Татьяна (Елена Яковлева) со своей матерью (Лариса Малеванная) в Ленинграде...

Кадр 2: ...и с мужем Эдвардом (Томас Лаустиола) в Стокгольме

Единственным достойным выходом из ситуации героине видится отъезд из страны. И Таня по-настоящему счастлива, когда один из ее постоянных клиентов, предприниматель из Швеции, предлагает ей выйти за него замуж. Фильм можно было бы закончить на высокой ноте: после длительной бюрократической волокиты Таня наконец-то получает разрешение на выезд из страны, и под звуки русских народных мелодий самолет поднимается над Ленинградом и берет курс на Запад. Но у картины есть продолжение, в котором заключена вся основная идея ее создателей.

Место действия второй части ленты — добропорядочная Швеция. Цена за мнимую свободу оказывается несоразмерно высокой для Тани. Наполненные товарами магазины, поездки по супермаркетам и доступность шведской «Икеи» сами по себе счастливее человека не сделают. Супруг не становится Тани близким человеком, его коллега по работе пытается ее изнасиловать, радость от покупки новых вещей, которые некому показать, быстро проходит. Работать по специальности она не может, так как ее диплом в Швеции не действителен. Интеграции в общество не происходит, брак остается бездетным. Да и горячая русская душа Тани не находит понимания в мире холодной западной расчётливости. «Оставь дома и честно зарабатывай свой хлеб» — совет, явственно слышимый в финале фильма. В конце картины Таня следует зову своего сердца и телеграмме, полученной от матери, и готовится

вернуться на родину. Хотя ответа на вопрос, вернулась ли она домой, в Ленинград, авторы фильма не сообщают.

Следует заметить, что фильм «Интердевочка» в 1989–1990 гг. посмотрели в СССР 40 млн. зрителей, и, как оказалось в дальнейшем, это был последний советский фильм, получивший огромное признание. Литературное издание одноименного романа Владимира Кунина достигло небывало высокого тиража в более чем 2,5 млн экземпляров. Читатели журнала «Советский экран» назвали фильм «Интердевочка» лучшим фильмом за 1989 год. Напротив, главный печатный орган страны в то время, газета «Правда», обвинил фильм в пропаганде порнографии и призвал создателей картины и ее зрителей обратить свое внимание на достижения социалистического общества.

Освобождение искусства: государственная киноиндустрия в переломный период

С приходом к власти нового генерального секретаря КП Михаила Горбачева в 1985 г. в Советском Союзе началась эпоха перемен. Новый курс развития страны получил название «перестройка», и его задачей виделось проведение необходимых стране реформ во всех отраслях народного хозяйства. Тогда же в стране был введен принцип информационной свободы, обозначенный термином «гласность». Гласность должна была сопровождать проведение новых реформ на всех этапах их реализации. Политика перестройки и гласности с самого начала опиралась на творческий потенциал интеллигенции, задачей которой виделось пробуждение сознания граждан страны от многолетнего идеологического воспитания. Деятели искусства получили наконец свободу самовыражения и в дальнейшем приняли курс Горбачева как возможность творческой реализации своих планов. Партийное руководство страны старалось удержать свой контроль над новыми веяниями в политике и культуре, но волны перемен с ураганной силой обрушивались на секретные бастионы старой власти. Свобода слова достигла такого уровня, что десятилетиями запрещенные темы были вынесены на обсуждение в обществе. Значение этого, в общем короткого отрезка времени, хронологию и этапы перестроечных событий в значительной мере можно проследить, ознакомившись с произведениями искусства, литературой и кинофильмами, созданными

в те годы. Как оказалось, для многих советских граждан осознание катастрофы советского строя, объективное признание его несостоятельности вылилось в настоящую личную трагедию.

«Покаяние»: приближение к прошлому, грань реальности и фантастики

Фильм-новелла «Покаяние» (1984), снятый Тенгизом Абуладзе, во многом помог приблизиться к тяжелому для общества разговору о событиях, последствиях и значении для страны эпохи сталинского террора. Эта картина стала заключительной частью трилогии, за создание которой режиссер в 1988 г. получил Ленинскую премию. Первые два фильма трилогии — «Мольба» (1967) и «Древо желаний» (1976).

В своем цикле произведений режиссер обращается к истокам возникновения зла, его разрушительной силе и вечным спутникам: недоверию, вражде и опасности. В сюжетах фильмов Абуладзе находят свое место страницы истории Грузии, ее литература, фольклор — компоненты культуры, благодаря которым возник уникальный грузинский колорит, ставший основой признанного во всем мире грузинского кино. Два первых фильма трилогии в художественном и идеологическом аспекте стали во многом репетицией к появлению третьего фильма, на непосредственное создание которого ушли годы раздумий и лишь пять месяцев съемки и монтажа. В «Покаянии» предъявлено обвинение сталинскому террору, более того, фильм выступает против любого вида диктатуры. Вторая главная мысль фильма касается конфликта поколений в посттоталитарном государстве.

Путь фильма на широкий экран занял достаточно много времени и был поистине драматичен. Съемки проходили тайно и поэтому заняли очень мало времени: снимали в короткий период власти Черненко, в 1984–1985 гг. После просмотра фильма цензурой было принято решение фильм полностью уничтожить. Абуладзе удалось спасти лишь одну копию фильма. Эта копия была размножена для домашнего видеопросмотра и в течение нескольких последующих месяцев тайно распространялась в кругах грузинской интеллигенции, пока в 1986 г. не попала на глаза Элему Климову, новому директору Госкино. «Покаяние» поразило Климова до глу-

бины души, и на свой страх и риск он представил фильм влиятельным партийным функционерам — директору отдела пропаганды ЦК Александру Яковлеву и руководителю по вопросам идеологии Егору Лигачеву. Фильм очень понравился обоим. На закрытом просмотре в Кремле «Покаяние» показали генеральному секретарю КПСС Михаилу Горбачеву, и уже через несколько дней фильм был разрешен к показу во всем Советском Союзе.

В Тбилиси — столице Грузии местные партийные лидеры всячески старались воспрепятствовать выходу фильма на экран, и только вмешательство Эдуарда Шеварднадзе, занимавшего тогда пост министра иностранных дел СССР, а до этого пост секретаря КП Грузии, позволило переломить действия местных властей. После нескольких дней проката фильм получил всенародное признание. Одна грузинская партийная газета провозгласила «Покаяние» символом морального обновления общества. В кинотеатрах многие зрители начинали аплодировать, слыша фразы, подобные той, в которой главный герой-диктатор утверждает свои методы террора: «Если мы захотим, мы поймем черную кошку в темной комнате, даже если ее там нет».

В картине три взаимосвязанные сюжетные линии, три истории, каждая, как мозаичное полотно, образована из кусочков воспоминаний, видений картин прошлого, составляющих целостность повествования. Каждый кадр фильма оправдан с художественной точки зрения и, более того, необходим для правильного понимания авторской идеи. Вот почему Абуладзе так упрямо отстаивал сценарий фильма, не желая в нем ничего менять, и согласился всего лишь на один компромисс в угоду цензуре. В прологе к фильму, по замыслу автора, должно было быть сказано о серьезных ошибках, допущенных коммунистической партией в прежние годы. Такая прямолинейность слишком бы приблизила сложный сюжет фильма к советской действительности. Каждая сцена фильма, частично основанного на реальных событиях, произошедших в Грузии в 1930-х гг., решена с помощью абсурдных деталей, многоплановости изображения, аллегорий. Сюрреалистические картины действительности, язык гротеска и яркие краски Грузии сформировали особую образность фильма и помогли создать Абуладзе произведение, обличающее тоталитаризм.

Фильм начинается сценой в суде. Кетеван Баратели, женщина средних лет, обвиняется в том, что три раза в ночное время суток выкапывала из могилы тело диктатора Варлама Аравидзе. Кетеван рассказывает суду историю уничтожения своих родителей Варламом Аравидзе и его помощниками. Жестокий террор, связанный этим человеком, заставил страдать многих людей. Отец Кетеван, одаренный художник Сандро Баратели, умер в тюрьме, ее мать однажды навсегда исчезла из дома, и маленькая девочка осталась круглой сиротой. Ее поступок был вызван протестом, нежеланием предать забвению память погибших и ненавистью к их убийце.

Кадр 3: Варлам Аверидзе (Автандил Мачарадзе) — уважаемый народный трибун

Кадр 4: Сандро Баратели (Эдишер Джоргобиани) — преследуемый художник

Знаковая насыщенность фильма основывается на объединении в нем общего и частного. Имя и фамилия диктатора Варлама Аверидзе являются яркой иллюстрацией этого художественного приема. Варлам — очень распространенное грузинское имя, Аверидзе — фамилия придуманная, образованная от грузинского слова «аравин», которое в переводе означает «никто». И таких деталей, создающих фантастическую действительность фильма, множество. Наголо бритая голова диктатора и пенсне недвусмысленно делают главного героя фильма невероятно похожим на одного из ближайших соратников Сталина — Лаврентия Берия, ненависть к которому у многих людей в Грузии сохранилась до сих пор, в то время как к личности Сталина все относятся по-разному. Маленькие гитлеровские усики дополняют внешнюю негативность образа, восприятие которого целиком построено на ассоциациях. В его жестах, манере поведения, словах обнаруживается сильное сходство со Сталиным, а черная униформа с кожаной портупеей напоминают о другом диктаторе — Муссолини. Другие персонажи фильма построены по такому же принципу. В образе Сандро мы видим художника, абсолютно преданного истинному искусству; Нино Баратели, его жена и мать Кетеван, в своем внешнем облике воплощает образ скорбящей богоматери, противостоящей злу, земное воплощение которого — Варлам. Эти три фигуры противопоставлены народной массе, полностью погруженной в сиюминутные заботы и развлечения, обильно пропитанные идеологическими лозунгами. Они не замечают средневекового деспотизма Варлама и его свиты. В свите Варлама два типа служак: одни слепо доверили себя системе, ни минуты не сомневаясь в ее абсолютной непогрешимости, и этим своим выбором уже обрекли себя на приближающуюся гибель, и другие — чистые карьеристы, готовые исполнить любой приказ, полученный сверху, люди без чести и совести.

В фильме две главные авторские мысли. Первая направлена на то, чтобы с помощью художественных средств обличить античеловеческую направленность любой диктатуры, будь то сталинизм или фашизм. Вторая мысль посвящена оценке этого страшного, долгое время не обсуждавшегося в обществе периода жизни страны потомками. Но это уже не конфликт отцов, принадлежащих к поколениям сталинской эпохи, со своими повзрослевшими детьми: 1980-е гг. — совсем другое время и новое поколение. Вну-

Кадр 5: Образ Варлама Аваридзе харизматичен и объединяет в себе черты многих тиранов.

ки и не подозревают о преступлениях, совершенных их уважаемыми дедами. В «Покаянии» внук диктатора — молодой человек, выросший в полном неведении относительно деятельности деда. Он узнает о страшной вине Варлама в ходе процесса над разорительницей могилы, когда она, вспоминая свое детство, рассказывает о страшном терроре, жертвами которого стали ее родители. Воспитанный, получивший хорошее образование юноша приходит в ужас от страшной правды, и еще больше его поражает поведение собственных родителей, которые пытаются обличить обвиняемую во лжи, обвинить ее в потере рассудка и отправить в сумасшедший дом. Это среднее поколение, выросшее в СССР и составившее основу партийной номенклатуры в брежневские времена, в своей борьбе с неудобными людьми опирается исключительно на силу власти. В конце фильма внук Варлама совершает самоубийство из-за страшного сознания того, что на его руках кровь миллионов, а его отец продолжает оправдывать преступления, совершенные дедом. Высоконравственный юноша гибнет, не сумев пережить удар от сознания зла, совершенного его дедом и отцом. Главная идея фильма касается сохранения памяти и уважения к трагическим страницам прошлого страны и признания жертв сталинского террора. Особенно автора волнует восприятие тех событий молодым поколением. Фильм выступает против забвения страшных событий прошлого и призывает к традиции христианского покаяния. Человеческий суд на земле — лишь жалкая репетиция Страшного

суда, ожидающего все человечество (цитата из фильма): «Каждая дорога ведет к церкви и богу, а он и есть последний судия».

Тенгиз Абуладзе назвал свой фильм трагической фантастической и гротесковой трагикомедией. Палитра художественных приемов, использованных в фильме, поистине безгранична: гротеск, сюрреализм, фантастика и комизм. Под воздействием зрительных образов, созданных в картине, формируется невероятно сильное впечатление от фильма. Соотечественник Абуладзе Элгар Шангелая так охарактеризовал манеру, в которой создан фильм: «Реализм был и остается продуктом, свойственным европейскому аналитическому мышлению. Для культуры Востока, напротив, характерно изображение действительности с помощью языка знаков и символов, орнамента, гиперболы. Грузинская же культура находится на рубеже Востока и Запада, в самой середине».

Молодежь без бога. Бунт и обнаженная натура — по ту сторону морали

Основная сюжетная линия фильма Т. Абуладзе «Покаяние» могла бы метафорически выразить всю суть перестроечного искусства и стать его лозунгом: фильмы, запрещенные идеологической цензурой, были буквально выкопаны из пыльных хранилищ и наконец добрались до своих зрителей. Скрытые от советских людей темные страницы новейшей истории наконец-то были подвергнуты открытому обсуждению. Резко поменялась тональность изображения повседневности. Мажорные аккорды, повествующие исключительно о счастливой жизни советских граждан, сменили минорные ноты. Оказалось, что в стране существуют тюрьмы, психиатрические лечебницы, детские дома, кладбища и мертвецкие, что там тоже живут и работают советские граждане. Закрытые темы, ранее если и упоминавшиеся, то только вскользь, оказались в центре повествования художественных произведений новой эпохи. Новые программы показывали жизнь на Крайнем Севере и в Центральной Азии. Социальные изгои — заключенные, воры, проститутки и наркоманы — стали героями художественных лент. Табу было снято с изображения обнаженного человеческого тела, в сценах сексуального характера, демонстрации насилия, болезни и смерти. Своим содержанием фильмы перестроечного времени развеивали

идею о достижениях социализма и его идеологии. Позитивно настроенный голос фильмов эпохи «оттепели» через 30 лет вынужденного молчания, накопившегося за эти годы, в фильмах эпохи перестройки сорвался в агрессивный вопль. Критика коснулась всех сфер человеческой жизнедеятельности, особенно затронув вопрос общения людей.

Школа и советская система воспитания основаны на зазубривании бессмысленных фраз, коммуникативные возможности и потребности человека в современном мире минимизируются, проблемы взаимопонимания разделяют как отдельных людей, так и разные социальные слои и даже нации многонационального Советского государства. Пессимистические размышления о кризисе культуры свойственны именно перестроечному кино, у фильмов эпохи «оттепели» были другие задачи. Предложенные «оттепелью» конструктивные и оптимизирующие решения общественных и личных конфликтов были в резкой форме отвергнуты лентами перестроечного времени. Социалистическая идеология перестала быть политической платформой, объединяющей и примиряющей абсолютно разных людей. Модель счастливого коллективного существования в перестроечных фильмах заменили на модель индивидуального существования, которая в самой негативной форме своего проявления отражает одиночество и безразличие. Расставшиеся со своими иллюзиями и оторвавшиеся от коллектива герои 1960-х и ранних 1980-х в одиночку оказываются перед непростыми задачами и рассчитывают только на свои силы.

Кадр 6: Советская молодежь времен «оттепели» («Баллада о солдате», 1959)...

Кадр 7: ...и в перестроечные времена («Маленькая Вера», 1989)

Фильм Василия Пичула «Маленькая Вера» (1988), сильно напоминающий молодежные фильмы 1960-х гг., посвящен молодой героине в поиске своей идентичности. Характер персонажей фильма, выбор места действия, шокирующая эстетика в манере подачи событий позволяют отнести эту картину к кинематографу перестроечного времени, несмотря на тот факт, что главная героиня совсем не является аутсайдером в коллективе: она обычная выпускница школы из среднестатистической советской рабочей семьи. Вера живет со своими родителями в Жданове, унылом индустриальном городе на юге Украины. Ее отец — водитель грузовика, человек болезненный и пьющий, мать — рабочая текстильной фабрики, тоже болезненная и постоянно бранящаяся. Их дочь Вера окончила школу, не имеет никаких дальнейших жизненных планов, ее интересы поверхностны, она диковата, находит удовольствие в сексе и во всем том, что раздражает и сердит ее родителей. Вера заводит отношения с красавчиком Сергеем из более интеллигентной и обеспеченной семьи, ее родители принимают его у себя дома на правах будущего зятя. Однажды разногласия между отцом Веры и другими членами семьи приводят к тому, что отец ранит Сергея ножом в живот. На суде отец вынуждает дочь свидетельствовать против молодого человека. Вере тяжело справиться с совершенным предательством, и она пытается уйти из жизни.

Общественная жизнь девушки проходит в атмосфере насилия и отсутствия социальных ориентиров. Своим поведением она вы-

ступает против общепринятых норм и приличий. Каждый вечер Вера и ее подруга убегают на скучные городские дискотеки. Агрессивное настроение, царящее в среде молодежи на этих дискотеках, во многом сходно с нездоровой ситуацией у Веры дома. Стоящие стенка на стенку, обозленные молодежные банды объединяют свои усилия против общественных стражей порядка, а Вера воюет со своими авторитарными родителями в домашних условиях. Государство и родители в глазах молодежи полностью утратили свой авторитет, тем самым навсегда лишившись ее доверия.

Доминирующими стилистическими средствами в картине стали преувеличение и утрирование, доведенные почти до карикатурных форм. Разговоры родителей, постоянные выяснения отношений, скандалы на пляже во время пикника — в характере самих героев и в их поступках наблюдается поразительная чрезмерность во всем, эксцесс становится знаковой формой их социального поведения, будь то алкоголизм отца, ругань матери, возбуждение, вызванное половым актом или разнузданным танцем молодежи под звуки западной музыки. Бегство Веры в сферу чувственных удовольствий не является всего лишь вызывающей, демонстративной реакцией повзрослевшей девушки на окружающую ее оупляющую безысходность — это также определенное эстетическое средство защиты, не дающее ей впасть в уныние или мелодраматизм. Отказ от пафоса, символичное углубление и укрупнение конфликта — черты, отличающие многие фильмы эпохи перестройки, — придали фильму «Маленькая Вера» необычайную достоверность, благодаря которой у советской и западной публики сложилось впечатление, что на экране изображена самая настоящая, реальная жизнь. В первый год проката фильм посмотрели 54,9 миллиона зрителей. Это был один из самых успешных фильмов перестроечного времени, получивший признание не только на родине, но и за рубежом. Иностранная публика была поражена столь открыто и честно представленной действительностью советской жизни, вдруг открывшейся на фоне официальной пропаганды.

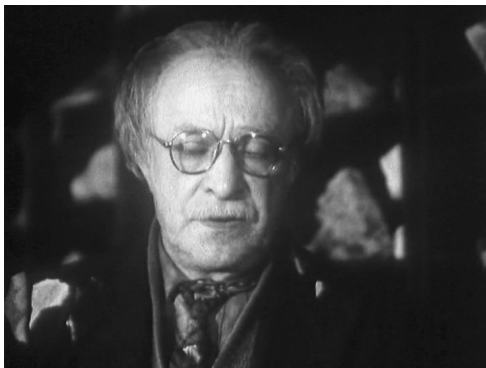
Мрачная эстетика на развалинах современной цивилизации

Параллельно с фильмами, посвященными проблематике сегодняшнего дня, в перестроечную эпоху одним из доминирующих

средств в художественном кино стали фильмы-антиутопии, действие которых разыгрывалось в неопределенном будущем, населенном колониями людей. Часто создатели фильма передавали свое ощущение грядущего конца света в сюжете научной фантастики — жанре, пользовавшемся огромной популярностью на просторах Советского Союза. В своем дебютном фильме «Письма мертвого человека» (1986) Константин Лопушанский, искусствовед по образованию, показал, как в результате атомной войны уничтожены не только цивилизация и биосфера, но прежде всего «старое человечество» с его представлениями о человечности. В бункере, где нашли себе прибежище избранные выжившие, прошедшие определенный отбор, создается новая цивилизация из спасшихся с новыми общественными нормами, не обремененная старыми, биологически утраченными формулами, такими как сострадание или право каждого человека на собственное мнение. У переживших катастрофу людей проверяют состояние здоровья, далее прошедшие осмотр попадают в центральный бункер, который планируется закрыть на последующие 30–50 лет. Оставшиеся будут брошены на произвол судьбы в руинах разрушенного города. Один из обреченных, кибернетик Ларсен, пишет письма своему потерявшемуся сыну, в них он предвидит утопию возрождения человечества. Ларсен фанатично пытается вычислить формулу восстановления хоть какого-нибудь участка Земли и находит группу аутичных детей, которые становятся его последними слушателями. В финале фильма он инсценирует для себя и детей миф о новом рождении: на шестой день после конца старого мира и одновременно Рождества, что свидетельствует о сотворении людей и рождении Христа, из обуглившихся дощечек и старой проволоки он мастерит рождественское дерево и отправляет детей на поиски нового мира в желто-бурое пыльное облако атомной зимы.

Эта советская антиутопия фабулой своего повествования отличается от подобных ей западных картин, таких как “Malevil” (Франция, 1981; режиссер Кристиан де Шалонж) или “The Day After” (США, 1983; режиссер Николас Мейер). В картине Лопушанского не рассказывается история семьи или утопия о чудесном спасении человеческой цивилизации где-то во Вселенной. Показывая угнетающие сознание кадры, автор ставит вопрос о моральной ответственности человека, одновременно лишая обреченное на ги-

бель человечество какого-либо проблеска надежды на спасение. Своими христианско-мифологическими приемами повествования фильм «Письма мертвого человека» напоминает фильмы Тарковского, в которых Лопушанский был занят в качестве ассистента режиссера.

Кадр 8: Отчаявшийся кибернетик Ларс (Ролан Быков) пишет свои письма

Кадр 9: В постапокалиптическом мире центрального бункера

Конец утопии о советской многонациональной семье народов

Ярким событием в киноискусстве, открывавшем правду о жизни в Советском Союзе, стал фильм А. Сокурова «Дни затмения» (1988). Бесконечным кошмарным сном апокалиптического харак-

тера предстает перед зрителем эта картина, действие которой происходит в суровой пустыне, в Туркмении, на испепеляющей жаре. Пыльный город Красноводск на восточном берегу Каспийского моря стал микрокосмосом советского общества, универсальной моделью монотонной жизни и цивилизации, пришедшей в упадок. Взяв за абсолют географическую окраину страны, фильм обнажает всю утопию многонационального советского государства как скопления совершенно разных людей, объединенных лишь общей бездомностью и отсутствием родины. Характеры героев фильма были взяты Сокуровым из научно-фантастического рассказа братьев Стругацких «За миллиард лет до конца света» (1976). Развитие сюжета в фильме практически отсутствует, образы героев выписаны фрагментарно и нечетко. Инженер Снеговой неожиданно совершает самоубийство; учитель Глухов с неестественной, наигранной веселостью показывает фотографии своих близких; вдруг появившийся ниоткуда вооруженный оккупант действует партизанскими методами, спасаясь от правоохранительных органов. Такими же загадочными остаются и второстепенные персонажи фильма — в большинстве своем представители национальных групп, годами проживающие в этой области бок о бок: гонимые русские старoverы, перемещенные советские солдаты, переселенные по сталинскому приказу поволжские немцы и крымские татары. Да и оба главных героя картины — молодой московский врач Малянов и его друг из местных Вечеровский — остаются масками: Малянов олицетворяет собой научный рационализм западной цивилизации, а Вечеровский — печальное терпеливое миропонимание, свойственное Востоку.

Кадр 10: В полуденную туркменистанскую жару: Малянов (Алексей Ананишнов) и Вечеровский (Эскандер Умаров)

Кадр 11: Прямая перспектива съемки и визуальные метафоры, содержащиеся в религиозных настенных росписях, продолжают традицию Тарковского

С помощью обоих протагонистов сформулированы и две основные темы фильма: вера и национальная идентификация. В процессе создания научной работы о детских болезнях Малянов наталкивается на загадочный феномен: оказывается, что дети верующих людей намного меньше подвержены заболеваниям, чем другие дети. Малянов глубоко погружается в свое исследование, уходит в себя и перестает общаться с окружающими. Только в тот момент, когда он находит у своей двери больного ангелоподобного мальчика, ждущего его помощи, он возвращается к своей профессии и вновь открывает свое призвание. Вечеровский, крымский татарин по происхождению, вырос среди переселенных поволжских немцев, поэтому для него так важна проблема национальной идентификации и ее проявления. Экзотика Востока представлена в фильме как своего рода повод для поднятия вопроса о правах национальных культур, их идентификации, угрозе растворения и интернационализации в условиях распадающегося Советского Союза. Постоянно повторяющиеся документальные кадры, в которых черно-белая пленка окрашена в желто-коричневые тона, показывают жалкое поселение с покосившимися домишками и обнищавшим населением. Пыль, испарения, высокоградусная жара характеризуют это место, в котором, как в микрокосмосе, сконцентрированы все сложности и противоречия советского многонационального государства. Два совершенно разных, противопоставленных друг другу мира сталкиваются здесь: перед зданием с надписью "Disco" на расстеленном ковре сидят мужчины в традиционной восточной одежде и играют на национальных музыкальных инструментах. С улицы доносится

шум самых разных языков: туркменского, русского и татарского, отрывок мессы на латинском, из невыключенного проигрывателя звучит радиозапись объявления немецкой народной песни «Мельник любит пешие прогулки» на английском языке. Наконец, когда гаснет солнце, спадает утомительная жара и туркменская глухомань погружается во тьму, приходит понимание близости конца существования таких разных культур, искусственно объединенных советской идеологией.

Кадр 12: Азиатская традиция...

Кадр 13: ...и современная советская...

Кадр 14: ...находятся по отношению друг к другу в неразрешимом конфликте

Художественное значение фильма «Дни затмения», несомненно, состоит в тонком чутье Сокурова на черты времени. Снятое почти исключительно в желто-оранжево-коричневых тонах, художественное произведение как будто само по себе представляет словарь по киноискусству эпохи перестройки: предметом изображения становятся фотографии женщин, сделанные в психиатрической больнице, внутреннее пространство церкви, мертвецкая или ветшающие дома — изображения, многократно повторяющиеся в гениальных произведениях этого времени. Замедленное, растянутое движение камеры, медленный ритм фильма, наполненный метафорами язык картины и кусками разбросанные разговоры о религии и вере словно эхо напоминают о художественном мире фильмов Тарковского. Сокуров создает созерцательные картины мира, которые вращаются вокруг вечных тем — смерти, круговорота событий, появления и исчезновения целых поколений в вечном движении мира. В фильме открыто выражена критика сталинской политики переселения народов; тем самым автор художественного произведения вносит свой вклад в переосмысление деяний прошлого и еще раз подтверждает тот факт, что киноискусство эпохи перестройки поддерживает прежде всего новые политические настроения.

О конце времени: история России между сюрреализмом и пародией

Еще одной страницей в кинематографе перестройки стали фильмы, сюрреалистичные формы и образы которых возникли из советского прошлого, настоящего и будущего, превратившись в странную негативную утопию, в которых проект всеобщего коммунистического будущего подвергался самой безжалостной критике. Одним из выдающихся примеров этого жанра стала картина ленинградского режиссера Сергея Овчарова «Оно» (1989), в гротескных чертах которой прослеживается эстетический анализ прошлого, настоящего и будущего:

«Когда я появился на съемке одного из эпизодов, я не мог поверить своим глазам. Половина берега была окутана бутафорским дымом, в котором происходили съемки массовой сцены. Своей очереди ждали добродушные митьки со своими бело-голубыми по-

лосатыми флагами, вызывающе раскрашенные панки, крестьяне в народных костюмах прошедшего века. Шел дождь, и только раскрытые зонтики были единственной деталью реального времени».

Так описывает кинокритик Василий Князев то пестрое действие, происходившее на съемках картины «Оно». И так публика воспринимает фильм — многогранный, пронзительно яркий, сюрреалистичный: смотришь на экран и не веришь своим глазам. История России и Советского Союза, рассказанная Овчаровым в манере острой сатиры, охватывает промежуток времени от Ивана Грозного до Михаила Горбачева и дальше в будущее всего за 130 минут. От сумрачного немого кино к кадрам современной документалистики и техническому музыкальному видео приближающейся эпохи. Режиссер эстетически продуманно концентрирует события, происходящие вчера, сегодня и послезавтра, в один киносеанс. Резкие провокации и многократно сосредоточенные действия — отличительные черты работы Овчарова. Уже его первый короткометражный фильм «Нескладуха» (1979) содержал многочисленные видения образов из русского фольклора и старинных преданий, которые высмеивали ложный блеск и самодовольство советского настоящего. Первый полнометражный фильм «Небывальщина» (1983) своей яркой, креативной, собранной в кулак энергией дразнил власть. Фильм «Оно» продолжает эту традицию. Это пародия на власть с фольклорными и сказочными намеками и выводом, направленным против бесчужденного догматизма, социалистического тиражирования образов, одинаковости. В основе идеи фильма — классическое произведение: в 1870 г. Салтыков-Щедрин опубликовал свою сатирическую новеллу «История одного города», в которой еще досоветские власти представлены как эгоистичные, тщеславные и бездарные градоначальники. В конце произведения читаем: «Оно близилось, и по мере того как близилось, время останавливало бег свой». Это «Оно» — символ фатального настоящего конца времени и страшного хода русской истории. Что следует дальше — не является поворотом к позитивному развитию, а есть ничто, зияющая пустота, вечный конец.

В экранной версии новеллы, сделанной Овчаровым, эта цитата фигурирует в самом начале фильма, а ее самое значимое слово вы-

несено в название фильма и вербально характеризует общую неуверенность перестроечного времени. Поверхностное действие картины происходит в ускоренном темпе: «Оно» рассказывает, подобно Салтыкову-Щедрину, историю вымышленного города, его обывателей и прежде всего историю его властителей. Жители города угнетены, их избивают, эксплуатируют, хотя иногда у них ищут пристанища любвеобильные незнакомки, их увещевают обещаниями лучших времен и великих реформ, в то время как городские управленцы преуспевают в расхищении городской казны и неумелом планировании. За грубым тираном следует фанатично увлеченный выращиванием горчицы правитель с манерами крестьянина, за ним — безмозглый с музыкальными часами в голове, затем амбициозный обновленец, берущий курс на в высшей степени неясное будущее.

Кадр 15: Властитель (Ролан Быков)...

Кадр 16: ...и его народ

Едва ли кто-то из иностранцев увидит в обширных плантациях горчицы в фильме намек на хрущевскую кукурузную кампанию: проблема передачи смысла аутентичной сатиры рассчитана на восприятие человека одной культуры. Кинокритик Андрей Плахов с сожалением отметил: «Жаль, что иностранный зритель не сможет понять все богатство заключенных в фильме аллюзий. Содержание фильма настолько насыщено, что многое так или иначе уйдет на дно». Таким образом, фильм, увиденный иностранным зрителем, потеряет много смешных моментов, напряженного ожидания сюжетных поворотов, глубину повествования, так как подтекст хуже всего поддается пониманию и переводу и зрителю остается довольствоваться всего лишь бесконечной цепочкой недоразумений и несуразиц. Овчаров мастерит дубину из сатиры и начинает систематично и последовательно разбивать статуи героев самодвольной истории. Гротесковыми чертами являются даже одежды отдельных русских и советских властителей, которые недостаточно соответствуют их высокому положению. Черты характера, личностные качества даны в утрированном, карикатурном виде. Их чудачества, промахи и преступления яснее видны в микрокосмосе выдуманного города, чем в макрокосмосе настоящего социализма. Это делает фильм кричаще ярким, пестрым, комичным до абсурда и придает ему политическую окраску.

Отсутствует лишь конец фильма, заключенный в том, что «Оно» приносит с собой. В своей новелле Салтыков-Щедрин предрекает зияющую пустоту, замороженное время, конец истории. Овчаров рассматривает молодежь своего времени и предчувствует новые брюки-дудочки и панков как часть пестроокрашенной анархии, потерю ориентиров и стробоскопический эффект в киносьемке. И сегодня, глядя на экран, не веришь своим глазам, насколько все получилось многогранно, ярко, футуристически сюрреалистично. Собственное будущее Овчарова не закончилось на фильме «Оно» в замороженном времени. Несколько лет назад он снял фильм «Про Федота стрельца» (2002), сатирическую комедию, которая разоблачает и высмеивает отношения с властью и во власти в сегодняшней России. История повторяется.

**Павел Романов, Елена Ярская-Смирнова,
Саратов/Москва**

«В СССР инвалиды есть»: визуальные метафоры обличения старого порядка

Артур Бергер, автор книги «Видеть — значит верить», задает себе вопрос об одном из постмодернистских фильмов¹, является ли тот «зеркалом, отражающим общество в состоянии распада, или же некой лампой, проецирующей подобный взгляд на мир. В последнем случае он отображает только мнение автора фильма, а не действительное положение вещей» [Бергер, 2005. С. 140]. Однако нам представляется возможным принять за исторический документ собственно взгляд создателя фильма, сформированный в контексте социокультурных и политико-экономических дозволений и санкций, — взгляд, за которым есть своя история «со своей сетью личных взаимоотношений, своим хорошо установленным положением вещей и людей, с огромным разрывом между слиянием одних и незаметностью других» [Ферро, 1993. С. 48]. И документальный, и художественный фильм — продукт культуры и общества, которое этот фильм производит и потребляет, одобряет и осуждает. Но фильм — это еще и продукт конкурентной борьбы за влияние, плод конфликтов между художником и государством, актерами, сценаристами и иными акторами кинопроизводства [там же. С. 48], результат «работы зрения» создателей фильма и их усилий по воспитанию советского «визуального человека» (термин М. Маклюэна). Поэтому фотоснимки и эпизоды из фильмов, плакаты и карикатуры выступают не только иллюстрациями или репрезентациями, но и столь же важными элементами изучаемого контекста, как официальные документы или личные нарративы. Их стилистика и образный строй образуют специфический визуальный тезаурус эпохи, в рамках которого социализируется зрительское восприятие.

¹ Речь идет о фильме Годфри Режжио «Коянискацци» (1983).

В этой статье мы рассмотрим метафоры инвалидности в визуальном дискурсе периода перестройки. Нас интересует, в какой роли, в каком статусе показаны персонажи с инвалидностью, какую функцию в киносюжете они выполняют, что за новые социальные и эстетические категории воплощались тогда в образах инвалидов, как изменились каноны их изображения и рассматривания. Документальное и художественное кино, плакаты посредством пересмотра образных характеристик советского социального порядка в период перестройки модифицировали репертуарный запас возможных способов мышления об инвалидах как о Других в соответствии с векторами изменений политики инвалидности и, в свою очередь, оказали влияние на государство и общество посредством политики репрезентаций.

Вначале мы дадим краткую характеристику мэйнстримных репрезентаций инвалидности, созданных советским кинематографом. А поскольку перестройка в кино фактически началась с выхода на экраны «полочных» фильмов, мы обсудим метафоры инвалидности, появившиеся в кинематографе периода застоя. И в завершение остановимся на образах инвалидов, порожденных многополярными процессами трансформации визуального лексикона перестройки.

Инвалидность в кино: подходы к анализу

Под словом «инвалидность» мы понимаем здесь, во-первых, увечье, сигнифицируемое на экране или плакате отсутствием конечностей, костылями, коляской, тростью, а также соответствующими телесными кодами, указывающими на слепоту, жестовым языком, выдающим недостатки слуха; во-вторых, нетипичную внешность, обозначаемую при помощи грима, специальных эффектов или с привлечением артистов — низкорослых инвалидов («карликов», «лилипутов»); в-третьих, психическую «ненормальность», которая делается заметной благодаря нетипичному поведению, неадекватным ситуации суждениям.

Мы отталкиваемся от подхода М. Ризера и К. Барнса [Rieser, 2004; Barnes, 1992], которые анализируют репрезентации инвалидности в истории кино. Инвалидность в любом арт-продукте высту-

пает как символ или метафора [Ярская-Смирнова, Романов, 2006]. Даже если персонаж книги или фильма имеет своего прототипа в реальной жизни, в сюжете литературного произведения или фильма, на плакате или в прессе этот образ используется, чтобы сделать сообщение более убедительным, чтобы направить его восприятие в определенное русло. В зависимости от жанра образы инвалидов, а вернее, означаемое ими несколько варьируется, при этом некоторые из указанных ниже клише воспроизводятся в практически неизменном виде в кинематографе разных исторических периодов.

Ранее мы уже показывали, что инвалидность в советской образной системе была, с одной стороны, иконическим знаком, метафорой, содержащей смыслы ничтожности и страха, унаследованные из религиозных традиций и фольклора, а с другой стороны, податливым, означающим по типу трансформера, пригодным для наглядной модернизации несовершенного тела в соответствии с новыми требованиями индустриального общества и рационального управления [Ярская-Смирнова, Романов, 2009]. И в каждый период метафоры инвалидности наполнялись новыми смыслами.

Однако в истории советского кинематографа есть общее клише: силу народа представляет герой-инвалид, нашедший в себе мужество победить недуг или несправедливость благодаря силе духа и патриотизму, — суперкалека, защитник слабых, поборник справедливости. Столкновение героя с инвалидностью у себя или у другого персонажа в таких фильмах катализирует в нем изменения, которые и составляют основную интригу фильма. Тем самым инвалидность выступает как средство пробуждения, улучшения другого, фактор изменения, морального преобразования главного героя, она компенсирует его дефекты. Функции такого персонажа состоят в том, чтобы проявить какие-либо черты характера в сравнении их с «нормативными» ролями, выступив объектом заботы и контроля — или субъектом выбора, инструментом создания испытаний главному герою. Сходный механизм используется в социальной рекламе, направленной на сбор пожертвований: образ пострадавшего, нуждающегося в помощи. Фактурный персонаж массовой, «народной» (в смысле бедности и в смысле разнообразия) — безногий или инвалид на костылях в толпе. Еще один общий момент всех советских фильмов: в них инвалид — это всегда мужчина, а инвалиды-женщины здесь незаметны. Дело в том,

что в соответствии с традиционным гендерным порядком женщина играет роль помощницы мужчины, а в рамках медицинской модели представлений об инвалидности — выступает сестрой милосердия, проявляя материнскую заботу о человеке, чья гендерная идентичность на какое-то время ставится под сомнение.

И если инвалидность в мейнстримном советском кино проявляла себя как символ силы духа, жертвоприношения, доказательство национальной аутентичности [см.: Alaniz, 2007], то в перестройку советская визуальная культура изменила свой облик, появились доселе невообразимые по откровенности фильмы, отражающие общественные перемены и использующие новые выразительные средства, в том числе и при помощи новой культурной кодификации инвалидности.

В качестве эмпирического материала нашего анализа выступают документальные фильмы, кинохроники¹, художественные фильмы и плакаты. В коллекции РГАКФД мы нашли 70 фильмов за весь советский период, в которых есть сюжеты, посвященные инвалидам. По большей части это эпизоды кинохроники (в 26 кинонеделях, киножурналах, киноновостях) и фильмов на разные темы, в том числе о революции, организации в СССР социальной защиты и здравоохранения, советском спорте, отдельных городах, посвященные Ленину, о международной проблематике (всего 23 единицы). В таких документах инвалиды появляются как часть общего фона повествования, причем в иностранной кинохронике и фильмах на международную тематику инвалиды либо участвуют в демонстрациях за мир и повышение пенсий, либо проходят лечение в санаториях. Налицо тематическая динамика киноработ этой коллекции: краткая история экономической независимости инвалидов в рамках кооперативов сменяется кодом «объекты помощи и заботы», а в годы перестройки это «часть нашей жизни» или «напоминание о войне» и «свидетельство людской черствости». Реже звучат лейтмотивы активной жизненной позиции — обучение и труд, спорт и творчество.

В киноархиве РГАКФД хранится более двух десятков фильмов, полностью посвященных теме инвалидности, но 14 из них отснято в период с 1987 по 1991 г. и лишь один — до 1960-х гг. А в один-

¹ Документальный киноматериал из Российского государственного архива кинофотодокументов (РГАКФД) в Красногорске.

надцати эпизодах хроникальных лент и документальных фильмов периода перестройки инвалиды появляются в связи со следующими темами (см. таблицу 1):

Таблица 1

Тематическая репрезентация инвалидности в документально-хроникальном кино периода перестройки

Тематический код	Название и год выпуска работы
дома-интернаты, соцобеспечение	Забота общая, 1989
спорт	Праздник рабочего спорта, 1989
изображение инвалидов в искусстве	Художник Геннадий Добров, 1989
несправедливое устройство общества в СССР	Право на милосердие, 1989
инвалид как элемент повседневности	Памяти минувшего дня, 1988; Забастовка шахтеров Кузбасса, 1989; Игорь Ноткин — философ нищеты, 1991; Лобановские страдания, 1991
участие граждан в сборе средств	День города в Советском районе, 1989
участие бизнеса	Прозрение, 1991
исторические реконструкции	Дом Романовых, 1991

Необходимо помнить, что фильмы и плакаты нельзя рассматривать как замкнутые на себя единицы. Они являются продуктом кинематографического производства, а значит, результатом многочисленных гласных и негласных компромиссов художественных, профессиональных, политических, коммерческих. Их анализ невозможен без привлечения массива документов, отражающих общий исторический, политический, социальный и эстетический контексты [Познер, 2008. С. 37–38].

Именно поэтому имеет смысл говорить о политике инвалидности¹ в контексте формирования тех смыслов, какими наделяется

¹ Политика инвалидности, с одной стороны, это стратегии влияния государства на индивидуальное поведение инвалидов, а также государственные и корпоративные способы управления ресурсами с целью формирования социальных условий, более или менее пригодных для жизни людей. С другой стороны, это идеологически и рационально обоснованная стратегия коллективных действий инвалидов, их влияния на государство и общество с целью добиться позитивных изменений. Указанные стратегии прочно связаны с идеологией, которая воплощается как в нормирующем (СМИ, литература, кино), так и в нормативном (законодательство, официальные документы) дискурсах, а также в повседневных самопрезентациях инвалидов.

инаковость человеческого тела в советской культуре, в том числе визуальной. Эти разделенные всеми смыслом создавали условия и для производства соответствующих культурных продуктов, «визуальных и вербальных заменителей реальности» [Добренко, 2007. С. 29], и для их более или менее адекватного потребления миллионами советских граждан разных возрастов, видов занятости, регионов проживания, личных пристрастий. И если выработка универсальных кодов культуры была инструментом созидания единой общности, известной как советский народ, а также соответствующих социальных норм, ценностей, предпочтений и ограничений, то в период перестройки система этих кодов претерпела кардинальные изменения. С одной стороны, эти изменения стали результатом определенной политической стратегии, а с другой — подпитывали и вдохновляли переопределение ситуации, в том числе в отношении и при помощи «проблемных» социальных групп и разных форм проявления их коллективной идентичности.

Инвалидность как метафора народности в «полочном» кино

Каждый из документальных фильмов, созданных в определенную эпоху, является, с одной стороны, отдельным документом со своей собственной внутренней логикой и повествовательной материей, а с другой — частью общей фильмической реальности своего времени, продуктом независимых усилий, предпринятых носителями общей для своего времени культуры, ценностей, ожиданий и представлений. Фильмы представляют нам сведения о реальности, далеко выходящей за рамки снятого. Эта реальность включает, разумеется, и саму систему производства, распространения и использования документального кино, в том числе систему политико-эстетического регламентирования того, что и как должно быть запечатлено на пленке [Познер, 2008. С. 52].

И если в некоторых произведениях художественной и, конечно, в самиздатовской литературе эпохи «оттепели» и позднего «застоя» уже звучат ноты гнева, бунта, освобождения, то в доперестроечном кинематографе мы этого не видим. Яркий пример представлен феноменом экранизации рассказа Ю. М. Нагибина «Терпение» (1982). Его главный герой — инвалид Паша — это че-

ловек из народа, из самых низов. Он прошел долгий жизненный путь и с глубоким презрением относится к своим современникам — горожанам-обывателям из позднего социализма:

«Зажравшиеся и вечно ноющие мещане — вот вы кто!.. Где морда, где задница — не поймешь, а все ноете, что с продуктами плохо. И запчастей не достать. И гаражи далеко от дома. С души воротит. Нет, не хочу я твоей “большой” жизни, мне в ней тесно будет. Твое окружение наверняка из тоскующих по запчастям, шиферу, загранкам и прочей тухлой муре» [Нагибин, 1982].

По этому рассказу режиссером И. Таланкиным в 1984 г. был снят фильм «Время отдыха с субботы до понедельника», но в нем вся суть критики и социального протеста была выхолощена, что вызвало весьма резкое неприятие со стороны Ю. М. Нагибина [см.: Вспоминая Юрия Нагибина, 2005].

Зрительское восприятие политизируется в определенном культурном и историческом контексте, советская зрелищность упорядочивает визуальные объекты, предназначенные для рассматривания. Тем самым возникает специфический визуальный язык эпохи, воплощаемый в изобразительном искусстве, в плакате, образном строе и стилистике кинематографа. Но смыслы, изначально заложенные в произведения их создателями, трансформируются, модулируются разными пользователями; акценты оптического восприятия, обусловленные контекстом, ускользают и сменяются новыми. Востребованные другими людьми и иными поколениями образы (и запечатленные на них люди и объекты) получают новую жизнь, их культурная биография продолжается, они становятся средствами постижения и конструирования мира, важной частью знания человека о себе по отношению к другим и социальной реальности. Так и произошло со многими «полочными» фильмами периода застоя.

Удушливый политический климат советского государства сформировал специфический социальный контракт между интеллигенцией и властью, в рамках которого режиссеры, художники, писатели должны были подтверждать свою благонадежность, участвуя в пропаганде режима, а государство в ответ создавало некоторые условия для профессиональной деятельности, освобождая их от тяжелой необходимости забот о хлебе насущном. Побочным

обстоятельством такой неусыпной заботы являлся столь же пристальный контроль над творческой интеллигенцией и периодические чистки в отношении тех, кто не выполнял условия данного социального контракта, проявляя чрезмерную независимость или нежелание оставаться бойцами идеологического фронта. Несмотря на этот контроль, в шестидесятые годы было снято много фильмов, ставших шедеврами не только отечественного, но и мирового кинематографа, преодолевающих идеологические ограничения и являющих примеры свободомыслия и человеческого достоинства. Как правило, такие работы ожидала непростая судьба. В некоторых из них фигурируют образы, вносящие новую тональность в галерею репрезентаций инвалидности.

Так, картина А. Тарковского «Андрей Рублев», работа над которой была завершена в 1967 г., была перемонтирована и фактически положена на полку, и по-настоящему фильм вышел в прокат в восстановленном виде только в 1987 г. Обращение режиссера в одной из новелл «Андрея Рублева» к образу Дурочки, бесхитроственному созданию, олицетворяющему чистоту, невинность и наивность русской души, является, по сути, классическим приемом использования символов национальной аутентичности. Образ блаженного или блаженной, божьих людей, лишенных разума, не заботящихся о личном благополучии, но награжденных божественной возможностью видеть и говорить то, что не дано нормальным, обычным людям, относится к числу наиболее популярных среди всех слоев населения в России на протяжении веков. Для Тарковского Дурочка не имеет личных качеств человека с инвалидностью, она стала метафорой, воплощением России — мятущейся, нелепой, делающей глупости, но вместе с тем невинной, тянущейся к красоте, обладающей истиной, закрытой для других, умных и рациональных.

Документальность как одна из характерных черт, проявившихся еще в период «оттепельного» кино, ярко проявляет себя в фильме «История Аси Клячиной, которая любила, да не вышла замуж» (А. Михалков-Кончаловский, Мосфильм, 1967), который вышел на экраны спустя 20 лет после его создания¹. Жизнь Аси-хромоножки,

¹ Официальных документов о запрете этого фильма не было, как и разрешений на прокат. Талантливую картину просто замолчали, и широкое признание к ней пришло двадцать лет спустя, когда фильм вышел на экраны [см.: Фомин, 1992].

снятые в стиле *cinéma vérité*¹ драматические монологи председателя колхоза — горбуна, искалеченного войной тракториста Прохора с культяпками пальцев на руке — это все нити, абсолютно органично вплетенные в текстуру этнографического, глубокого и проникновенного повествования о сельской повседневности (фото 1).

Здесь в художественный фильм вводятся «документально» снятые эпизоды: «неигровые фрагменты и монологи непрофессиональных актеров <...> звуковое пространство организуется при помощи введения в звуковую дорожку фильма нечетких обрывков разговоров» [Дашкова, 2008. С. 161], инструментальной музыки и пения непрофессиональных исполнителей; сам режиссер называл его сюрреалистической сказкой в хроникальной манере [А. Михалков-Кончаловский о фильме... 2007].

Фото. 1. Кадр из фильма «История Аси Клячиной...» Это реальные люди, а не выдуманные персонажи, они играли в этой картине вместе с профессиональными актерами

«Застой» подготовил медиализированный (с акцентом на науку и технику) взгляд на телесность и «собесовскую» трактовку инвалидности, что отчасти стало основанием современной парадигмы социальной политики, где инвалиды — это люди с ограниченными правами гражданства, рассматриваемые только как клиенты и пациенты. Подобная концепция непротиворечивым образом уживалась с устойчивым подходом к советской иконографии инвалидности, который базировался на принципе «кто не ра-

¹ *Cinéma vérité* — фр. «синема верите» — направление в киноискусстве, добивающееся документальной правды в художественном фильме.

ботаает, тот не ест» и воплощался в легитимности избирательного социального исключения. Общая подозрительность в отношении инвалидов как безответственных тунеядцев заметна в плакатах и кино вместе с традиционными коннотациями виктимизации, жалости и героизма.

Вместе с тем в обществе времен «застоя» прорастали, хотя и довольно эффективно затапывались, ростки правозащитного движения и гражданской инициативы инвалидов. В конце 1970-х гг. инициатор движения за права инвалидов Юрий Киселев создает Инициативную группу. История этой группы была яркой, но не долгой: ее лидеры активно работали до 1982 г., подвергаясь постоянным гонениям, притеснениям и арестам [Как это было... 2008; Фефелов, 1986; Raymond, 1989. Р. 236–237]. В официальных источниках подчеркивалось, что государство серьезно озабочено социальными проблемами инвалидов, тогда как активисты Инициативной группы осуществляли серьезную доказательную критику советской системы социального обеспечения.

Нормативный официальный дискурс, в том числе и визуальные репрезентации, колонизировали идентичности и социальный контекст жизни людей, но при этом многие советские люди, в их числе и инвалиды, оттачивали навыки использования официальных и неофициальных каналов для критики социального окружения. И пока государство продолжало представлять себя богатым и ответственным, заботливо ухаживающим за инвалидами, атмосфера протеста и освобождения формировалась в искусстве и литературе, в том числе и в самиздатовской. Более широко идея «прав» в дискурсе политики инвалидности проявила себя в годы перестройки, особенно в постсоветский период.

Инвалидность как обличение и бунт: перестроечное кино

Перестроечной волной сорвало многие официальные запреты, и на какое-то время показалось, что закрепившиеся в культуре табу и стереотипы можно поколебать. В обществе произошел подрыв доверия к догматическим моделям мироустройства, насаждавшимся пропагандой, образованием, другими агентами, распространявшими

ми нормативный взгляд на возможности и жизненные перспективы человека. В этот период происходит оживление репрессированных надежд и возможностей, в том числе и инвалидов; на краю культуры создаются репрезентации, продвигающие образцы инаковости, в частности в аспекте прав человека. Переменам в общественном мнении и взглядах правительства способствовало и международное влияние: Организация Объединенных Наций провозгласила 1981 год Годом инвалида, а период с 1983 по 1992 г. — Десятилетием инвалидов. Но убеждение в том, что инвалид должен иметь те же права, что и здоровый человек, пользоваться теми же благами, еще долго не находило должного законодательного закрепления и практической реализации. В 1986 г. в тамиздате выходит книга активиста движения инвалидов эмигранта Валерия Фефелова «В СССР инвалидов нет», содержащая резкую критику практик дискриминации людей с инвалидностью [Фефелов, 1986]. Непригодность транспорта и зданий для передвижения на коляске, неготовность большинства учебных заведений к работе с особыми учащимися, нежелание работодателей нанимать инвалидов, а подчас и обычная людская черствость способствовали тому, что социальное исключение процветало на всех уровнях общественной жизни. Чтобы направить политическую активность инвалидов под контроль и сделать их лояльными элементами сложившейся структуры, в 1988 г. при поддержке государства создается Московское городское общество инвалидов. Эта организация позиционировала себя в качестве выразителя интересов простых инвалидов и дистанцировалась от деятельности групп правозащитников [см.: Как это было, 2008]¹.

В киноискусстве возобладала обличительная тенденция: этому способствовали отмена цензуры и временная независимость творчества как от аппаратчиков, так и от рынка. Резкая критика советского общества как страшной Зоны, воплощаемой в таких знаковых объектах, как сумасшедшие дома, школы для умственно отсталых, колонии строгого режима [Матизен, 2004], в конце 1980-х в публицистике получила название «чернухи». Этот термин и до сих пор используется в осуждении тех художников,

¹ Отметим, что и до сих пор в стране фактически нет правозащитного движения инвалидов, за редким исключением общественные организации исключают эти вопросы из своей повестки дня.

которые, согласно широко распространенному сейчас мнению, рассказывая о тяготах и ужасах «правды жизни», эти кошмары и негативы сами-де и множили. Важно подчеркнуть, что именно в фильмах обличительной волны реалистичное изображение несправедливости, хаоса, страданий противопоставлялось так называемой лакировке. Инвалидность является топосом этой волны перестроечного кино, однако перестроечная эстетика фильмов об инвалидах имеет свои особенности. Многие авторы таких фильмов не просто стремятся документировать мрачные аспекты действительности — несправедливость, неравенство, жестокость режима, но пытаются продемонстрировать силу духа тех, кто был маргинализован и унижен системой, открывает страницы их повседневности, ранее не присутствовавшие в пространстве кинообразов социальной реальности.

За тот короткий период было снято довольно много документальных работ об инвалидах: в коллекции киноархива таких нашлось четырнадцать. И это не считая одиннадцати киноновостей и других документальных фильмов, где инвалиды упоминаются лишь мельком, в связи с новыми темами — реабилитацией негосударственной благотворительности и критикой в адрес государства, но воспроизводятся здесь и прежние клише государственной и коллективной заботы.

Тема инвалидности в период перестройки не просто становится более заметной — она звучит по-новому, приобретает новые смыслы в российской визуальной культуре. Речь уже не идет о воропаевых и маресьевых — культовых ветеранах-героях, которые после ранений и ампутаций не желали оставаться пенсионерами, а совершали боевые и трудовые подвиги. Растет поток сообщений о проблемах инвалидов в СССР; некоторые режиссеры обращаются к религиозному опыту переживания инвалидности («Рита и Лена», 1989), к творческим биографиям («Недописанный портрет. Люда Волковинская», 1990), создают яркие и бескомпромиссные картины общественной несправедливости и людской черствости («Остров Валаам», 1990), образы простых людей, добившихся многого, среди которых на экране появляются и женщины («Эржена», 1990), сравнительные исследования условий, в которых живут инвалиды разных стран («Проповедь о милосердии», 1990).

Создаются документальные фильмы и телепередачи («Мой дом — моя крепость», 1988) о тяготах жизни инвалидов среди ветеранов-«афганцев», плакаты (фото 2), несущие сообщение о несправедливом устройстве общества как причине страданий инвалидов, однако отнюдь не всегда в этих текстах инвалиды представлены субъектами права и собственного выбора. Так, на плакате О. Качер инвалид изображен в ожидании коляски, которая должна быть спроектирована и выдана ему на смену костылям, а проблемы доступности образования, занятости, условий отдыха и лечения, как видим, здесь не поднимаются.

Фото. 2. Художник О. Качер «Инвалиды больше не могут ждать». Плакат 1988. Инвалид изображен в ожидании коляски вместо костылей

Некоторые фильмы об активности инвалидов («Взгляд» 1987, «Поздний восход» 1990, «Сотвори себя», 1991) раскрывают достижения и внутренний мир спортсменов или художников среди инвалидов, однако и они, и ряд других работ по-прежнему используют знакомые паттерны, показывая «сентиментальную, пропитанную национальным духом агиографию героического страдальца.

Только железный человек может выжить, пройти через то, что ему довелось, оставаясь примером, вдохновляющим других à la герой-мученик» [Alaniz, 2007], подобно Корчагину, Мересьеву или Воропаеву¹. Помимо героики войны и труда в визуальном дискурсе звучат и обвинительные ноты, например, в антиалкогольных плакатах 1980-х гг. встречаются образы личной безответственности, которая показана причиной инвалидности и последующего социального исключения (фото 3).

Фото 3. Плакаты времен антиалкогольной кампании 1980-х гг. Инвалидность показана как личная вина

Появляются в художественных кинофильмах роли второго плана, созданные актерами с инвалидностью: в культовом фильме конца 1980-х «Асса» (С. Соловьев, СССР, 1987, прокат — 17,8 млн зрителей) низкорослые люди играют самих себя. Экзотичные, странные персонажи — «карлики», артисты театра лилипутов — появляются здесь наряду с представителями «альтернативной культуры», рок-музыкантами, бандитами в «заповедном мире снов», в котором живет герой фильма. Впрочем, необычные обстоятельства словно бы уравнивают всех: актер театра лилипутов, совсем не главный perso-

¹ Воропаев — нашедший себя в партийной работе фронтовик, «человек для всех» из романа «Счастье» П. Павленко (1947).

наж, переживает те же страсти, что и «большие» люди, он переживает трагедию и погибает, запутавшись в криминальной истории.

Необходимо отметить, что в киноязыке происходят ощутимые изменения, подобно тем, что подметила Т. Дашкова в отношении художественного кинематографа «оттепели»: на экране появляются неприкрытая, «неприкрашенная» повседневность и непарадные персонажи [Дашкова, 2008. С. 162], как, например, в документальных лентах «Каждый десятый» (Т. Юрина, ЦСДФ, 1988) и «Чья это боль?» (С. Валов, ЦНФ, 1988). В этих фильмах звучат яркие, хлесткие высказывания участников социального движения инвалидов, многие из них — инвалиды с детства, сполна вкусившие откровенную дискриминацию, правозащитники, поэты, общественные деятели (фото 4). Это и интервью с Геннадием Гуськовым о вмешательстве чиновников в его личную жизнь, об успехах его мастерской для инвалидов и препонах, которые ставит руководство («Чья эта боль?»); это и тезис Юрия Астахова о жизни «в виде исключения», и его рассказ о попытке трудоустроиться по специальности — редактором: «Вы нам подходите, но мы Вас не возьмем, так как Вы у нас будете отпугивать авторов»; и истории Геннадия Головатого о том, как при попытке попасть в ложу Большого театра он с семьей получил от администратора ответ: «Как инвалид? Это же Большой театр! Вы что, не понимаете, что это безнравственно?!», и циничные ответы чиновников Минсоцобеспечения на его же вопросы, почему у инвалидов с детства нет пенсии: «Это же принцип социализма — от каждого по способностям, каждому по труду», а на вопрос о том, что на Паралимпийских играх Советский Союз должны представлять инвалиды: «А у нас нет инвалидов» (интервью с Головатым в фильме «Каждый десятый»).

Такие острые социальные фильмы способствовали оформлению в общественном мнении новой метафоры инвалидности (образ, который был воплощен в реальной жизни людей несколькими десятилетиями ранее, но замалчивался) — это отстаивание прав инвалидов как социальной группы, обычных людей, а не суперкалек и несчастных сироток, прав на достойную жизнь, которая вовсе не обязательно обусловлена производительным трудом на благо отечества.

Фото 4. Инвалид с детства впервые появляется на перестроечном экране — и не как проситель помощи и жертва чиновников, а как глашатай, обвинитель, но одновременно и как обычный человек. Поэт Геннадий Головатый рассказывает о цинизме чиновников от «большого искусства» и соцобеспечения (кадр из фильма «Каждый десятый»)

Дети не были представлены в военной и трудовой героике советского дискурса об инвалидности и вообще не появлялись на экране вплоть до перестройки, если не считать документальных фильмов на медицинскую тематику (например, «Осень надежды», ЦСДФ, 1962; «Исследования на неразделившихся близнецах», Академия медицинских наук СССР, 1957). А вот в художественном фильме Аян Шахмалиевой «Это было у моря» (Ленфильм, 1989) детская инвалидность проблематизируется в контексте дефектов организации медицинской системы.

Героини фильма Шахмалиевой — юные воспитанницы интерната для детей с большим позвоночником, где они проходят обследование и лечение. Гимнастика, фиксирующие корсеты, ежевечерний обязательный просмотр программы «Время», всевозможные запреты, плотный неусыпный контроль... Интернат, как и любое другое закрытое учреждение, работает здесь как метафора несвободного общества с его жесткими категориями правильных и ненормальных, красоты и уродства, чистоты и опасности. И хотя в кадре исключительно привлекательные девочки-подростки, чьи проблемы становятся заметными лишь с надеванием на них медицинских приспособлений (фото 5), ребята из мореходного училища, приглашенные на танцы в интер-

нат, избегают своих сверстниц в специальных белых воротниках: «А что, у вас тут все в намордниках?»»

Фото 5. Кадр из фильма «Это было у моря»

Сын одного из работников интерната предпочитает дружить со «здоровыми» девочками: «Тут все несчастные, у них даже любовь в корсетах». Очевидно, мальчик транслирует мнение взрослых, которое слышит в семье. Как только его подружке надевают корсет, он теряет к ней всякий интерес. Воспитательница Зоя Григорьевна (Нина Русланова) — женщина с исковерканной судьбой (она сама в прошлом воспитанница этого интерната, и когда-то и ее письма вскрывали и читали) — даже не представляет, как еще можно взаимодействовать с детьми, кроме как запрещать, контролировать и выделять фаворитов. Она боится и ненавидит этих девочек, а те объединились вокруг своего яркого лидера Светы, они вырвались из-под контроля воспитательницы, называя ее «Дама-управление», и на какое-то время прониклись бунтарским перестроечным духом. Митингующая толпа детей раззадорена зажигательными стихами своей предводительницы:

Товарищи дети, вы все в ответе
За то, что творят воспитатели эти.
Как им не стыдно так издеваться, —
Знают, не смеете вы защищаться.
Хватит терпеть беззаконье и хамство,
Долой ненавистное нам тиранство!
Слез и жалости нам не надо,
Горбатые — на баррикады!

Кто-то из детей предлагает заменить слово «горбатые», но Света против: «Если бы чужие о нас так говорили — было бы обидно, а так — мы сами!» В потоке возмущений всплывает запретная тема: оказывается, директриса интерната — взяточница, ведь сюда трудно попасть, и некоторые семьи направления ждут годами, идут на жертвы: отец одной из девочек пошел воевать в Афганистан, чтобы получить нужное ребенку лечение. Апофеоз нарушения порядка — украсть у воспитательницы парик и водрузить его на голову каменного Ленина во дворе интерната. Несчастливая Зоя Григорьевна, воровато оглядываясь и извиняясь перед идолом-Ильичом, возвращает себе украденное достоинство, а наутро восстание рассыпается в прах в кабинете директора. Ведь многим девочкам все еще необходимо лечение, но теперь их отправят домой за плохое поведение. Приехавшая вскоре медицинская комиссия не удовлетворена прогрессом лечения у многих детей, и кто-то из персонала за кадром открывает зрителю особенности советской иерархии здравоохранения: «Это вам не санаторий четвертого управления, где бы вы кормили ребенка на 4 рубля, а не на 80 копеек, как мы. И условия были бы другие, и медикаменты, и аппаратура, и оборудование, и, извините, корпуса не дореволюционной постройки, без единственного ремонта. А персонал — наши няни не 10 детей ведь обслуживают, а 30–35. Какое качество может быть, о чем вы говорите...»

Захлебнувшееся восстание детей-инвалидов против медицинского учреждения как тотального института власти видится нам сегодня метафорой заката перестройки в целом и социального движения инвалидов в частности.

Разные коннотации сопровождали метафору инвалидности в длительном процессе оформления ценностной системы социализма, а затем карта визуального воображаемого стала перечерчиваться в соответствии с ориентирами рынка, новой бюрократии и движения за права человека. Постсоветское кино богато работами, которые пытаются отказаться от старых тропов инвалидности и сформулировать новую социальную и эстетическую категорию: это работы разные по режиссерской смелости, глубине проработки и смыслам образа инвалидности. В некоторых из них инвалидность — это сюжетобразующий элемент, в других — это эпизоды,

более или менее значимые. Появляются и сильные работы кинодокументалистов, в том числе демонстрируемые на фестивале «Кино без барьеров», который ежегодно проводит общественная организация «Перспектива». И хотя нередко авторы попадают в ловушку прежних и чрезвычайно устойчивых метафор, многие новые работы показывают, что инвалидность, наряду с другими формами физического отличия, стала полисемантическим визуальным означающим, открытым многочисленным поискам и сюжетным мотивам, ориентированным в более целостной гуманистической перспективе, — некоторые с энтузиазмом воспринимаемые самими инвалидами, а другие — отрицаемые.

* * *

В период перестройки в художественном и документальном кинематографе появились новые репрезентации инвалидности — уже не как метафоры преодоления и героизма, характерные для всей советской киноистории, а как символы протеста, свидетельства несправедливости общества и власти. Некоторые визуальные тексты, впрочем, по-прежнему использовали привычные паттерны, представляя агиографию героя-страдальца, виктимизируя инвалидность или показывая ее как личную вину. Но в целом перемены в образной системе были налицо. Критические эффекты работы нонконформистских писателей и режиссеров так называемых «полочных» фильмов, запрещенные цензурой «застоя», прорвались и объединились с потоком новой литературы, кинематографической и документальной продукции перестроечного периода. Более того, репрезентация инвалидности оказалась симптоматичной для изменения общественного самовосприятия во время перестройки. Тематизации инвалидности были характерны для топоса обличительной волны документального и художественного кино, которое вносило вклад в укрепление идентичности правозащитного движения инвалидов. Но пробуждающийся голос совести вскоре был заглушен уверенной поступью рынка и громкой риторикой новой бюрократии социального государства. Правозащитное движение инвалидов в современной России, время от времени заявляя о себе в процессах против корпораций, нарушающих права человека, или пиар-акциями солидарности, по-прежнему остается фрагментированным и неспособным выступить единой влиятельной силой. Пока отсутствуют социальные условия для создания таких

культурных продуктов, которые бы оказали сильное трансформирующее влияние на общественные установки в отношении инаковости, но постепенные сдвиги в образной системе все же происходят, в том числе благодаря экспортному и отечественному кино.

Список источников

Бергер А. Видеть — значит верить. Введение в зрительную коммуникацию. 2-е издание. М.: Издательский дом «Вильямс», 2005.

Вспоминая Юрия Нагибина // Журналист. 2005. Сентябрь. С. 92 // <http://www.journalist-virt.ru/mag.php?s=200509921>.

Дашкова Т. Границы частного в советских кинофильмах до и после 1956 года. Проблематизация переходного периода // СССР: Территория любви. М.: Новое издательство, 2008. С. 146–169.

Добренко Е. Политэкономия соцреализма. М.: Новое литературное обозрение, 2007.

Как это было. Очерки истории инвалидного движения в России и создания ВОИ. М.: Сопричастность, 1998./Цит. по: Как это было. Гл. III. Мифы и действительность // Индекс. Досье на цензуру. 2008. С. 197–213.

Матизен В. Другое кино // Искусство кино. 2004. № 5 // <http://www.kinoart.ru/magazine/05-2004/repertoire/matizen040504/>.

Михалков-Кончаловский А. о фильме // Киноканал «Культура». 2007. 20 августа // www.tvkultura.ru/news.html?id=45690&cid=1484-41k.

Орлова Г. «Карты для слепых»: политика и политизация зрения в сталинскую эпоху // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме/Под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М.: Вариант; ЦСПГИ, 2009.

Познер В. Советская кинохроника Второй мировой войны: новые источники, новые подходы // Очевидная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия. Челябинск: Каменный пояс, 2008. С. 35–54.

Ферро М. Кино и история // Вопросы истории. 1993. № 2. С. 47–57.

Фефелов В. А. В СССР инвалидов нет!.. London: OPI, 1986.

Фомин В. Н. Полка. М.: НИИК, 1992.

Ярская-Смирнова Е. Р., Романов П. В. «Коламбия Пикчерз не представляет...» Поэтика и политика кинорепрезентации инвалидности // Визуальные аспекты культуры/Под ред. В. Круткина. Ижевск: УдмГУ, 2006. С. 214–233.

Ярская-Смирнова Е. Р., Романов П. В. Герои и тунеядцы: иконография инвалидности в советском визуальном дискурсе // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме. М.: Вариант; ЦСПГИ, 2009.

Alaniz J. Cinema without Barriers. Disability in Russian Cinema: Some Tropes // Kinokultura № 16. 2007 // www.kinokultura.com/2007/16-alaniz.shtml.

Barnes C. Disabling Imagery and the Media: An Exploration of the Principles for Media Representations of Disabled People. Halifax: Ryburn, 1992.

Raymond P. D. Dissidence as disability: the Action group to defend the rights of the disabled in the USSR // The Disabled in the Soviet Union: Past and Present, Theory and Practice/Edited by William O. McCagg; Lewis Siegelbaum. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1989. P. 236–237.

Rieser R. Disabling Imagery: A teaching guide to disability and moving image media. BFI. Disability Equality in Education, 2004.

Елена Струкова, Москва

Независимая периодическая печать СССР (1985–1991): история и архивы

Нижняя хронологическая граница моего исследования обозначена 1985 г. Однако хорошо известен факт, что неофициальной датой возникновения независимой печати перестройки считается 1 августа 1987 г. Именно этот день обозначен на первом номере одного из самых стабильных изданий перестройки — бюллетеня «Экспресс-Хроника», издававшегося с 1987 по 1999 г. под редакцией Александра Подрабиника.

Тот же 1987 г. — начало выхода еще нескольких достаточно известных периодических изданий. Среди них следует в первую очередь упомянуть независимый общественно-политический журнал «Гласность», издававшийся под редакцией Сергея Григорьянца.

То, что именно в 1987 г. независимая печать становится заметным общественным явлением, связано в первую очередь с эволюционными процессами, происходившими в СССР.

Политика перестройки социализма, проводимая ЦК КПСС во главе с генеральным секретарем М. Горбачевым, реформы политической и экономической системы СССР подготовили основу для проведения политики гласности, которая в числе других, не менее важных реформ была провозглашена на январском пленуме ЦК КПСС 1987 г.

Но провозглашение политики гласности на первом этапе не должно было вести к традиционной, либеральной свободе слова. «Печать должна поддерживать гласность в стране, информировать наш народ. Но она должна это делать ответственно — такое пожелание мы высказываем. Не сбиваться на сенсации, на поиски “жареных фактов”. Нам нужна пресса — активная участница

перестройки», — говорится в заключительном слове М. Горбачева на январском пленуме ЦК КПСС 1987 г.¹

Выступления и статьи М. Горбачева, а также других руководителей КПСС и советского государства были восприняты представителями средств массовой информации как руководство к действию. Темы, еще недавно находившиеся под запретом, открыто излагались на страницах периодических изданий — «Московские новости», «Огонек», в телевизионных передачах «Взгляд», «Пятое колесо» и др. Массовые репрессии 1930–1950-х гг. в СССР, неизвестные страницы Гражданской и Великой Отечественной войн — вот только краткий перечень тем, появившихся на страницах периодических изданий и в телевизионных передачах. Практически одновременно с раскрытием запретных тем на страницах периодических изданий появляются публикации, в которых содержались критика командно-административной системы, требования отмены 6-й статьи Конституции СССР о руководящей роли КПСС и др.

В то же время уже в резолюции «О гласности» XIX партконференции говорилось о недопустимости «использования гласности в ущерб интересам Советского государства»². А в реальности «пресса выходит из-под контроля» — позже напишет экс-президент СССР М. Горбачев в воспоминаниях «Жизнь и реформы»³. Первоначально в понятие «гласность» вкладывалось всего лишь более широкое освещение событий партийной жизни⁴.

Но вернемся в начальный период 1985–1986 гг. Самиздатские журналы «выходят из подполья». Они начинают распространяться не только в узком кругу доверенных лиц. Начинается активный поиск единомышленников. Периодика новой волны, или, как часто называют это явление, «новый самиздат», разрывает рамки проверенного круга и начинает свободно распространяться в обществе.

¹ См.: Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. Т. 4. М., 1987. С. 359.

² XIX Всесоюзная конференция КПСС (Москва, 28 июня — 1 июля 1988) // КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов. Т. 15 (1985–1988). М., 1989. С. 651.

³ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. М., 1995. С. 324.

⁴ См.: «Первым актом гласности можно считать мою поездку в Ленинград в мае 1995 г. Выступление без всяких бумажек и предварительных консультаций с коллегами» // Там же. С. 315.

Но пока количество читателей невелико, техника изготовления — в основном печатная машинка, и общее количество названий выходящих в то время периодических изданий невелико. Абсолютно точную цифру, пожалуй, никто не сможет назвать, но количество, отраженное в опубликованных каталогах и справочниках, не превышает 50 наименований. Так, например, в коллекции Государственной публичной исторической библиотеки России есть шесть наименований изданий за 1985 г. и 17 — за 1986 г.

Основная тематика 1985–1986 гг. — литературно-художественные журналы. Здесь наибольшую известность получили так называемые ленинградские «толстые»: литературно-художественный «Митин Журнал» (издавался с 1985 г., под редакцией Д. Волчека), литературно-философский «Обводный Канал» (с 1980 г., под редакцией С. Стратоновского), литературно-публицистический и философский альманах «Часы» (с 1975 г., редактор — Б. Иванов).

К 1987 г. тематика изданий меняется. На смену литературным и публицистическим изданиям приходят общественно-политические. Наступает время журналов и бюллетеней общественных клубов. Политическая разногласия перестройки отражена на страницах независимой печати. Среди изданий, получивших наибольшую известность в этот период, — упоминавшиеся «Гласность» и «Экспресс-Хроника», журнал Федерации социалистических клубов «Левый поворот (Свидетель)» (редактор А. Гришин, 1987 г.), издание Социал-демократического клуба «В полный рост!» (редакторы Р. Астахов, В. Лившиц, 1987); религиозно-философские журналы «Бюллетень Христианской общественности» (редактор А. Огородников, 1987 г.), «Выбор» (В. Аксючиц и Г. Анищенко, 1987 г.), бюллетени студенческих объединений «Община» (историко-политический клуб Московского государственного педагогического института имени В. Ленина, 1987 г.), «Демократический университет» (Московский государственный университет, 1988 г.). За исключением ленинградского издания «В полный рост!», все перечисленные журналы выходят в Москве.

Следует отметить, что в этот период появляются журналы и бюллетени, издатели которых ориентируются на создание с помощью дискуссионного печатного органа политической организации.

Ярким примером являлось издание «Гражданское достоинство», выходившее в 1987 г. как «бюллетень одноименного общественного движения». С 1989 г. участники объединения стали издавать одноименную «конституционно-демократическую газету», ориентируясь на создание союза, а затем партии конституционных демократов.

В 1988 г. начинает выходить первое издание Демократического союза, организации, которая создавалась как партия оппозиции КПСС, — «Бюллетень ДС».

С 1988 г. начинается активная деятельность патриотических объединений. Многочисленные клубы, объединенные названиями «Память» или «Отечество», в основном выступали под лозунгами спасения историко-культурных памятников и возрождения православных традиций. Наибольшую известность получила деятельность Новосибирского клуба, благодаря широкому распространению своего журнала «Память» (Новосибирск, 1988 г.).

В целом количество периодических изданий было невелико. Собрание ГПИБ России насчитывает за 1987 г. 48 наименований. Резкое увеличение наблюдается в 1988 г. — 245 наименований.

И наконец, в период 1987–1988 гг. самими участниками предпринимается попытка зафиксировать и осмыслить происходящее в неформальном движении. Обзору деятельности неформалов и новостям общественного движения посвящены многие страницы таких изданий, как «Информационный бюллетень Информационного агентства СМОТ (ИАС)», «Экспресс-Хроника», «Хронограф» и др.

К этому же периоду относится создание профессиональных сообществ издателей, редакторов и журналистов, сотрудничающих в независимой печати. Речь идет о клубе независимой печати Александра Подрабиника и пресс-клубе «Гласность» Сергея Григорьянца. В 1988 г. создаются информационные структуры неформалов, в первую очередь библиотеки и социальные сети, однако наиболее яркий период их деятельности приходится на 1989 г.

Именно в этот период становится очевидным раскол советского общества на официальную жизнь и мир неформалов. Два мира

существуют рядом, соприкасаются между собой в повседневной жизни, но не являются единым целым. И если неформалы просто стараются как можно меньше принимать участие в официальной жизни страны, то официальные власти и средства массовой информации стараются не замечать деятельность неформалов.

Достаточно скудные сведения из периодических изданий, даже таких известных, как «Московские новости» или «Огонек», можно получить о деятельности неформальных общественных объединений. Неформалы, в свою очередь, тоже сознательно дистанцировались от официального мира. У них существовал свой менталитет, свой образ жизни.

Этот раскол в обществе был ликвидирован в 1989 г. — в первую очередь благодаря избирательной кампании по выборам народных депутатов СССР. Эти выборы стали первой реальной возможностью активного участия в политической жизни страны неформалов. Первый Съезд народных депутатов СССР, многотысячные митинги в поддержку народных избранников, в первую очередь членов Межрегиональной депутатской группы, последующие события 1990 г. (образование «Демократической России» и выборы народных депутатов РСФСР) обозначили период, иногда называемый «хождение неформалов во власть».

Именно политические события, происходившие в 1989–1990 гг., стали причиной активности неформалов и, как следствие, нового этапа в развитии независимой печати. В СССР происходит резкий рост количества неформальных изданий. По данным Исторической библиотеки, выходит 920 названий в 1989 г. и 1642 — в 1990-м. Среди этих периодических изданий весомая доля так называемых газет-однодневок, но это не важно: главное — вовлеченность общества в процесс публикации, тиражирования и распространения.

С середины 1988 г. на смену бюллетеням приходят газеты, отпечатанные на ксероксе, ротапринтере, а затем в типографиях Прибалтики и Белоруссии. С лета 1988 г. «Экспресс-Хронику», «Советскую моральку», «Свободное слово» и к концу года ряд прибалтийских изданий («Атмода», «Возрождение» и др.) можно было по воскресеньям получить в Москве на Пушкинской площади или на Гоголевском бульваре. В некоторых городах Советского Союза появи-

лись такие же центры обмена. Названия изданий свидетельствуют об этом: «Казанский собор» (Ленинград), «Тихвинская площадь» (Иркутск), «Вести с Театральной площади» (Степанакерт), «Пушкинская площадь» (Москва).

Как и во времена самиздата, в 1987–1988 гг. некоторые издания распространялись бесплатно, однако очень скоро на страницах изданий стало появляться сообщение о том, что газета или журнал распространяется за добровольное пожертвование, затем появились денежные выражения пожертвований. Несмотря на это, цены колебались в зависимости от места продажи.

Еще в конце 1988 г. на территории СССР начинают распространяться прибалтийские издания. В 1989 г. без этих изданий не обходится ни один демократический митинг.

Речь идет о выпусках на русском языке еженедельников Народного фронта Латвии «Атмода», а также «Согласие» и «Возрождение» литовского «Саюдиса». Эти издания были ориентированы на распространение по всей территории СССР, отражали общественно-политическую ситуацию в стране и печатались большими (для независимой прессы) тиражами в типографиях республиканских комитетов КПСС. Тираж отдельных номеров доходил до 30 000 экземпляров.

К началу 1989 г. под девизом народных фронтов Латвии, Литвы и Эстонии «За нашу и вашу свободу!» стали выходить издания в других регионах СССР, в первую очередь партии «Демократический союз».

Прибалтийские издания — еженедельные газеты «Атмода», «Возрождение» и «Согласие» — печатали на своих страницах информацию о деятельности новых общественных, т. н. «неформальных», движений в поддержку перестройки. Благодаря прибалтийским газетам десятки тысяч сторонников демократических реформ в СССР смогли получать информацию, резко отличавшуюся от той, которая присутствовала на страницах советской официальной прессы.

В то же время противники перестройки и распада СССР, в первую очередь участники интердвижений и интерфронтов в Прибал-

тике, не получили столь широкого доступа к типографиям. Эти периодические издания — «Вестник ИД (Интердвижения)» (Таллин), «Единство» (Клайпеда), «Единство» (Рига), «Интердвижение Литвы» (Вильнюс), «Трибуна» (Лиепая), «Голос Вильмы» (Вильнюс), «Единство» (Вильнюс), «Интердвижение Эстонии» (Таллин) — выпускались по мере накопления материалов и выходили, как правило, меньшим тиражом.

Кроме московских, прибалтийских изданий, на территории СССР активно распространялись ленинградские («Северо-Запад»), белорусские («Белорусская трибуна») и молдавские (приднестровские) («Бастующий Тирасполь») периодические издания.

Некоторые новые общественные организации имели широкую сеть периодических изданий в регионах. Характерный пример — издания партии «Демократический союз». Региональные отделения и многочисленные фракции ДС были самостоятельными организациями. Их деятельность не согласовывалась в обязательном порядке с руководством партии. Среди изданий Демократического союза — издания фракций: христианско-демократической («Причастие»), социал-демократической («Новая жизнь»), коммунистов-демократов («Призрак коммунизма», «Антитезис»), революционной («Утро России»). Широкую популярность приобрели листовки и газета «Личное мнение» колпинской издательской группы северо-западного отделения партии и т. д. Роль центрального печатного органа партии фактически выполняла газета Центрального региона «Свободное слово», которая издавалась в Москве.

Заметным явлением в 1989 г. становится периодическая печать клубов и объединений избирателей. Фактически за год агитационные листовки, объединенные в лучшем случае общим названием или подписью инициативной группы, стали известными периодическими изданиями. Именно так начиналась газета Московского (с осени 1990 г. — Всесоюзного) объединения избирателей «Хроника». В 1989 г. широкую известность также получили московские газеты «Голос избирателя», «Час мужества»; ленинградские — «Северо-Запад», «Невский курьер», «Репортер» и многие другие. Издание листовок, объединенных общим названием «Хроника», будущий редактор В. Миронов начал в период агитационной кампа-

нии в поддержку Б. Ельцина на выборах народных депутатов СССР в марте 1989 г. Содержание первых четырех листков «Хроники», вышедших в марте 1989 г., составляли обращения в защиту Б. Ельцина от критики МКГ КПСС. После победы Б. Ельцина на выборах В. Миронов не прекратил издание периодического листка. Главной темой «Хроники» стала деятельность Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета. На протяжении всего 1989 г. «Хроника» публикует стенографические отчеты о заседаниях, посвященных наиболее острым текущим проблемам.

Издание и распространение «Хроники» сыграли свою роль для победы блока «Демократическая Россия» на выборах народных депутатов РСФСР. В октябре 1990 г. создается одноименное движение.

Газета «Демократическая Россия», фактически ставшая органом одноименного движения, до 3-го номера была органом Демократической партии России. Отмежевавшись от партии вместе с ее полиграфической базой, газета стала первым массовым изданием оппозиции КПСС. К концу 1990 г. тираж газеты достиг 1 млн экземпляров — рекордной цифры для альтернативного периодического издания, тираж которого печатался в Москве. Главными редакторами стали известные публицисты Ю. Буртин и И. Клямкин, в состав редакционного совета вошли популярные общественные деятели — Е. Боннер, В. Буковский, Ю. Афанасьев, В. Селюнин, Г. Каспаров.

Газете «Демократическая Россия» удалось стать центральным изданием сторонников перестройки в первую очередь благодаря своей позиции по таким злободневным вопросам, как экономические реформы в СССР, выборы Президента РСФСР, поддержка сторонников Б. Ельцина в период августовских событий 1991 г.

Во второй половине 1991 г. происходит постепенный процесс распада СССР, завершившийся принятием Беловежских соглашений. Изменилась политическая ситуация. Победа демократической оппозиции во главе с первым президентом России была безоговорочной.

Заявляет о себе новая оппозиция — коммунистические и патриотические организации, возникшие после запрета на деятельность

КПСС. Начинаются первые митинги у Музея Ленина. Снижается активность демократического движения. Сокращается количество периодических изданий — фактически в 3 раза по сравнению с 1990 г. В каталогах Исторической библиотеки насчитывается 665 изданий.

На территории Советского Союза прекращается массовое распространение газет «Атмода» и «Согласие», а также «Балтийское время». Республики Прибалтики получили независимость, и распространять газеты на территории другого государства было нецелесообразно.

Новое Российское государство оставалось один на один со своими проблемами, в первую очередь экономическими, новой оппозицией, мощным противостоянием избранных демократическим путем парламента и президента. Итак, почему же независимая печать стала столь значимым явлением в советском обществе периода перестройки, которое нуждается в специальном изучении? Видимо, главное в том, что это была трибуна гласности для всех, для любого гражданина Советского Союза, который мог напечатать свое издание, размножить его и раздать за денежное пожертвование на митинге.

Несмотря на всю активную общественно-политическую деятельность неформалов и весомую роль независимой печати в жизни страны, законодательные акты, направленные на то, чтобы регулировать «вышедшую из-под контроля гласность», не работали. Достаточно сказать, что первый Закон о печати (июнь 1990 г.) никак не отразился на процессах, происходивших в неформальной прессе. Те, кто хотели, регистрировали свои издания. Остальные — нет.

Впрочем, процесс легализации оказался для многих неформальных изданий губительным, быстро прекратили существование некогда популярные издания — «Гражданское достоинство» (конституционно-демократической партии) и «Хроники» (Московского объединения избирателей).

В какой-то мере можно сказать, что граница гласности проходила по неформальной волне. Материалы на ранее запретные темы публиковались в «Огоньке», «Московских новостях», звучали в телевизионной программе «Взгляд». Но в неформальной

печати все было острее, злободневнее. Например, сопротивление тоталитаризму в СССР — безусловно, были публикации. Но о «ночкераском расстреле» писали неформалы. Преследование за инакомыслие — были публикации, но проблема карательной психиатрии — эти публикации в независимых изданиях. И, наконец, нельзя не упомянуть о секретных протоколах к «пакту Молотова — Риббентропа», опубликованных в единственном выпуске на русском языке литовского издания «Альманах».

Общий уровень независимых изданий, выполненных, как правило, непрофессиональными журналистами с целью донести до широкой общественности свое мнение, был значительно ниже уровня официальных изданий, в которых работали профессионалы.

Безусловно, в неформальной печати были талантливые и незаурядные авторы. Мне всегда нравилась редакторская работа Эдуарда Молчанова в «Свободном слове», Александра Морозова в «Параграфе», рисунки Ника Соболева в «Общине». Но к независимой печати надо относиться в первую очередь как к явлению общественно-политическому, а не литературному.

Независимая печать периода перестройки является явлением малоизученным, и об этом ярко свидетельствует тот факт, что до сих пор нет устоявшегося термина, обозначающего это уникальное явление.

Помимо наиболее распространенного наименования «независимая печать» используются другие обозначения, такие как «новый самиздат», «нетрадиционная», «неформальная», «несоветская», «квазилегитимная», «неподцензурная» пресса и др. В той или иной мере все эти обозначения имеют право на существование.

«Новый самиздат» — распространенный термин для обозначения прессы 1987–1991 гг. по аналогии с самиздатом 1960-х — первой половины 1980-х гг. Но, хотя отдельные издания выходят в самиздате и в настоящее время, как массовое явление он прекратил свое существование в 1987 г.

Название «неофициальная пресса» возникло по аналогии с существовавшей в то время «официальной советской прессой». Прес-

са служб знакомств, бесплатных объявлений, астрология, кроссворды, секс и другое входят в понятие «неофициальная пресса».

Устаревшими являются термины «неформальные издания» или «издания неформальных организаций». Поскольку употребление термина «неформалы» правомерно до начала 1989 г. и проведения избирательной кампании по выборам народных депутатов СССР, когда бывшие «неформалы» заявили о себе как о мощной силе, способной успешно конкурировать с КПСС.

Термин «нетрадиционная периодическая печать» часто встречается в библиографических исследованиях. Он был выбран для обозначения предмета исследования в связи с тем, что с начала своего появления периодическая печать, неподконтрольная государственной цензуре, была нетрадиционна для СССР. Именно с этим понятием связано название фонда нетрадиционной печати Государственной публичной исторической библиотеки России.

Термин «альтернативная» часто встречается в научных исследованиях. Он наиболее полно отражает взаимосвязь исследуемого предмета – периодической печати с процессом становления многопартийности и политического плюрализма в России.

Итак, существование столь различных точек зрения на характер изучаемого явления — альтернативной периодической печати — является подтверждением необходимости систематизации и всестороннего анализа этого уникального явления. Тем более что для исследований и проведения всестороннего анализа независимой печати существует достаточно полный корпус источников.

Еще в конце 1988 г. начинают складываться информационные центры (или социальные сети) неформалов. Одним из первых начинает свою деятельность Московское бюро информационного обмена (М-БИО). Важной задачей М-БИО становится сбор информации о деятельности неформалов в Советском Союзе. Безусловно, в процессе сбора этой информации в М-БИО поступали документы, периодическая печать, фотографии, публикации, связанные с той или иной неформальной группой. Таким образом, было собрано крупнейшее собрание документов и периодической печати 1988–

1991 г. С прекращением деятельности М-БИО и реорганизацией его в Институт гуманитарно-политических исследований (ИГПИ) регулярное поступление документов в архив прекратилось. В настоящее время коллекция периодических изданий хранится в библиотеке «Мемориала» (Москва). Большая часть собрания документов доступна в Архиве Института изучения Восточной Европы при Бременском университете (Германия). Периодические издания из фонда М-БИО в большой степени отражены в справочнике А. Суетнова «Самиздат»¹.

Московская независимая общественная библиотека (МНОБ) была создана также в 1988 г. как библиотека ряда общественных (неформальных) организаций, в том числе и М-БИО. Распорядителем фондов являлся Юрий Кушков. В 1992 г. между сотрудниками библиотеки произошел конфликт, в результате которого библиотека разделилась на две самостоятельные структуры. В настоящее время активную деятельность проводит МНОБ под руководством Д. Бродского. К сожалению, часть фонда, в том числе и периодических изданий, в настоящее время считается утраченной. В 1992 г. под эгидой Московской независимой общественной библиотеки был опубликован справочник «Московские коллекции самиздата»². Справочник включал в себя описание шести коллекций независимой периодической печати: МНОБ, Государственной публичной исторической библиотеки, Российской государственной библиотеки, Центра документации «Народный архив», Библиотеки неизданных рукописей (Гуманитарного фонда), Архива редакции «КонтрКульт`Ура». В справочнике содержится информация о 1387 периодических изданиях. Кроме них в список включен каталог периодических изданий из фонда Московской независимой общественной библиотеки, которые не вошли в сводный указатель независимой печати по формальным признакам. Это 729 названий.

По аналогии с Московской независимой общественной библиотекой в других городах в 1988–1989 гг. создаются независи-

¹ Суетнов А. Самиздат: Библиогр. указ. Ч. 1–2. М.: Архив нетрадиц. печати, 1992.

² Московские коллекции самиздата: Материалы к сводному каталогу самиздата и независимой печати/Сост. Е. Струкова, М. Паскалова, С. Соловьева. М.: Из глубин, 1992.

мые библиотеки. Наиболее крупным собранием являлась Санкт-Петербургская независимая общественная библиотека (СНОБ). Она была основана в мае 1989 г. активистами партии «Демократический союз». Руководитель библиотеки В. Григорьев подготовил на основе фондов библиотеки два выпуска сборника «Вольная русская печать»¹.

Коллекция периодических изданий из фонда СНОБ отражена в сводном каталоге коллекций Москвы и Санкт-Петербурга «Самиздат и новая политическая пресса»². Этот каталог размещен в электронном виде на интернет-странице Государственной публичной исторической библиотеки России. В настоящее время фонд СНОБ передан в Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб).

К сожалению, у нас мало сведений по истории независимых библиотек периода перестройки в регионах. В начале 2008 г. в библиотеку Петрозаводского государственного университета была передана коллекция Библиотеки Историко-литературного клуба (БИЛК), которая была образована в октябре 1988 г. и просуществовала до 1994 г. Кроме общеизвестных изданий коллекция независимой печати БИЛК включает в себя региональную периодическую печать, которая не была отражена в сводных каталогах коллекций Москвы и Санкт-Петербурга.

Богатый материал собран в библиотеках и архивах общества «Мемориал». В состав библиотеки историко-просветительского общества «Мемориал» входит коллекция независимой печати, отраженная в сводном каталоге коллекций самиздата и независимой печати. В составе архива НИЦ «Мемориал» (Санкт-Петербург) уникальная коллекция прессы перестройки, собранная социологом А. Алексеевым. С каталогом коллекции можно ознакомиться на странице НИЦ «Мемориал», материалы «Алексеевского архива» по состоянию на 1992 г. отражены в сводном каталоге коллекций самиздата.

Среди собраний, которые считаются утраченными, следует упомянуть о собрании периодических изданий Информационного

¹ Вольная русская печать. Вып. 1–2. СПб., 1991–1992.

² Самиздат и независимая политическая пресса: по материалам коллекций Москвы и Санкт-Петербурга/Сост. М. Паскалова, С. Соловьева, Е. Струкова, 1993.

агентства Свободного межпрофессионального общества трудящихся (ИАС). Материалы этой коллекции отражены в одном из первых справочников независимой печати «Самиздат России»¹. Информационное агентство СМОТ, как и М-БИО, собирало информацию о неформалах в СССР, однако в отличие от архива М-БИО являлось закрытой структурой даже для многих представителей неформального движения. Безусловно, эта ситуация сказалась и на составе документов, и на судьбе коллекции.

В настоящее время точно неизвестно место хранения Архива редакции журнала «КонтрКульт`Ура» (АРК). Архив периодических изданий советского, а затем российского музыкального андерграунда отражен в энциклопедии рок-самиздата «Золотое подполье»², который вышел под редакцией основателя и бессменного руководителя архива А. Кушнира. Коллекция периодических изданий АРК отражена в уже упоминавшемся сводном каталоге «Самиздат и новая политическая пресса».

Переданы на хранение в государственные архивы два уникальных московских собрания — Центр документации «Народный архив» и Архив информационного центра рабочего и профсоюзного движения «КАС-КОР».

Архив «КАС-КОР» включает в себя документы и периодическую печать независимых рабочих движений и профсоюзов периода перестройки. Коллекция периодической печати отражена в сводном каталоге «Самиздат и новая политическая пресса». В настоящее время собрание «КАС-КОР» хранится в Российском государственном архиве социально-политической истории.

Центр документации «Народный архив» был образован в 1988 г. в Российском государственном гуманитарном университете с целью собрать материалы, которые не поступают на хранение в государственные архивы. Кроме документов политических и общественных организаций, личных фондов, в архиве была собрана коллекция периодических изданий. Эта коллекция отражена в сводном каталоге. В 1998 г. был издан путеводитель по фондам

¹ Самиздат России // Информационный бюллетень ИАС. 1990. № 41. С. 1–61.

² Золотое подполье: Полная иллюстрированная энциклопедия Рок-самиздата. 1967–1994. Н. Новгород: Деком, 1994.

архива¹. По нашим сведениям, в настоящее время фонд передан в Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ).

Активную работу по формированию документальных фондов периода перестройки проводили государственные архивы, музеи и библиотеки. К сожалению, «неформалы» с недоверием относились к государственным учреждениям, и целенаправленное комплектование фондов смогли проводить очень немногие организации.

В то же время во многих российских архивах, особенно региональных, присутствуют материалы по истории независимых общественных объединений перестройки, в том числе и независимой печати.

Из известных музейных собраний, на наш взгляд, представляет интерес коллекция Государственного музея политической истории России (Санкт-Петербург). В каталоге документов из фондов музея отражена и независимая периодическая печать².

Собрания независимой печати из фондов Российской государственной библиотеки (РГБ) и Российской национальной библиотеки (РНБ) по состоянию на 1992 г. отражены в сводном каталоге. Кроме того, независимая периодическая печать из фондов РНБ отражена также в каталоге «Без цензуры»³.

И наконец, собрание независимой печати Государственной публичной исторической библиотеки России — крупнейшее в стране государственное собрание независимой печати перестройки. В 1987 г. в фонд Исторической библиотеки поступило уникальное собрание — Библиотека неизданных рукописей, известная также как Библиотека гуманитарного фонда. В настоящее время на интернет-странице Исторической библиотеки представлен упоминавшийся выше сводный каталог «Самиздат и новая политическая пресса», а также библиографический справочник «Новые

¹ Центр документации «Народный архив»: Справ. по фондам. М.: Б/и, 1998.

² Политическая Россия: партии и общественные движения. 1987–2002 гг. Каталог документов Кн. 1. 1987–1991 гг./Государственный музей политической истории России. СПб., 2002.

³ Без цензуры: периодика «самиздата» до и после распада СССР в фондах Российской национальной библиотеки/Сост.: А. С. Асватуров, М. А. Семенова. СПб., 1999.

политические партии и общественные организации России» — аннотированный указатель статей из 100 наиболее известных независимых периодических изданий, издававшихся до 1993 г. на территории России. Историческая библиотека также располагает коллекцией микрофиш «Независимая печать СССР», подготовленной на основе собраний ГПИБ и Московской независимой общественной библиотеки.

В настоящее время актуальной является задача систематизации и создания единого научно-справочного аппарата материалов, хранящихся в различных собраниях государственных и общественных организаций и — по возможности — в частных коллекциях. Данный проект следует планировать как международный, поскольку активное формирование коллекций независимой печати СССР осуществляли зарубежные исследовательские центры: в первую очередь Институт Восточной Европы при Бременском университете; Исследовательский институт Радио «Свобода» (в 1995 г. коллекция передана в архив Института «Открытое общество» (Open Society Archives (OSA) при Центральноевропейском университете в Будапеште); Библиотека современной международной документации (Париж — Нантер); Международный институт социальной истории (Амстердам); Библиотека Конгресса США и многие другие исследовательские организации.

В целом следует признать, что проблема создания единого справочного ресурса, посвященного документам перестройки, в том числе и независимой печати, является актуальной. Государственная публичная историческая библиотека России готова участвовать в работе по созданию единого информационного портала, посвященного истории и документальной базе перестройки.

Библиография

Без цензуры: периодика «самиздата» до и после распада СССР в фондах Российской национальной библиотеки/Сост. А. С. Асватуров, М. А. Семенова СПб., 1999.

Вольная русская печать. Вып. 1–2. СПб., 1991–1992.

Золотое подполье: Полная иллюстрированная энциклопедия Рок-самиздата. 1967–1994. Н. Новгород: Деком, 1994.

Московские коллекции самиздата: Материалы к сводному каталогу самиздата и независимой печати/Сост. Е. Струкова, М. Паскалова, С. Соловьева. М.: Из глубин, 1992.

Политическая Россия: партии и общественные движения. 1987–2002 гг. Каталог документов. Книга 1. 1987–1991 гг. // Государственный музей политической истории России. СПб., 2002.

Самиздат и независимая политическая пресса: по материалам коллекций Москвы и Санкт-Петербурга. М., 1993.

Самиздат России // Информационный бюллетень ИАС. 1990. № 41.

Суетнов А. Самиздат: Библиогр. указ. Ч. 1–2. М.: Архив нетрадиц. печати, 1992.

Центр документации «Народный архив»: Справ. по фондам. М., 1998.

Вячеслав Игрунов, Москва

М-БИО. Краткий очерк

Автор не является историком общественного движения в СССР и не предпринимал специальных изысканий по рассматриваемой теме, поэтому настоящую работу нельзя рассматривать как научную статью. Скорее ее надо воспринимать как один из источников для исследователя, поскольку она носит явно мемуарный характер. Желая сохранить неповторимый след персональных историй, я тем не менее прибегал к некоторым обобщениям, с которыми, возможно, не всегда согласятся те, кого они касаются. Для верификации этих обобщений необходимо было бы сравнить подходы автора с мнениями здравствующих сотрудников М-БИО, провести анализ текстов, прежде всего, документов М-БИО. Мемуары являются важным, но не всегда удовлетворительным источником. В своих действиях участники М-БИО руководствовались иногда ошибочными представлениями, ложность которых стала понятна только позднее (о себе я могу говорить с полной уверенностью), или совершали действия, последствия которых существенно отличались от ожиданий. Как правило, мемуаристы «исправляют» прошлое, так или иначе «корректируя» свои ошибки или придавая им современную мотивацию. Кроме того, большая часть членов М-БИО обладала слишком фрагментарной информацией о работе своей организации, что естественно, но особенно проявляется в связи с многоуровневым характером объединения. Часть участников описываемых событий имела не полную идентичность М-БИО, другие были участниками множества организаций одновременно и воспринимали свои действия достаточно синкретично. Вместе с тем неполнота информации, наряду с понятными мотивами, связанными с самооценкой и личными взаимоотношениями, накладывают отпечаток и на синхронные записи, и — в особенности — на мемуары. Все эти замечания в полной мере относятся и к данной работе.

Московское общественное бюро информационного обмена — М-БИО — известно как одно из самых активных общественных

объединений эпохи перестройки. Просуществовав почти ровно два года и приняв участие во множестве событий того времени, М-БИО стало родоначальником Института гуманитарно-политических исследований (ИГПИ) и Информационно-аналитического центра «Панорама», все еще существующих почти двадцать лет спустя. Короткая история М-БИО имеет не только продолжение, но и предысторию, без которой, наверное, трудно было бы понять и успех, и размах деятельности этой организации.

Предыстория

История М-БИО начинается 12 августа 1988 г., когда на собрании, в котором, кроме редакции газеты «Хронограф», приняли участие еще несколько неформалов, было принято решение о создании подразделения кооператива «Перспектива», занимающегося сбором информации о новых общественных объединениях и созданием соответствующей электронной базы данных. Такая возможность появилась после того, как Григорий Пельман¹, председатель КСИ, получил заказ от директора НИИ культуры Вадима Чурбанова. Для меня в те времена оставалось загадкой, почему именно нам, неформалам, был поручен этот проект, хотя в НИИ культуры Чур-

¹ Как бы не было значительно влияние корпоративных акторов, персональный вклад в развитие общественного движения отдельных людей колоссален. Пельман относится к тому разряду лидеров, чья роль была важнее роли многих объединений неформалов, известных благодаря работам исследователей гораздо больше, чем этот человек с неистощимой энергией и безграничной фантазией. Хотя Пельман известен почти исключительно как председатель КСИ, он чаще всего руководствовался собственной инициативой, стараясь присвокупить свои достижения к заслугам КСИ, и зачастую это было источником конфликтов: его противники справедливо замечали, что он действовал вовсе не в рамках корпоративных решений и его действия нельзя назвать иначе, чем авантюризм или самозванство. Заказ, полученный Пельманом у Чурбанова, является образцом такого авантюризма. Однако следует заметить, что большинство активных членов КСИ действовали аналогичным образом: проводя свои личные идеи, «ксишники» прикрывались зонтиком КСИ, иногда — задним числом — утверждая свои инициативы через совет КСИ. Впрочем, КСИ, в отличие от большинства неформальных клубов, был реально неформальным объединением: у меня не осталось никаких протоколов заседаний КСИ и, думаю, их никогда или почти никогда не было. На последней стадии существования КСИ, когда клуб фактически свелся к его совету, конфликтов вокруг самочинных инициатив не возникало. Каждый получил право пользования брендом для достижения своих целей. В итоге совокупность инициатив, окрашенных таким образом цветом КСИ, грандиозна, хотя сегодня связь многих проектов с зонтиком КСИ совершенно забыта.

банов собрал многих прекрасных исследователей с именами и степенями. Сейчас я уже не так удивляюсь этому факту¹.

Конечно, важную роль здесь играла личность Чурбанова, талантливой и довольно свободомыслящего человека, гонимого в прошлом, а вскоре ставшего членом ЦК КПСС. Но не меньшую роль играла репутация КСИ — Клуба социальных инициатив, от имени которого вел переговоры Григорий Пельман. Клуб социальных инициатив — первый публичный политический клуб эпохи перестройки. С первых же месяцев своего существования его члены начали выстраивать социальные сети. К лету 1988 г. списки контактов Пельмана охватывали большую часть Советского Союза и включали сотни людей и десятки общественных объединений. Выстраиванием социальных сетей в КСИ занимались едва ли не все, и между его участниками велась постоянная борьба за лидерство, в итоге которой к началу 1988 г. из клуба были вытеснены такие выдающиеся его члены, как Борис Кагарлицкий и Михаил Малютин, сыгравший важную роль в ключевом событии — всесоюзном съезде неформалов под названием «1-я информационная встреча-диалог: общественные инициативы в перестройке».

Думаю, клуб к этому времени существовал номинально, хотя еще функционировал совет клуба² из пяти человек: Пельман, Павловский, Игрунов, Золотарев и Корсетов, каждый из которых прямо или косвенно сыграл важную роль в истории М-БИО. По большому счету, все решения принимались тремя людьми — Павловским, Пельманом и Игруновым, хотя, несомненно, именно Павловский и Пельман связывали с этой структурой далеко идущие планы и были моторами в его работе. «Ложа П-2» — так

¹ Этот заказ был придуман нами в рамках Комиссии по новым общественным движениям при ССА, председателем которой был назначен Чурбанов, а я — ответственным секретарем. Сидели и думали, как, под каким формальным предлогом найти денег для неформалов и структурировать информационное пространство. В результате Чурбанову я предложил проект, а он придумал, как его сформулировать так, чтобы можно было дать денег и не слететь с должности, не потерять позиции. В целом роль этой комиссии со сверхкороткой жизнью чрезвычайно важна и никогда не описывалась. — Примечание Г. Пельмана.

² По мнению одного из членов первоначального совета клуба С. Агапова, такое положение сложилось еще раньше. См.: Агапов С. Кое-что о неформалах, «Перестройках» и игре в мяч // Интервью А. Пятковскому, 2005. (Сайт Igrunov.ru http://www.igrunov.ru/vin/vchk-vin-n_histor/remen/1134932186.html).

называли бывшие члены КСИ эту группу, в значительной степени потому, что своих результатов неразлучный тандем добивался при помощи интриг, которые в конце концов содействовали окончательному разрушению клуба. Впрочем, их оппоненты занимались тем же. Однако перед исчезновением КСИ удалось реализовать целую серию проектов, чье значение до сих пор остается мало оцененным.

Первые попытки создать координационный центр новых политических клубов были предприняты во время августовского съезда, так я позволю себе называть «встречу-диалог», поскольку официальное название было натужной попыткой придать «приличную» форму событию, которое некоторые из его организаторов рассматривали как учредительный съезд политического движения. Тогда Павловский учредил пресс-центр съезда, который задумывался им как зародыш постоянно действующей информационной структуры будущего движения, а также была создана Межклубная инициативная группа, призванная координировать совместные мероприятия московских политических клубов. Если работу Межклубной инициативной группы можно считать успешной (в тех условиях, в которых она существовала), то пресс-центр явно не смог достичь целей, к которым стремились его конструкторы.

Тем не менее потребность в бюллетене, посвященном развитию общественного движения, остро ощущалась его участниками. Но для выпуска газеты или журнала не хватало многого. Не хватало средств — как финансовых, так и технических. Не хватало авторов, корреспондентов, налаженных сетей. Но прежде всего не хватало опыта. В итоге проходил месяц за месяцем, а решения проблемы не находилось. Неожиданной находкой оказался маленький информационный листок «Молва», который его издатель и редактор Дмитрий Леонов называл журналом. Весь «журнал» представлял собой сложенный пополам лист бумаги формата А4, густо заполненный машинописным текстом с обеих сторон. Этот листочек шел нарасхват. Не могу точно сказать, когда он появился, но это случилось накануне раскола клуба «Перестройка».

Получив его, я вспомнил давнюю историю десятилетней давности. Тогда «Хроника текущих событий» выходила с большим запозданием из-за разросшегося объема и высокой требователь-

ности редакторов к точности информации. Вместе с тем «Хроника» уже стала «наркотиком» для диссидентов, и запаздывание сведений о состоянии общественного движения и всего, что с ним связано, воспринималось очень болезненно. Тогда я обратился к редакторам «Хроники» с предложением издавать «Листок ХТС», который, не претендуя на полноту описания истекшего периода, мог бы давать хотя бы краткую, но оперативную информацию по достоверным материалам. В России эта идея не смогла реализоваться, поскольку выпускать «Листок» можно было, только еще больше задерживая выпуск основной «Хроники». Однако Кронид Любарский, с которым мы много говорили об этой идее накануне его эмиграции, стал выпускать за рубежом такой листок, известный как «Вести из СССР». Это начинание имело огромный успех.

Мне пришло в голову, что ситуация, сложившаяся в общественном движении в 1987 г., была сходной с ситуацией 1977 г., и я предложил Леонову сделать его «Молву» маленьким экспресс-изданием для массового распространения. Я взялся тиражировать эту газету на компьютере, который был одним из самых важных ресурсов Григория Пельмана. Третий номер «Молвы» в новом оформлении вышел тиражом в 120 экземпляров, что по тому времени было довольно много. Достаточно сказать, что предыдущий, второй, номер вышел тиражом 28 экземпляров, а это было вдвое больше тиража первого номера. Однако по разным причинам четвертый номер пришлось ждать очень долго. Тиражирование газеты многократно повышало нагрузку на компьютер и принтер Пельмана, а потому, чтобы добиться разрешения использовать этот ресурс, необходим был амбициозный проект. Решение Межклубной инициативной группы, состоявшееся в феврале 1988 г., учредить два информационных органа — журнал, который вызвался редактировать Ю. Митюнов и который никогда не был реализован, и газету «Молва», которая с этого момента перестала быть частным начинанием, — дало достаточные основания Г. Пельману рассматривать «Молву» как приоритетный проект. В качестве редактора газеты был утвержден Леонов.

К сожалению, Леонов фактически не смог продолжить издание, и разногласия с ним привели меня к решению издавать параллельно газету «Хронограф», ориентирующуюся на формат

«Молвы». После долгих согласований в апреле было проведено совещание на квартире Пельмана, где я в то время обитал, куда были приглашены, кроме хозяина квартиры и владельца компьютера, Д. Леонов и В. Прибыловский, которого Леонов привлек к редактированию «Молвы», а также С. Митрохин и В. Писарева. Это и был начальный состав редакции «Хронографа». «Хронограф» сразу обрел популярность и стал самым массовым изданием того времени в среде неформалов. Хотя, конечно, он не мог идти ни в какое сравнение с лучшей газетой того времени — «Экспресс-хроникой» А. Подрабиника, но он тем не менее был посвящен новому общественному движению и имел гораздо большую аудиторию, чем диссидентская, по преимуществу «Экспресс-хроника». Небольшой объем «Хронографа» позволял не только ксерокопировать его, что было основной техникой размножения, но и перепечатывать на машинке. Такие экземпляры попадали к нам из других городов. Иронический стиль «Хронографа», совершенно не характерный для советской печати, оставил заметный след в журналистике. Явные следы влияния «Хронографа» можно обнаружить даже в таких маститых изданиях, как «Московский комсомолец» и «Коммерсантъ».

«Хронограф» стали искать, и через очень короткое время у нас образовалась довольно обширная сеть, поглощавшая сотни экземпляров газетки. Одновременно мы получили доступ и к самиздатским журналам, которые в 1988 г. стали появляться как грибы после дождя. Мой опыт библиотеки самиздата требовал безусловного сохранения каждого документа, каждой бумажки, порождаемой движением неформалов. Таким образом, мы к лету имели довольно большой архив «нового самиздата» и уже вырисовывавшуюся всеошную сеть участников новых политических клубов и движений.

К этому надо добавить и следующие соображения. КСИ был организатором заседания президиума правления Советской социологической ассоциации в октябре 1987 г., посвященной новым общественным движениям, и получил статус клуба при ССА АН СССР. Многие члены клуба получили удостоверения членов социологической ассоциации. Кроме того, именно на заседании КСИ в мае 1987 г. впервые прозвучала идея памятника жертвам сталинских

репрессий¹, и КСИ сделал довольно много для распространения и модификации этой идеи. К лету 1988 г. движение «Мемориал» приобрело всесоюзный размах и стало самым мощным общественным движением того времени, в котором ЦК КПСС видел зародыш альтернативной политической партии. КСИ сохранял довольно тесную связь с «Общиной», бурно развивавшей всесоюзную сеть и вскоре инициировавшей Конфедерацию анархо-синдикалистов.

Следует учесть также активность КСИ по объединению неформалов, которая в 1988 г. приняла довольно большой размах, — и благодаря работе в Социологической ассоциации, которой уделял огромное внимание Пельман, и благодаря Павловского и моей работе в бюллетене «Век XX и мир». Очень заметным был проект «Гражданское достоинство» Золотарева, а Корсетов ассоциировался с начатками независимого профсоюзного движения. Также осенью 1987 г. я стал проводить встречи активистов движения неформалов на частных квартирах, которые не требовали никаких формальностей, поскольку люди приглашались частным лицом на чаепития. В январе или феврале 1988 г. по инициативе социологов, участвовавших в этих чаепитиях, в НИИ культуры начал работать клуб лидеров общественных движений. Наконец, большое внимание мы уделяли диалогу неформалов и старых диссидентов, обеспечивали социологам возможность собирать материалы движения 1960–1970-х гг. и встречаться с активистами того времени.

Таким образом, у Чурбанова, на мой взгляд, были достаточные основания, чтобы поручить КСИ создание базы данных по общественному движению, начавшему набирать силу именно в это время. Надо сказать, что в то время мы — по крайней мере, это касается меня — недооценивали роль, которую играли в общественном движении.

Другим условием возникновения М-БИО оказалась идея создания социально-ориентированного кооператива. Собственно говоря, без такой структуры получение оплачиваемого заказа было бы

¹ С этой идеей и подписным листом выступал Ю. Самодуров. Первый раз Юра озвучил эту идею 9 мая на Волхонке около клуба Главпромстройматериалов, где мы проводили «культурные мероприятия», встречи и семинары КСИ. — Примечание Г. Пельмана.

маловероятным. Мысль о создании кооператива, который одновременно решал бы и организационные задачи движения, и приносил бы деньги для реализации этой цели, возникла у меня, Пельмана и Павловского практически синхронно. В июне — июле 1987 г. мы с Пельманом искали возможность создания политического клуба-кафе, пока не убедились в отсутствии доступных ресурсов для такого предприятия. Другие проекты каждый из нас планировал самостоятельно. Во время августовского съезда Павловский и В. Яковлев задумали кооператив «Факт» и информационное агентство «Постфактум». В сентябре неожиданно обнаружилось, что идея кооператива приблизительно одинаково видится всем троим. Шире других задачу ставил Павловский. Он говорил, что в условиях перестройки так меняется жизнь, что необходимо создавать институты адаптации советских граждан к новой реальности. Мне такая общая постановка вопроса казалась фантастической. Я имел гораздо более скромные амбиции и мыслил более традиционно.

Мне казалось, что необходимо создать самокупающийся центр, который бы занимался созданием социальных сетей, отбором лидеров, обеспечением роста их квалификации и подготовки к политической деятельности. Одной из важнейших целей я видел создание интеллектуальных центров, ориентированных на разработку концепций трансформации СССР — в экономической, социальной, интеллектуальной и политической сферах. Ближе к моей точке зрения была позиция Пельмана, который стремился к созданию центра влияния на происходящие процессы, стремился найти форму для повышения статуса той лидерской группы, к которой сам относился.

Так или иначе общее желание создать структуру, обеспечивающую реализацию собственных идей и стремлений, было налицо. Была достигнута договоренность о совместном проекте. И хотя этому проекту не суждено было реализоваться, возникли два параллельных кооператива: один — в сущности, частное предприятие Яковлева, кооператив «Факт», куда пошли работать Павловский и Золотарев; другой — «Перспектива», который возглавил член КСИ А. Беркович и куда пошли Пельман, Корсетов, я и еще ряд членов КСИ. Вот этот кооператив и стал площадкой, на которой

суждено было состояться Московскому общественному бюро информационного обмена¹.

О принципах работы М-БИО в историческом контексте

С самого начала работы М-БИО² его специфика определялась требованиями заказа. Впрочем, это ни в коей мере не расходилось с намерениями его основателей. Нам необходимо было получать по возможности полную информацию о возникновении и деятельности любых общественных организаций, возникших или активизировавшихся на волне перестройки. Для закупки документов этих организаций и движений в смете предусматривалась специальная статья. Вместо того чтобы тратить эти деньги по прямому назначению, мы решили использовать их на тиражирование «Хронографа», своеобразной «валюты». Поскольку «Хронограф» расходился все шире и шире, а в выходных данных указывались контактные телефоны, к нам устремилось немало неформалов со всех концов страны. И каждый привозил с собой собственные материалы — уставы, обращения, манифесты и даже газеты и журналы. Частично мы получали эти материалы в дар, частично — в обмен на но-

¹ Непосредственно подготовкой документов, уставом занимались я и Беркович. В списке видов деятельности были указаны разные направления культурно-научного характера, в т. ч. проведение социологических исследований. Разрешение на создание кооператива тогда принималось коллегиально на совете по кооперативам Мосгорисполкома. Возглавлял эту комиссию зампред искокома Ю. М. Лужков. Начинающие кооператоры приглашались защищать свои уставы и проекты на заседании комиссии во главе с Лужковым. Я должен был представлять наш устав и, конечно, здорово побаивался грозного Лужкова — и не зря. Ю. М. бегло просмотрел наш устав и увидел «страшные слова» о планах проведения социологических исследований в нашем кооперативе, на что он зычно запретительно прорычал: «Что это — кооперативы еще будут заниматься социологией?! Так и до политики дойдет! Этот пункт не допустим». Я испуганно подумал, что все — зарезали кооператив. Но все-таки наш вопрос был хорошо подготовлен изначально и «согласован» с тем же Юрием Михайловичем. Кооператив утвердили за номером 33. — Примечание Г. Пельмана.

² Это название стало употребляться, по-видимому, только весной 1989 г., после того как в Саратове по образцу московской структуры возникла аналогичная регионального масштаба с названием Бюро информационного обмена «Сфера» (БИО «Сфера»).

вые выпуски «Хронографа». «Хронограф» оказался более весомым платежным средством, чем деньги.

Но «Хронографа» для этой цели явно недоставало. Тем более что я вынужден был минимизировать свое участие в выпуске газеты, так как в самую активную фазу вступила борьба за создание движения «Мемориал» и определение его направленности. Одновременно проходили выборы на Съезд народных депутатов, и я активно участвовал в переговорном процессе. Кроме того, все выше вздымалась волна общественного движения, и народные фронты Прибалтики стимулировали проекты с аналогичными названиями в России. В июне 1988 г. я стал работать над созданием Высших социологических курсов при ССА АН СССР. Всем этим надо было заниматься, во всем участвовать, и регистрация фактов и собирание документов были лишь сопутствующей деятельностью. Времени на работу с «Хронографом» хронически не хватало. Газета почти перестала выходить, пока Прибыловский не решился взять на себя основную работу по ее редактированию.

Следующим шагом стала скупка «самиздатских»¹ журналов и газет для обмена на материалы организаций и движений. Наше финансирование помогало осуществлять тиражирование этих изданий, испытывавших постоянные трудности, и тем самым содействовало становлению и независимой журналистики, и возникновению новых связей, новых сфер распространения, становлению рынка неформальной печати. Особенно в этом нам помогли прибалтийские издания. Сначала это были «Вестники народного фронта» Эстонии, затем латвийская «Атмода» и литовское «Содействие». Первоначально мы закупали всего по несколько десятков экземпляров разных изданий. Но впоследствии, с начала 1989 г., закупать стали тысячи экземпляров «Атмоды» и «Содействия». К этому времени спрос на подобного рода литературу стал стремительно расти, и мы решили продавать эти газеты, чтобы торговая прибыль стала источником финансирования проекта, когда в конце 1988 г. был сдан отчет Чурбанову, а новый договор так

¹ Я ставлю это слово в кавычки, поскольку, на мой взгляд, оно неприменимо в данном случае (см. дискуссию об этом, например, в: Антология самиздата. М., 2004, а также: Струкова Е. Альтернативная периодическая печать в истории российской многопартийности. М. 2005. С. 11).

и не был реализован в связи с уходом Чурбанова на работу в ЦК КПСС. С этого момента к нам в М-БИО устремились десятки ходоков из разных концов страны за оптовыми закупками газет, и к 1990 г. мы распространяли, я думаю, не меньше 100 000 экземпляров газет ежемесячно.

Разумеется, это были не только балтийские издания разной тиражности. К январю появился первый выпуск «Ведомостей Мемориала» тиражом в 5000 экземпляров, и я немедленно отпечатал еще 5000 у Пятраса Вайтекунаса¹ в Вильнюсе, у которого до этого мы набирали для своей коллекции малотиражные издания, не только литовские. Затем появилось множество региональных газет, не говоря уже о московских изданиях, таких как газета «Хроника», журнал «Община». Многие газеты печатались при организационной поддержке М-БИО. К нам привозили макеты газет из Тамбова или Новокузнецка, Донецка или Саратова, а мы отвозили их в Литву или Латвию. Готовые тиражи, которые, как правило, составляли порядка 5000 экземпляров, завозились в М-БИО, где их и забирали заказчики. Со временем, когда у литовцев пропал страх перед репрессиями, мы стали направлять издателей напрямую в балтийские типографии. Один из таких издателей, Вадим Михайлов, редактор тамбовского «Содействия», изначально издававшегося фотоспособом, даже осел на некоторое время в Литве, включившись в работу вильнюсского «Согласия» и поддерживая в тесном сотрудничестве с нами печать российских газет.

Здесь надо бы сказать о той особой роли, которую сыграл Пятрас Вайтекунас в становлении новой печати в СССР. Познакомились мы с ним осенью 1988 г. в Вильнюсе, а уже в ноябре он был в М-БИО и предложил нам выпустить массовым тиражом — скажем, десять — двадцать тысяч экземпляров — русскую демократическую газету, которую сам и профинансирует². Единственным и неременным его условием было объединение всех демократов в этом издании. Мне было очевидно, что добиться этого невозможно. Я редактировал

¹ Petras Vaitiekūnas — в 2006–2008 гг. министр иностранных дел Литвы.

² Верховский А. Краткие заметки о возникновении и начальной истории «Панорамы» // «Панорама». № 50. 2002. Декабрь (электронная версия: <http://www.panorama.ru/gazeta/p50shu.html>); Шубин А. «Община» в 1987–1988 гг. // «Панорама». № 45. 2000. Декабрь (электронная версия: <http://www.panorama.ru/gazeta/p45obsh.html>).

тогда «Ведомости Мемориала» и видел, что даже близкие по ориентациям мемориальцы не всегда соглашались оказаться на одних страницах друг с другом. Да и драматическая подготовка к учредительному съезду «Мемориала» находилась в то время в самой острой фазе. Я фактически руководил подготовкой всесоюзного съезда как раз в то время, когда большинство лидеров полагали, что съезд не состоится, и одновременно готовил выпуск «Ведомостей Мемориала». Сил на еще одно проблематичное издание просто не было. И я отказался. Однако Анатолий Папп, один из основных сотрудников М-БИО, который был уверен, что такое издание возможно, предложил объединиться с анархистами из «Общины» для издания такой газеты. К моему удивлению, Вайтекунас согласился, несмотря на то, что было очевидно: ни Афанасьева, ни Сахарова, ни Старовойтовой, которых так хотел видеть Пятрас среди авторов газеты, там не будет. И «Независимый вестник», который был подготовлен несколькими группками неформалов, в основном «Общиной» и «Гражданским достоинством», вышел в декабре 1988 г. Пусть не тиражом в двадцать или даже десять тысяч экземпляров, но только пять или даже меньше (тираж печатался двумя заводами), однако для неподцензурного издания это был самый массовый тираж того времени. Для такого тиража и такой газеты еще не было спроса, и желтые пачки газет пролежали у нас еще несколько месяцев вместе с пачками «Ведомостей Мемориала». Да и сама газета оказалась не того уровня, который ждал от нее Вайтекунас, и продолжения она не имела. Но стало ясно, что в Литве можно печатать огромные тиражи и наших собственных газет. С этого момента Прибалтика стала всесоюзной типографией, а М-БИО — посреднической и транспортной конторой. Хочу, впрочем, подчеркнуть, что наша работа ни в какой мере не оплачивалась. Напротив, мы сами иногда оказывали небольшую материальную помощь региональным издателям и редакторам.

К марту 1989 г. поток информации в М-БИО стал настолько высок, что было решено издавать собственную газету. Александр Морозов, занимавшийся в М-БИО выпуском бюллетеня новостей, был главным инициатором этого проекта. Его идея назвать газету «Новая политика» (первоначально — «Вторая политика») вполне соответствовала замыслу, и мы не сомневались, что такая газета может иметь успех. В это же время группа участников «Гражданского до-

стоинства» из-за разногласий с Золотаревым решила издавать свою газету, «Панорама», и Анатолий Папп предложил объединить проекты, так как группа А. Верховского не могла опираться на такую информационную сеть, как М-БИО, и безусловно проигрывала бы «Новой политике». В апреле вышел первый номер газеты «Панорама», которая стала довольно популярной уже в 1989 г. и в нашей референтной группе — в среде московской интеллигенции — считалась лучшей политической газетой того времени. Даже выход «Коммерсанта» не слишком подорвал ее позиции. Только появление «Независимой газеты» сделало «Панораму» маргинальным изданием. К сожалению, в М-БИО не было менеджеров-рыночников, и мы не использовали определенный гандикап для освоения информационного рынка, напротив, действовали наперекор рыночной конъюнктуре, ориентируясь на идеалистические ценности. Это послужило одним из оснований для раскола в М-БИО. Но в течение года «Панорама» была одним из важнейших инструментов в достижении целей М-БИО.

В связи с этим кратко следует остановиться на меркантильной стороне дела.

С самого начала работы М-БИО зарплаты сотрудников были чрезвычайно скромными. Достаточно сказать, что они были в 5–10 раз ниже зарплат остальных сотрудников кооператива «Перспектива». Основатели рассматривали свою работу как служение и рады были довольствоваться минимумом; прежде их общественная работа не оплачивалась вовсе. В условиях выхода из подполья получение денег за общественную активность казалось вообще странным и удивительным. Прежде, напротив, приходилось тратить на эту деятельность скудные личные средства, которых едва хватало на жизнь.

Разумеется, в нашей воле было установить более солидные оклады (скажем, не 70–100 рублей, а 150–160), но тогда необходимо было сократить число сотрудников, ограничить свою деятельность непосредственно выполнением заказа и прежде всего отказаться от основной статьи расходов — командировок. Для нас же было важно создать информационный центр, который работал бы на развитие общественного движения и шире — на трансформацию общественной системы. Поэтому в начале работы над про-

ектом Чурбанова мы договорились, что не рассматриваем свою работу преимущественно как источник дохода. Тот, кто особенно нуждался в средствах, должен был иметь дополнительный заработок (стипендия, зарплата сторожа и т. д.).

Однако эта старая диссидентская психология становилась анахронизмом. Весной 1989 г. возник конфликт. М. Мейер и Т. Титова требовали превращения М-БИО в коммерческую структуру и даже пытались произвести смену руководителя. Тогда стремление коммерциализировать деятельность организации было отвергнуто общим собранием, несмотря на отсутствие ключевых участников проекта, однако впоследствии эта тема поднималась неоднократно и в 1990 г. стала одной из причин, приведших к разделу М-БИО на три отдельные структуры. Наиболее коммерциализированная группа СЕН¹, финансируемая главным образом агентством «Постфактум», вскоре прекратила свое существование. Информационно-издательская группа «Панорама», напротив, в течение нескольких лет успешно существовала на рынке, пока изменившаяся конъюнктура не вынудила ее перейти на систему грантового обеспечения. ИГПИ (Институт гуманитарно-политических исследований), ориентированный с самого начала на благотворительные пожертвования и поддержку кооператива «Перспектива», в конечном итоге вынужден был создать собственную коммерческую службу, которая просуществовала вплоть до 2000 г.

Если смотреть на проблему с высоты сегодняшнего дня, жесткая стратегия на отказ от коммерциализации кажется ошибочной. Имея огромную сеть получения и распространения информации, М-БИО в течение 1989 и отчасти 1990 г. могло бы накопить достаточно средств для создания крупного альтернативного информ-агентства или, по крайней мере, успешной политической газеты, не отказываясь от иных социальных функций. Время для реализации такой стратегии было чрезвычайно коротко, и надо было обладать специальными навыками, чтобы воспользоваться благоприятными обстоятельствами. Никто из сотрудников М-БИО такими навыками не обладал. Идеалистическая система ценностей оказа-

¹ О Службе ежедневных новостей см.: Александр Морозов об истории М-БИО и газеты «Панорама» // Интервью. 1992. Сайт Igrunov.ru: http://www.igrunov.ru/vin/vchk-vin-n_histor/doc/vchk-vin-n_histor-morozov.html.

лась слишком жесткой перед лицом наступающей рыночной эпохи, и конец М-БИО был вполне закономерен.

Одним из важных стимулов для сдачи документов в М-БИО был открытый характер архивов. С самого начала было решено, что архивы собираются не для отчета перед НИИ культуры и никогда туда не будут сданы, а сделаются общедоступным фондом для участников движения, исследователей, журналистов.

Уже в 1989 г. этот принцип подвергся испытанию. Весной сотрудники института начали обнаруживать пропажи наиболее ценных документов. Возникла идея ограничивать доступ к документации для посторонних пользователей. Мной предлагалось выдавать документы читателям, как это делается в библиотеках и архивах, по карточкам, а в папках оставлять описи их содержимого. Категорическим противником такого подхода оказался Владимир Прибыловский, который считал, что любое ограничение доступа обесценивает работу М-БИО, а контроль выдачи попросту некому осуществлять. Этот последний довод не был лишен резона, поскольку постоянно в офисе работали только секретари, а они настолько неотрывно находились у телефона, что заниматься скрупулезной проверкой содержимого папок просто не смогли бы. Да и исследователи, постоянно пополнявшие сотни папок, не имели навыков архивных работников — описи или попросту не велись, или велись крайне неаккуратно. Система выдачи материалов осталась без изменений.

Однако проблема исчезновения документов подстегнула работу по учету и систематизации поступающих материалов. Этой работой стали заниматься Е. Струкова и М. Паскалова. Система учета, созданная ими, сохранялась в общих чертах на протяжении всего времени существования Архива М-БИО¹. Необходимость атрибутирования материалов содействовала росту квалификации исследователей, из которых только один — Прибыловский — обладал профессиональной подготовкой.

М-БИО не был структурой, отделенной от других объединений того времени. Мы активно участвовали в общественной жизни, хотя лишь изредка, да и то только на позднем этапе существова-

¹ Струкова Е. Архив М-БИО// Сайт ИГПИ (<http://igpi.ru/history/1243139088.html>).

ния, использовали самоназвание в качестве идентификатора. Почти каждый из нас состоял в одной или нескольких организациях неформалов. Более того, подбор сотрудников по преимуществу велся среди неформалов. Участие в активной организации рассматривалось как неоспоримое достоинство. И каждый сотрудник М-БИО занимался описанием деятельности и собиранием документов своей организации и организаций ее круга. Таким образом, включенное наблюдение было едва ли не основной формой изучения деятельности неформалов. Однако термин «включенное наблюдение» не точен. Гораздо точнее определение А. Алексеева — «наблюдающее участие». Участие, очень активное участие, с продвижением идей, в какой-то мере формировавшихся в М-БИО, — вот характерная черта «исследовательской» работы этой структуры.

О целях и достижениях

1

Как уже было выше сказано, первоначально публичной целью деятельности М-БИО было создание электронной базы данных о новых общественных организациях (неформалах), их программах, целях, форме деятельности. Поскольку средства для этой работы были выделены государством, у нас не было никаких сомнений, что подобная информация может быть использована партийными органами для контроля за деятельностью неформалов и давления на них. Многие радикалы — это прежде всего относится к бывшим диссидентам — полагали, что М-БИО выступает в роли зубатовской организации при современной охране, КГБ¹. Такое мнение в значительной степени, особенно на первых порах, затрудняло сбор информации. Однако это затруднение вскоре было преодолено.

Во-первых, неформалы в гораздо меньшей степени, чем диссиденты, были заражены фобиями, их открытость была не вызовом режиму, а естественной формой деятельности, поэтому, как правило, они не скрывали ни своих целей, ни численности (напротив, большинство групп старались завязать свою численность, и опре-

¹ Нехорошев Г. Пенсионеры движения политконсультирования. От Павловского до Сатарова // «Политический журнал». 2003. Декабрь. «Олигархи списков» (электронную версию см.: http://compromat.ru/page_14190.htm).

деление реальных значений было самостоятельной задачей). Более того, распространение информации о своей организации воспринималось большинством неформалов как услуга, помощь в ее деятельности, и это способствовало передаче в М-БИО материалов и сведений. Во-вторых, организаторы М-БИО всерьез относились к горбачевской перестройке, полагая, что это не коварные показательные перемены, направленные на укрепление коммунистической диктатуры, как это представлялось большинству диссидентов. Поэтому задача заключалась не столько в том, чтобы дать реформирующейся власти дополнительный источник информации о процессах, происходящих в обществе, обходящий фильтры партийной бюрократии и КГБ, сколько в том, чтобы создать для самого общества информационную сеть, позволяющую консолидироваться новому общественному движению, облегчающую координацию действий родственных общественных групп. Разумеется, мы сразу договорились, что предаем гласности только часть информации — ту, которая является широко распространенной или на обнародование которой мы имели прямое согласие акторов.

При этом, поскольку для меня построение плюралистического общества было естественной целью, а сотрудники М-БИО были чрезвычайно толерантными людьми, мы оказывали помощь самым разнообразным группам, за исключением радикальных националистов. Впрочем, для любых националистов мы были не только чужаками, но и враждебной организацией, поэтому сбор информации об этих течениях в общественном движении был для нас затруднен, хотя В. Прибыловский был наиболее информированным специалистом, если говорить о русском «патриотическом» движении. Разумеется, мне как участнику КСИ или «Перестройки-88» естественно было выступать против анархо-социалистических групп или народных фронтов националистически-социалистической направленности, но это не мешало М-БИО содействовать созданию СДА (Социал-демократической ассоциации), а мне — даже принимать активное участие в учредительном съезде СДПР, несмотря на статус гостя. Анархисты и социалисты разного рода были постоянными посетителями М-БИО, получали необходимые справки, контакты близких групп. Журнал «Община» получал некоторую техническую поддержку с нашей стороны и довольно широко распространялся по нашим каналам.

2

Функционирование открытого собрания материалов неформалов и помощь в распространении «самиздата», естественно, провоцировали и спрос на литературу предшествовавшего периода — самиздат классический. Просветительская функция была совершенно естественна для М-БИО, а в какой-то мере была даже мечтой для меня, поскольку именно такой деятельностью я занимался в 1960–1970-е гг. Да и без серьезного просвещения и образования нельзя было рассчитывать на появление компетентных исследователей, а тем более квалифицированных общественных и политических деятелей. Внутренние семинары М-БИО стали регулярными в 1989 г. и продолжались позднее в рамках ИГПИ. Правда, их уровень — в свете моих амбиций — не мог быть назван удовлетворительным. Но создавать просветительский центр в рамках кооператива «Перспектива» не было решительно никакой возможности.

Во-первых, даже формирование фонда неподцензурной литературы в то время все еще было прямым вызовом советской власти. Кооператив же всецело зависел от благорасположения этой власти, и его бизнес мог быть сильно ограничен, если и вообще не сведен к нулю. Помимо коммерческих целей, у кооператива была задача развивать новые формы хозяйственной и общественной деятельности¹, которая не могла быть реализована в условиях столкновения с властными органами. К тому же никто из кооператоров не желал своей общественной позицией подрывать возможности своего экономического благополучия.

Тот уровень социальной активности, который отличал «Перспективу» от других организаций — и общественных, а тем более коммерческих, — вызывал тревогу у части его основателей. А. Беркович, председатель «Перспективы», например, возражал против открытия нашего подразделения и моего включения в члены кооператива до тех пор, пока мы не получим реального заказа, и только

¹ Например, кооператив сделал многое для объединения кооператоров на разных уровнях, а также для создания системы подготовки кооператоров. В противоположность кооперативу «Факт», зарабатывавшему на продаже пакетов нормативных документов, школа кооператоров, инициированная «Перспективой», носила совершенно некоммерческий характер. Несмотря на стремление к солидному заработку, в период председательства А. Берковича большинство членов кооператива считало общественное служение или приоритетным для себя, или, по крайней мере, важным.

договор с Чурбановым сделал возможным существование М-БИО. После прекращения договора — а второй договор, хотя и был подписан, не был реализован в связи с уходом Чурбанова на работу в ЦК КПСС — перед Берковичем возникла проблема нашего существования. С одной стороны, осенью 1988 г. я был объявлен в розыск¹, и Берковичу приходилось объясняться с представителями МВД, а с другой стороны, политика властей по отношению к общественному движению, к свободе печати носила непредсказуемый, спазматический характер, и рисковать существованием кооператива было, по крайней мере, не очевидно оправданно.

Беркович нашел блестящий выход из положения. Он провел заседание кооператива с приглашением известных социологов, которым было выдано задание оценить научную ценность работы исследовательского отделения². Поскольку я довольно критически относился к научному уровню нашей деятельности, то воспринимал замысел Берковича³ как попытку закрыть обузивший кооператив

¹ В связи с участием в митингах ДС меня задерживали и судили, несмотря на удостоверение корреспондента «Века XX и мира». Мое поведение на суде привело к оправданию ряда участников, но зато мое собственное дело было отложено. Через некоторое время выяснилось, что я нахожусь на психиатрическом учете, и появилась реальная возможность депортировать меня в Одессу по месту прописки. Но если в августе 1987 г. я в превентивном порядке сам уехал из Москвы, то в условиях подготовки съезда «Мемориала», а затем выборов народных депутатов я не считал возможным покинуть столицу даже на короткое время и, естественно, долго не жил в одном и том же месте. Поэтому поиски несколько затянулись — ими занималось не КГБ, а менее заинтересованное или менее квалифицированное МВД — и прекратились только после того, как я фактически дирижировал митингом в Лужниках.

² Напомню, что структура имела две ипостаси — отдел социальных проектов НТК «Перспектива» и М-БИО, никак юридически не связанные. Напротив, во многих случаях М-БИО приходилось отмежевываться от кооператива, а кооперативу — от М-БИО. Постоянно с М-БИО сотрудничало несравненно больше людей, чем числится в подразделении кооператива, и то, что было предметом конструирования М-БИО, было всего лишь объектом изучения отдела социальных проектов.

³ Я стал членом КСИ на поздней стадии его развития, когда Беркович в его деятельности участия не принимал. Будучи для Пельмана естественным партнером (и, как отметил Пельман, ближайшим другом), он в моих глазах выглядел «чертиком из табакерки». Я недоумевал, почему Пельман сам не стал председателем кооператива, когда получил карт-бланш от инициативной группы на его регистрацию. Однако со временем понял, насколько блестящим был этот выбор председателя КСИ: Беркович сумел не только обеспечить прекрасное функционирование кооператива как хозяйствующего субъекта, но и сохранил очень высокую степень идеализма в его деятельности.

«штаб неформалов». Однако неожиданные для меня блестящие отзывы Г. Ракитской, А. Назимовой и Л. Гордона не только позволили продлить существование М-БИО в помещении кооператива, но спровоцировали решение о выделении кооперативом средств на поддержание работы собственного отделения, которое «создало положительный образ» «Перспективе» и было оценено специалистами как вклад в государственную политику перестройки. Надо сказать, что зарплаты сотрудников с этого момента даже выросли, и это было важное в психологическом отношении решение членов кооператива. Позднее вторым членом кооператива из нашего отдела по моей рекомендации стал С. Митрохин: это также нетривиальное решение, если учесть, что наше подразделение в это время не зарабатывало денег, а только тратило их. Правда, я сыграл важную роль в оформлении самой крупной сделки кооператива того времени, и это было оценено. Следует также подчеркнуть, что во всех этих действиях немалая роль принадлежала «повивальной бабке» М-БИО Григорию Пельману.

Поскольку давление МВД на кооператив продолжалось, колебания относительно нашей работы сохранялись вплоть до конца мая 1989 г. Со стороны руководства кооператива нам даже предлагали снять отдельное помещение, но смена адреса в тот момент, когда М-БИО стал центром подготовки к массовому митингу в Лужниках 25 мая¹, была явно неприемлема. А после митинга все претензии ко мне со стороны властей ушли в прошлое. Однако даже в апреле — мае такой ход событий не казался очевидным. Во время весеннего давления на прессу нам даже пришлось отказать от формулировки на титульном листе газеты «Панорама»: «Издается Московским общественным бюро информационного обмена»². Тем более не могла идти речь о создании на базе кооператива постоянно действующего просветительского центра для неформалов.

¹ См. подробнее об этом в материалах, посвященных митингу в Лужниках, на сайте Igrunov.ru: http://www.igrunov.ru/vin/vchk-vin-n_histor/remen/anniversary/.

² См. подробнее: Верховский А. Краткие заметки о возникновении и начальной истории «Панорамы» // «Панорама». № 50. 2002. Декабрь (электронная версия: <http://www.panorama.ru/gazeta/p50shu.html>); Прибыловский В. В среде неформалов. Москва, конец 1980-х — начало 1990-х. Часть 1 // Интервью А. Пятковскому, сайт Igrunov.ru (http://www.igrunov.ru/vin/vchk-vin-n_histor/remen/1172330019.html).

Разумеется, были и другие причины, не позволявшие реализовать такие амбиции. Прежде всего речь о ресурсах. Средств, которыми мы располагали, не хватало даже для приобретения документов и малотиражных изданий, количество которых постоянно нарастало. Уже в начале 1989 г. мы принялись понемногу продавать неформалам периодику прибалтийских народных фронтов, поначалу не извлекая прибыли. Материальные трудности вынудили нас в конце концов ввести наценку. Но возможности — хотя мы не воспользовались ими — настоящей коммерческой деятельности в сфере распространения информации появились только после массового митинга в Лужниках в мае 1989 г. Таким образом, концентрируясь на материалах нового общественного движения, мы вынуждены были отказаться от создания более широкого собрания неподцензурных текстов. Предполагалось, что отказ государства от предварительной цензуры откроет путь к постепенному достижению реальной свободы печати, поэтому важнее было зафиксировать неформальские эфемериды для истории, использовать огромный поток информации для выращивания сетей.

Но даже если бы мы решили собирать самиздат, то у нас попросту не было места для его хранения. Первоначально М-БИО размещалось в небольшом помещении, переделанном из скромной однокомнатной квартиры. Иногда нам удавалось обеспечить для работы с нашими документами стол или два в общем зале кооператива, но чаще это вызывало недовольство других сотрудников, у которых проблема помещений стояла еще более остро. Даже для продолжения своей работы благодаря энергии А. Паппа мы вынуждены были — незаконным образом, в одном случае совершенно безвозмездно, а в другом за минимальную взятку — во второй половине 1989 г. занять большую квартиру на пятом этаже того же здания, а затем еще одну такую же (каждая площадью 110 м²), расселенные в порядке подготовки к капитальному ремонту дома. Этих помещений наконец оказалось достаточно. Но, к сожалению, такая роскошь продолжалась менее года.

Но главным ограничителем были, конечно, люди: людей катастрофически не хватало. В сфере ответственности каждого сотрудника М-БИО находилось несколько крупных общественных объединений, множество мелких, а кроме того, эти же сотрудни-

ки осуществляли мониторинг динамики общественной активности в разных регионах страны, тогда еще СССР. Один человек мог отвечать, например, за информацию по Украине и Молдове (или Азербайджану, Казахстану и Средней Азии, или Грузии, Армении) плюс несколько областей России, не считая своей ответственности за ту или иную группу организаций в Москве. Итогом такого перенапряжения являлись и неравномерность в изучении разных движений, отсутствие времени для проведения более или менее широких семинаров, невозможность систематизировать материал и т. д. Мы с трудом искали пути решения этих проблем. Взваливать на себя ответственность за расширение сферы деятельности было попросту невозможно.

И все же от нас ждали большего. Осенью 1988 г. у нас появился Юрий Кушков, партнер Валерия Никольского, редактора псковского журнала «12», активно взаимодействовавшего с М-БИО. Приехал он за очередной порцией «самиздата», но, увидев разнообразие материалов, понял, что в Пскове ему не удастся создать аналогичного собрания. Тогда он решил переехать в Москву и предложил себя в качестве сотрудника М-БИО. Его желанием стало создание широкодоступной библиотеки неподцензурной литературы. Такой замысел можно было осуществить только как самостоятельный проект, никак территориально и юридически не связанный с М-БИО, да и то только в том случае, если бы Кушков взял на себя полную ответственность за его реализацию. Кушкову пришлось смириться с такой постановкой задачи.

Некоторое время Кушков жил в М-БИО¹, участвуя в текущей работе и ксерокопируя материалы для своей будущей библиотеки, получая на это небольшие деньги. Когда ему удалось найти спонсора для аренды квартиры, он начал самостоятельное плавание, тем более что у нас возникла определенная напряженность: Кушков начал заниматься коммерцией, по повышенным ценам оплачивая заказы нашим партнерам, тиражировавшим «Хронограф»

¹ В М-БИО в разное время жили некоторые его работники, в том числе и я, о чем сохранились веселые, иногда анекдотические воспоминания у многих посетителей. Разумеется, на короткое время останавливались и гости из других городов. См., например: Кордонский М., Кожаринов М. Точки потоков/Очерки неформальной социотехники. М.: Net²Net, 2008. (А также электронная версия <http://www.altruism.ru/sengine.cgi/13/41/27/10.>)

и редкие материалы, вследствие чего цены и для нас существенно увеличились. Мы рассматривали такое поведение как недружественное, хотя с течением времени стало ясно, что подобная эволюция была неизбежна. Но, увы, эта безличная тенденция была для нас персонифицирована, и Московская независимая общественная библиотека (МНОБ)¹ начала существование не как проект М-БИО, а как вполне самостоятельное начинание Юрия Кушкова. Правда, мы снабдили Кушкова большим количеством журналов, и еще долгое время один из дублей любого издания безвозмездно передавался в МНОБ; много лет я оставался членом наблюдательного совета библиотеки. Номинально я лично, в отличие от других доноров, был в числе спонсоров библиотеки, и кроме изданий мы иногда передавали Кушкову небольшие суммы. Но по мере коммерциализации проекта постепенно дистанцировались от него, тем более что после августа 1991 г. аналогичной работой гораздо более квалифицированно занялся «Мемориал». Тем не менее МНОБ — заметный элемент общественной жизни Москвы конца 1980-х гг.

3

Анализ материалов, собранных М-БИО, требует отдельной работы, однако общепризнано, что Архив М-БИО был первой² и в начале 1990-х гг. самой большой коллекцией периодики, документов и материалов общественных движений периода перестройки. Несколько позднее, когда на конференции в Оксфорде была провозглашена Ассоциация собирателей и исследователей новой печати, прекратившая существование в связи с распадом СССР и последовавшими за ним драматическими событиями, нами была произведена грубая оценка объема архива-коллекции. К тому времени, по самым скромным оценкам, Архив М-БИО насчитывал не менее 20 тыс. единиц хранения.

Собрание документов М-БИО производило сильное впечатление на советских социологов и зарубежных исследователей. На-

¹ Справку о библиотеке см. на сайте «Мир библиотек»: <http://www.library.ru/3/focus/mipl.php>, а также: <http://www.infoline.ru/g23/6037/Doc/hstr.html>.

² См., например: Струкова Е. Альтернативная периодическая печать в истории российской многопартийности. М., 2005.

сколько повлиял опыт М-БИО на комплектование аналогичных коллекций, говорить трудно. Сотрудничество с М-БИО, несомненно, обеспечило быстрый рост фондов нетрадиционной печати и материалов общественных движений в Ленинградском отделении Института социологии РАН (впоследствии — «Алексеевский архив»). М-БИО был существенным источником для собрания Государственной публичной исторической библиотеки, совместно с которой М-БИО в 1989 г. провело первую выставку самиздата и новой печати. Тогда впервые сюжет о самиздате и самиздатчиках был показан на Центральном телевидении (программа «Взгляд»). В другие отечественные собрания, в том числе ГПБ им. Ленина, материалы из М-БИО поступали нерегулярно — по мере поступления заказов. Прямой калькой московской организации стала саратовская БИО-«Сфера».

М-БИО сыграло важную роль в комплектовании зарубежных архивов. Первым партнером стал Центр восточноевропейских исследований Бременского университета, с которым установились прочные отношения уже в 1988 г., после участия Пельмана, представлявшего М-БИО на семинаре в Бремене, посвященном движению неформалов. Весной 1989 г. А. Суетнов начал направлять материалы из собрания М-БИО в Британскую библиотеку. Впоследствии материалы из М-БИО поступали во многие исследовательские центры Европы, США и Японии. Немного помогали мы в комплектации коллекции Библиотеки конгресса США прекрасно работавшему в Москве представителю библиотеки М. Лернеру.

В 1990 г. через В. Аксючица поступило предложение, якобы от Д. Биллингтона, продать Архив М-БИО Библиотеке конгресса США. Отказ от этой сделки привел к полному разрыву с кооперативом «Перспектива» и совпал с преобразованием М-БИО в несколько независимых структур. Предложения из США о покупке Архива М-БИО поступали и позже¹. Нерадостная судьба собрания заставляет сегодня усомниться в правильности отказа от сделки. Не знаю, были бы востребованы эти материалы за границей или нет, но в России они остаются мало востребованными и труднодоступными. Негосударственные собрания испытывают неверо-

¹ В архиве ИГПИ сохранилось по крайней мере одно такое предложение от Корнельского университета (Итака).

ятные затруднения, не могут обеспечить открытый доступ и даже сохранность собранных коллекций. Это в значительной степени относилось и к М-БИО, хотя нельзя согласиться с Е. Струковой, что «неформалы неохотно допускали в свою среду представителей государственных учреждений»¹: и ИС АН СССР, и ГПИБ — государственные структуры, да и сама Струкова, сотрудница ГПИБ, много работала в М-БИО. Другое дело, что российские исследователи проявляли мало интереса к соответствующим тематике и материалам.

Зарубежные исследователи, напротив, были активными посетителями М-БИО и использовали его собрание для работы над диссертациями. Много известных исследователей, в том числе занимавших высокие государственные посты в Европе и США, либо были постоянными получателями материалов М-БИО (это в особенности относится к венгерским исследователям), либо работали с его коллекцией, равно как и прибегали к помощи М-БИО в организации встреч и интервью с неформалами.

4

Огромное количество документов приводило к тому, что мы сами не знали, какими материалами располагаем. Этот недостаток скрашивался тем, что любой из нас мог задать вопрос ответственному за то или иное направление в общественном движении и получить ответ. Но не все сотрудники обладали такой исключительной памятью, как В. Прибыловский, и им зачастую тоже приходилось рыться в папках для того, чтобы дать ответ на вопрос. Попытки найти квалифицированного архивиста для М-БИО так и не увенчались успехом. По совместительству в 1989–1990 гг. в архиве работали Е. Струкова и М. Паскалова, но они были в состоянии выполнить только часть работы по разборке и учету материалов, преимущественно периодики, которая была приведена в достаточно приемлемое состояние.

По крайней мере, описывать поступления мы считали необходимым. Случай помог нам. В январе 1989 г. по рекомендации А. Морозова к нам обратился за консультациями А. Суетнов. Он

¹ Струкова Е. Альтернативная периодическая печать в истории российской многопартийности. М., 2005. С. 16.

вознамерился издать полную библиографию самиздата, но в его списке было только 16 названий — от «Хроники текущих событий» до «Сине-фантома». Естественно, он получил необходимую консультацию и по изданиям 1970-х, и по изданиям 1980-х. Но было очевидно, что беглая консультация недостаточна для научной работы, и Суетнову была предложена должность библиографа в М-БИО, которая позволяла ему не только регулярно получать консультации и работать с поступающими изданиями, но и издавать журнал «Независимый библиограф», а затем еженедельный библиографический листок. Суетнов был достаточно активен, и первое время мы обеспечивали его поездки в Ленинград и Прибалтику для закупки большого количества независимых изданий. В конце 1988 г. Суетнов подготовил первый справочник нетрадиционной печати, включавший приблизительно 700 наименований¹. Личные особенности Суетнова и претензии к качеству его трудов сделали его работу в М-БИО кратковременной — около полутора лет, но за это время он не только стал известнейшим специалистом в области библиографии нетрадиционной печати в СССР, но и совершил целую революцию в этой области. Его первая публикация в «Советской библиографии»² обратила на себя внимание библиографов всего мира и стала отправной точкой консолидации собирателей и исследователей новой печати, прежде всего в самой России.

5

Выборы на Съезд народных депутатов СССР привели к стремительному подъему общественной активности, которая и без того, начиная с лета 1988 г., развивалась лавинообразно. Поток информации, устремившийся в М-БИО, был колоссален. Однако выход — ничтожен. Да, мы использовали знания об общественном движении для привлечения активистов в «Мемориал». Да, мы содействовали самоорганизации мелких инициативных групп и включению их в более широкий контекст общественного движения. Но все это казалось совершенно недостаточным. Общественное

¹ Суетнов А. История одного архива. О попытке создания библиографической службы самиздата // Русский журнал (http://old.russ.ru/ist_sovr/99-04-16/suetnov.htm).

² «Советская библиография». 1989. № 2. В силу отсутствия под рукой журнала «Советская библиография» сошлюсь на информацию в газете «Панорама» (№ 6, июнь 1989): <http://www.panorama.ru/gazeta/1-30/p06news.html>.

движение оставалось дезорганизованным, а люди, стремившиеся к его объединению (как правило, под именем народных фронтов), казались безнадежно безграмотными, абсолютно не годившимися для политики. А именно политика для меня лично (это можно отнести также и к Пельману) была абсолютным приоритетом. Чтобы нарастить лидерский актив и не ограничиваться только московскими структурами, необходимо было создать мощное информационное поле, в котором выстроились бы силовые линии объединения.

Конечно, я был далек от мысли создать серьезную организацию, которая могла бы возглавить нарастающую волну общественного движения, на что, как мне казалось, рассчитывали Павловский и Пельман. Но облегчить формирование «политического бульона», способствовать идейной кристаллизации политических течений казалось вполне возможным. Но для этого необходимо было прежде всего объединить несколько десятков лидеров. Вместе с тем такой лидерской группы не было на горизонте.

«Московская трибуна» — единственный более или менее подходящий центр кристаллизации — казалась слишком элитарной и чужой организацией, хотя я и Пельман входили в число отцов-основателей, т. е. первого, узкого состава ее членов. Требование Старовойтовой — поначалу принятое, а затем спущенное на тормозах, — ввести ценз посредством высоких членских взносов — делало для меня затруднительным участие в клубе не столько даже по материальным причинам, хотя и они имели значение, сколько по моральным. Да и недооценка собственных возможностей мешала активной деятельности в этом клубе. Мотивы были приблизительно те же, которыми руководствовался я при отказе выдвигаться на выборах депутатов Съезда народных депутатов: лидерами могут стать только известные стране люди, мы же должны оставаться при них советниками и организаторами. Уверенность в своей компетентности не перерастала в пассионарность.

Конечно, это была ошибка — одна из многих. Но понять это стало возможным только годы спустя. Тогда же ощущение существования на разных этажах, относительная закрытость титулованной интеллигенции, хорошо описываемая термином Самодурова «великие», привели к параллельным процессам самоорганизации, пересекавшимся только позднее: поверхностно и ненадолго —

в ходе избирательной кампании 1988–1989 гг. и тесно и устойчиво — во время избирательной кампании 1990 г. Но, к сожалению, к этому времени М-БИО превратилось уже в маргинальную площадку, а я, поработав в оргкомитете «Демократической России», счел разумным не участвовать в учредительном съезде. В это время мы не могли уже повлиять на неуправляемый ход истории.

А в начале 1989 г. стояла задача превратить свалку материалов — именно так я себе представлял наше собрание документов — в постоянный источник информации для общественного движения. Сделать это было возможно, только издавая собственную газету. «Хронограф», на продолжении издания которого настаивал Прибыловский, был далек от решения этой задачи. Но даже и для него у нас не хватало сил. Без привлечения все новых и новых людей развитие М-БИО становилось невозможным. В очередной раз нам улыбнулась удача, когда А. Морозов принес нам девятый номер «Параграфа» — журнала, который мы единодушно считали самым эстетическим в потоке весьма непрофессиональных и «слепых» изданий, проходивших через наши руки, — и заявил, что он намерен через некоторое время прекратить выпуск журнала и хочет попробовать себя на новом поприще. Ему казалось, что политика — это то, до чего он дозрел, а М-БИО — наилучшее место, где он мог бы реализовать себя¹.

Первое, что показалось разумным, это выпуск ежедневных новостей. Ведь каждый день мы получали информацию об общественном движении со всех уголков СССР. Она была неполна, бессистемна и не могла быть иной, пока мы опирались только на добровольную корреспондентскую сеть, но в ее потоке можно было выудить довольно много ценного. Однако использовать большую часть информации мы не могли: как я уже писал, не хватало рук. Более того, не хватало сил даже анализировать ее. Поэтому посадить на «новостную ленту» человека, способного систематизировать получаемые сведения и обеспечивать выход бюллетеня новостей, казалось весьма заманчивым.

Служба ежедневных новостей, несмотря на мое постоянное недовольство ее качеством, оказалась весьма востребованной. Вскоре

¹ Морозов не раз возвращался к этому времени в своих воспоминаниях. Эти воспоминания довольно достоверны. Основным их недостатком является постоянная путаница в датах.

СЕН станет московским бюро газеты «Атмода», еще позже начнет постоянно обеспечивать информацией информационное агентство «Постфактум», станет постоянным источником материалов для А. Фадиной, редактора политического отдела газеты «Коммерсантъ». Но коротенькие бюллетени СЕН выходили только два раза в неделю — на большее не хватало ни средств, ни рук. А Морозов увидел, что поток информации можно легко увеличить и, самое главное, обеспечить аналитику, которой остро не хватало в других изданиях. В марте 1989 г. он предложил издавать собственную газету М-БИО. После долгих обсуждений мы пришли к выводу, что хотя журналистов у нас немного, но несколько авторов — в первую очередь Митрохин и Прибыловский, а также сам Морозов — у нас могли бы писать довольно регулярно. В М-БИО работало еще несколько человек, которые стали впоследствии профессиональными журналистами, да и постоянными партнерами и посетителями были люди, приобретшие впоследствии некоторое имя в журналистике. Этот потенциал Морозов хорошо чувствовал. Рассчитывал он также и на интервью, которые в то время нам охотно давали лидеры общественного движения, нарождавшиеся политики, ученые.

Решение было принято. Предполагавшемуся изданию Морозов придумал название — «Вторая политика», которое мне не очень нравилось, поскольку я не мог согласиться с Морозовым, что в стране была «первая политика». Этой теме — отсутствию политики в СССР — был посвящен круглый стол, проведенный мною с известными учеными осенью 1987 г., но так и не появившийся в бюллетене «Век XX и мир». Морозов тогда предложил вариант «Новая политика». В силу обстоятельств, о которых пойдет речь ниже, это название не было востребовано тогда, но зато было использовано Морозовым при создании информационного агентства «Новая политика» при Партии ЖИЗНИ. «Возрождение политики в России»¹ — так называлась книга, написанная М. Урбаном при участии автора этих строк и С. Митрохина, — тоже несет следы этих дебатов, поскольку задумывалась в М-БИО как раз в это время.

И как только решение было принято, А. Папп начал горячо агитировать за то, чтобы объединить усилия с группой авторов «Гражд-

¹ Первоначально она должна была называться «Возрождение политики в СССР», но к моменту ее написания СССР уже не было в живых.

данского достоинства», которые решили окончательно расстаться с В. Золотаревым, с тем чтобы издавать свою газету. Его справедливое замечание сводилось к тому, что будущая газета его друзей А. Верховского и А. Василевского не сможет конкурировать с изданием М-БИО, располагающим не только СЕН, но значительно большим числом сотрудников и корреспондентов. Да и авторитет М-БИО открывал возможности, которых не было у мало кому известных тогда, начинающих журналистов. Для меня такое предложение было подарком судьбы. Но Верховский, которому и прежде предлагалось сотрудничество, долго колебался, поскольку ему хотелось самостоятельности. Из «Гражданского достоинства» он уходил в силу того, что его личные устремления расходились с линией Золотарева. Зачем же было попадать в зависимость от нового руководства? Однако понимание неравенства возможностей и активность А. Паппа привели к неизбежному решению присоединиться к начинанию М-БИО. Первый номер «Панорамы»¹ вышел в апреле 1989 г.

Газета «Панорама» выходила на базе М-БИО до фактического распада М-БИО летом 1990 г. и стала одним из самых популярных и авторитетных изданий неформалов. В нашей референтной среде она признавалась в то время (справедливо или нет — другой вопрос) лучшей политической газетой Москвы. Однако неумение обеспечить себе финансовую базу и связанные с этим ограничения, в частности в привлечении профессиональных журналистов, уже с появлением «Коммерсанта» предопределили неизбежный упадок, который стал неотвратим с выходом в свет «Независимой газеты» с блестящей материальной базой. Кроме того, опыт редакторов «Панорамы» нельзя было сравнивать с опытом работы одного из самых талантливых журналистов эпохи перестройки В. Третьякова. Разумеется, «Панорама» могла бы существовать как газета второго плана и найти для себя устойчивую нишу, но в условиях конфликта в М-БИО, имевшего и психологические, и финансовые корни, это сделать было уже невозможно. Но за год с небольшим определенную роль в развитии политической журналистики «Панорама», несомненно, сыграла, а ее авторы впоследствии сотрудничали со многими демократическими газетами России и Прибалтики. Прибыловский активно печатался и в описываемое время, и до конца перестройки

¹ См. электронную версию на сайте «Панорамы»: <http://www.panorama.ru/gazeta/1-30/p01.html>.

в эмигрантской русской прессе. В меньшей степени это относится ко мне, С. Митрохину, И. Кудрявцеву, А. Тарасову и другим.

Надо добавить, что «Панорама» не была единственным политическим изданием М-БИО. Во время первых заседаний Съезда народных депутатов СССР выходила в формате «Хронографа» ежедневная газета «Перископ». Впрочем, она выдержала только 10 номеров. После конфликта вокруг «Панорамы» Прибыловский выпускал «Новый Хронограф». Сотрудники М-БИО помогали редактировать и оформлять отдельные выпуски разных газет и журналов, главным образом провинциальных. Я редактировал газету «Ведомости Мемориала». И хотя делал это в качестве мемориальца, но, конечно, моей базой было М-БИО. О технической помощи другим изданиям я писал выше.

6

«Мемориал» был еще одним начинанием, в котором использовался потенциал М-БИО. По поводу «Мемориала» у меня даже был дружеский конфликт с Прибыловским, который считал, что моя активность в этом движении парализует выход «Хронографа» и негативно сказывается на развитии М-БИО. Тем не менее с мая — июня 1988 г. я вынужден был согласиться на просьбу так называемых «радикалов»¹ и формально стать членом оргкомитета движения — от чего я уклонялся в течение года, — поскольку «умеренные» проводили политику если не прямого подчинения партийному руководству, то, во всяком случае, вели весьма оппортунистическую линию. И, конечно же, М-БИО стал в некотором роде опорным пунктом «радикалов». Осенью 1988 г. несколько раз в помещении «Перспективы» проходили крайне конфликтные заседания инициативной группы (например, посвященные участию «Мемориала» в демонстрациях и митингах в сентябре 1988 г.), а накануне учредительной конференции, намеченной на 29–30 октября, но отмененной Учредителями — членами творческих союзов², представители региональных организаций собирались на консультации в М-БИО.

¹ Д. Леонов также был одним из лидеров «радикалов» и идентифицировал себя с «Мемориалом» в гораздо большей степени, чем с М-БИО.

² Обычно мемориальцы называли «учредителями» членов творческих союзов, журнал «Огонек» и «Литературную газету» — и только их, поэтому ниже для простоты я буду пользоваться этим определением.

Следует уточнить: по требованию учредителей «умеренные» согласились отменить конференцию, что привело к открытому конфликту внутри инициативной группы. Вражда между Ю. Самодуровым, Л. Пономаревым и А. Рогинским (он был членом оргкомитета, но не был членом инициативной группы, как, впрочем, и я), с одной стороны, и Д. Леоновым, Ю. Скубко и В. Кузиным — с другой, достигла крайней напряженности. «Умеренные» начали обзвон делегатов, предлагая им отменить поездку в Москву. Это решение не было принято ни инициативной группой, ни оргкомитетом. Незадолго до намеченной конференции в М-БИО было проведено «примирительное» совещание, закончившееся потасовкой. Тем временем «радикалы» заявили, что учредительная конференция состоится в любом случае, даже если обещанный Дом кино не будет предоставлен Союзом кинематографистов. Телефон М-БИО работал едва ли не 24 часа в сутки: делегаты получали подтверждение, что конференция состоится. Чтобы остановить радикалов, Самодуров и Рогинский инициировали совещание совета учредителей с оргкомитетом, назначенное на 28 октября. Для убедительности был приглашен А. Сахаров. Но было уже поздно. Делегация «радикалов» привела с собой региональных делегатов, собравшихся в М-БИО, которые настаивали на проведении съезда. А. Сахаров, выслушав аргументы, несмотря на ультимативное заявление учредителей о выходе из оргкомитета в случае несогласия с их требованием, заявил, что отказаться от проведения съезда невозможно. Это заявление оказалось неожиданным и для умеренных, и для учредителей. Благодаря ему удалось достичь договоренности о проведении «подготовительной» конференции и переносе учредительной на два месяца.

В течение всей подготовительной конференции М-БИО было центром самоорганизации радикального крыла «Мемориала». Многие из договоренностей я, будучи членом президиума, проводил на конференции благодаря поддержке А. Сахарова. Правда, это привело к крайнему напряжению в моих отношениях с учредителями, что впоследствии сыграло важную роль в роспуске оргкомитета.

М-БИО продолжал оставаться важным центром «радикалов» и в дальнейшем. Оргкомитет по проведению всесоюзной конфе-

ренции «Мемориала» был отдан на откуп «радикалам» («умеренные» взялись за проведение более реалистичной учредительной конференции «Московского Мемориала»), а я, будучи фактическим его координатором, проводил все заседания в М-БИО, использовал наши технические возможности для подготовки съезда. В дальнейшем борьба «радикалов» и «умеренных» продолжалась. Поскольку «радикалы» оказались в меньшинстве, особенно учитывая дисбаланс материальных возможностей, они искали формы самоорганизации. Вскоре после съезда, состоявшегося в конце января 1989 г., по инициативе сотрудников М-БИО Д. Леонова и Г. Вохменцевой (Михалевой) под моим патронажем как члена рабочей коллегии «Мемориала» была создана социологическая группа «Мемориала», встретившая ожесточенное сопротивление умеренных и вынужденная прекратить свое существование к лету 1989 г. В сентябре те же три человека — Игрунов, Вохменцева и Леонов — основали правозащитную группу «Мемориала», заседания которой проходили в помещении М-БИО на 1-й Дубровской. Этой группе была суждена гораздо более успешная судьба. Впоследствии она переросла в отдельную организацию — Правозащитный центр «Мемориал», среди учредителей которой оставались Леонов и Игрунов, а руководителем стал один из «радикалов» — Олег Орлов. Сегодня «Мемориал» известен в значительной мере по этой организации, которая получила широкое международное признание.

7

В некоторой связи с работой «Мемориала» находилась и активность членов М-БИО в избирательной кампании 1988–1989 гг. Вечером 18 января, как только стало известно, что кандидатура Сахарова не утверждена Академией наук, я позвонил Андрею Дмитриевичу с предложением выдвинуть его кандидатом от 1-го национально-территориального избирательного округа. Эта идея обсуждалась в М-БИО и оказалась востребованной. Только утром 19 января Сахаров дал согласие на организацию выдвижения. К этому времени с ним на эту же тему поговорил и Л. Пономарев. Было решено действовать от имени «Мемориала». Все организационные возможности М-БИО были включены немедленно. Основным организатором стал Ю. Пермьяков — один из мемориальских «радикалов», ставший сотрудником М-БИО несколько позднее. Он же

вел и собрание, которое прошло в Доме кино 22 января. Это выдвижение оказалось скорее символическим, поскольку несколько позднее, после разговора с Ельциным, Сахаров принял решение снять свою кандидатуру. Однако оно стимулировало активизацию «Мемориала» в избирательной кампании, а заодно и мобилизацию уже довольно внушительной сети М-БИО.

Никто из сотрудников М-БИО не баллотировался в депутаты, несмотря на многочисленные предложения, поскольку было решено, что следует сосредоточиться на поддержке кандидатов, имеющих заведомо больше шансов на победу. Успех на выборах должен быть максимизирован, а это возможно только при концентрации усилий на поддержке ключевых и хорошо известных фигур общественного движения. Сейчас такой подход сам я считаю весьма спорным, однако тогда настаивал на нем. Не могу сказать, чтобы наша работа во время избирательной кампании была значительной. Скорее она сводилась к технической помощи мемориальной группе, в свою очередь сосредоточившей свои усилия на кампании Ю. Афанасьева и еще нескольких кандидатов. Однако были и самостоятельные действия. Например, Прибыловский, Митрохин и еще несколько человек приняли участие в агитации против Станкевича. Активны были и Кудрявцев, и Папп¹. В целом избирательная активность оказалась довольно аморфной, да и не могла быть другой: не хватало рук даже для регистрации растущих как грибы групп поддержки кандидатов, новых организаций, демократических кандидатов, имена которых до избирательной кампании были малоизвестны или неизвестны вовсе. Напомню, в это же время происходила напряженная борьба с ЦК КПСС за проведение учредительной конференции «Мемориала», а вслед за ней прошла серия конференций регионального и республиканского масштабов. Для группы в полтора-два десятка человек нагрузка была колоссальная.

Но, с другой стороны, лично у меня оставались обязанности внештатного корреспондента «Века XX и мира», которые я, скорее, рассматривал как дополнительные возможности. Это, в частности, были возможности встреч с активными общественными деятелями,

¹ См.: «Хронограф». 1989. 24 мая (№ 26) (<http://www.panorama.ru/gazeta/chronogr/c26.html>).

на наших глазах быстро превращавшихся в политиков. Разумеется, уже в ходе избирательной кампании я вел разговоры о будущей координации действий с потенциальными депутатами. У меня складывались прекрасные отношения с лидерами эстонского Народного фронта, с активистами Саюдиса, а у Кудрявцева — с лидерами латвийского Народного фронта. В М-БИО постоянно бывали литовские и латвийские журналисты, в том числе редактор «Согласия» Любовь Черная, редактор «Атмоды» Алекс Григорьев. После нескольких горячих дискуссий в М-БИО Любовь Черная предложила мне привезти в Вильнюс журналистов «Века XX» и устроить дебаты с сотрудниками газеты «Атгимимас». Это предложение было поддержано главным редактором «Века XX» Анатолием Беляевым, и в апреле состоялась встреча в Вильнюсе, на которой присутствовали все лидеры Саюдиса, большинство будущих литовских народных депутатов. Во время этой встречи уже прозвучали все основные идеи, которые вскоре привели Литву к независимости и многолетней конфронтации с Россией, и несходство позиций было очевидно уже тогда, но это не помешало укреплению отношений между нами. Московская группа состояла всего из четырех человек: А. Беляев, Л. Сараскина, В. Игрунов и А. Фадин. Последний тогда не был сотрудником «Века XX», но поддерживал с ним отношения и тесно сотрудничал с М-БИО, входя в Межклубную инициативную группу.

Межклубная инициативная группа оказалась инициатором крупнейшего митинга того времени 21 мая в Лужниках. На ее заседании в М-БИО В. Золотарев высказал идею проведения митинга с участием демократических делегатов Съезда народных депутатов, которая, естественно, была горячо поддержана неформалами. Организационное собрание по подготовке к митингу было проведено в помещении «Века XX», а я был избран координатором. Заявку на проведение митинга сдавали Павловский от «Века XX», Пельман — от КСИ, я — от М-БИО¹. Уже на следующее утро был отправлен гонец к Вайтекунасу в Литву, где было отпечатано 20 тысяч листовок (на средства М-БИО: в данной статье это уместно подчеркнуть) с призывом принять участие в митинге. Поскольку мы

¹ Игрунов В. О становлении политики на рубеже восьмидесятых и девяностых // Интервью. 1992. Сайт Igrunov.ru (http://www.igrunov.ru/cat/vchk-cat-bibl/interv/all_interv/vchk-cat-bibl-interv-mdg_92.html).

могли свободно располагать только одним телефоном для входящих звонков (исходящие нам любезно позволяли делать с других аппаратов руководители подразделений «Перспективы») и этот телефон не умолкал ни на минуту, в листовках было оставлено место для другого номера — и он появился за несколько дней до митинга, как только во временном офисе «Мемориала» на Фурманном переулке была установлена связь.

К сожалению, в Литве что-то застопорилось, и поэтому мы изготавливали множество листовок на ксероксе. За листовками с утра до вечера приходили активисты со всех концов Москвы, да и практически все члены М-БИО участвовали в распространении этих листовок. Волна посетителей нарастала, достигнув апогея накануне митинга. Офис работал с раннего утра до поздней ночи. Но из-за задержки литовского тиража листовок распространить их все не успели: две тысячи листов с четырьмя тысячами листовок остались в М-БИО и впоследствии использовались как оборотки. Накануне митинга в Доме ученых мы встретились со многими прибывшими депутатами и пригласили их в Лужники. Реакция «демократических» депутатов была неоднозначная. Поэтому мы тревожились, что народу придет мало. Ведь опыта организации такого рода событий попросту еще не было. Тревога заставляла работать еще лихорадочней. Очень тяжело давались переговоры с некоторыми депутатами. Не все давали согласие, в то время как звонившие активисты спрашивали, будет ли Ельцин. Мы не могли лгать, а подтверждений не получали. Интрига с Ельциным оставалась до последней минуты. Тревожась за успех, мы работали совершенно лихорадочно.

На организационном собрании в «Веке XX» было решено избрать ведущим Афанасьева, но, поскольку тот находился в Париже, я, найдя Гавриила Попова, предложил ему стать ведущим, с чем тот немедленно согласился. Естественно, в течение всего митинга я выполнял роль, так сказать, распорядителя списка выступающих, поскольку оказалось, что только я знал большинство тех, кого хотели видеть на трибуне. В дальнейшем митинги у Лужников стали ежедневными, и руководство ими взяли на себя «Мемориал» и МНФ, но они уже были не такими масштабными.

У М-БИО было достаточно работы. Мы пытались свести вместе демократических депутатов Москвы и прибалтов. К сожалению,

нам удалось собрать литовцев и эстонцев в «Веке ХХ», но москвичи так и не пришли: неожиданно возникли консультации с Горбачевым, о чем никто не потрудился сообщить. Эта неудача привела к тому, что почти все прибалты, ужасно обидевшиеся, отказались впоследствии участвовать в собраниях, предшествовавших созданию Межрегиональной депутатской группы. Первое из таких собраний нам удалось провести в Доме ученых утром 27 мая с участием Афанасьева, Сахарова, Заславской и многих других. Вели собрание Фадин, Пермяков и я. Главное, что нам удалось предложить, это алгоритм работы с региональными депутатами, что привело к постепенному устранению напряженности между Московской группой депутатов и провинциальными демократами. Эти же три человека, которые вели первое собрание, образовали небольшую экспертную группу, которая, постепенно расширяясь, начала работать с Афанасьевым, правда малоэффективно. Идея создания экспертного совета, работающего для демократических депутатов, нашла довольно широкую поддержку, и в июне по инициативе Л. Волкова такой совет был создан. В него вошли — кроме Волкова и автора данной статьи — Ю. Левада, В. Шейнис, Э. Аметистов, С. Храмов и еще несколько человек. Работа этого экспертного совета оказалась еще менее востребованной. Я помню всего три заседания.

Впоследствии М-БИО отчасти самоустранилось от работы с депутатами, а отчасти было вытеснено КИАНОм (Клубом избирателей Академии наук), который почти синхронно начал собирать депутатов там же, в Доме ученых. Я поначалу участвовал в этих собраниях и организовал рабочую группу, получившую помещение на первом этаже этого здания. Многие члены КИАНА стали формальными помощниками депутатов, нам же такая идея не пришла в голову, и это уменьшило наши возможности. КИААН же на сотрудничество не шел, не допуская даже к данным о голосованиях. Только Е. Хелимский посещал М-БИО и получал необходимые ему консультации и материалы. Я еще активно участвовал в учредительном собрании МДГ, но затем, разочаровавшись, сосредоточился на других проектах. Зато М-БИО гораздо более активно участвовало в избирательной кампании 1989–1990 гг.¹ Кроме того, в М-БИО работал из-

¹ Прибыловский В. В среде неформалов. Москва, конец 1980-х — начало 1990-х // Интервью А. Пятковскому, сайт Igrunov.ru (http://www.igrunov.ru/vin/vchk-vin-n_histor/remen/1188472509.html).

бирательный штаб В. Фадеева, члена правозащитной группы «Мемориала», ставшего депутатом Моссовета. Оказывалась небольшая помощь и другим будущим депутатам Моссовета, активно сотрудничавшим с М-БИО.

8

Общественная активность М-БИО была естественной, возможно главной, но не единственной целью деятельности. С самого начала теоретическая работа, анализ общественно-политического, отчасти и экономического, развития являлись важнейшей задачей. Уже в октябре — ноябре 1988 г. в М-БИО была создана социологическая группа под руководством С. Белановского. Это была первая попытка собрать молодых социологов, создать систему повышения квалификации и обучения новичков. Было привлечено некоторое количество молодых специалистов и студентов МГУ. Для обеспечения этой работы необходимы были отдельные средства, и по инициативе Г. Вохменцевой М-БИО провело исследование «Читательская аудитория журнала «Смена»». Кроме того, за небольшой период работы в М-БИО Белановский подготовил несколько фокусированных интервью, в частности, касавшихся перспектив развития кооперативной экономики. Форма работы М-БИО, носившая на первоначальном этапе больше регистрационный характер, не устраивала Белановского, и он первый предложил трансформировать М-БИО или создать наряду с ним институт социально-экономических проблем с тремя соучредителями — Белановский — Найшуль — Игрунов. Однако различие, даже противоположность, экономических подходов, неудача экономического семинара Найшуля, чрезвычайная загруженность и недооценка потенциала М-БИО с моей стороны делали невозможным реализацию этой идеи в начале 1989 г.

Еще раз подчеркну: характер интересов сотрудников М-БИО, их далеко не академический стиль, отсутствие стабильной материальной базы и необходимость самостоятельно зарабатывать деньги вызывали сомнения относительно возможностей для полноценной научной работы в формате М-БИО, а уж тем более — сомнения в возможности создания негосударственного института. Однако слушания, организованные А. Берковичем, привели к неожиданному результату: вполне заслуженные социологи дали очень высокую оценку научной ценности нашей работы уже весной 1989 г. Кроме

того, высоко оценивалась наша работа и коллегами из Ленинграда, социологами из ИСЭПа, прежде всего В. Костюшевым, А. Алексеевым, а также В. Ядовым. С сектором изучения общественных движений ИСЭП у нас сложились очень тесные отношения, которые продолжились и впоследствии, после образования Ленинградского отделения Института социологии АН СССР. Владимир Костюшев, руководитель сектора, был регулярным гостем М-БИО¹, участвовал в нескольких наших семинарах. Бывали в М-БИО и сотрудники Костюшева². На семинарах, в частности, обсуждались статьи сотрудников М-БИО и ленинградских коллег, в том числе совместные. Сотрудники М-БИО также регулярно бывали в Ленинграде и неизменно встречались с Костюшевым и его коллегами, участвовали в обсуждениях и мероприятиях, проводившихся сектором. В сборниках ИСЭП можно найти статьи сотрудников М-БИО³.

С 1988 г. сотрудники М-БИО принимают участие в традиционных общероссийских социологических школах-семинарах, проводимых ИСЭП в Репино. Особенно важной могла стать школа-семинар «Перестройка: новые общественные явления — новые исследовательские подходы» 27 сентября — 7 октября 1989 г., задуманная как диалог социологов и экономистов. Со стороны экономистов в конференции приняли участие Е. Гайдар и значительная часть его будущей «команды реформаторов». На секции «Тенденции развития политической системы советского общества: эволюция отношений власти и формирование новых субъектов политической деятельности», которой я руководил, и в кулуарных беседах в течение нескольких дней проходили дебаты между будущими «реформаторами» и группой «социологов»⁴. Слово «социологи»

¹ Наше сотрудничество началось еще до возникновения М-БИО, в начале 1988 г. В июне 1988-го Костюшев даже принял некоторое участие в редактировании 7-го номера «Хронографа». <http://www.panorama.ru/gazeta/chronogr/c07.html>.

² Степень сотрудничества может быть проиллюстрирована, например, тем, что несколько лет спустя В. Гельман стал заместителем директора ИГПИ и главным редактором «Политического мониторинга», а еще позднее я стал членом попечительского совета Алексеевского архива.

³ См, в частности: Вохменцева Г., Игрунов В. О классификации общественных движений // Перестройка: новые общественные явления — новые исследовательские подходы. Л.: АН СССР, ИСЭП, 1989. С. 144–148.

⁴ Кротов Н. Очерки из истории экономических реформ // В печати (в издательстве «Экономическая летопись»).

в данном контексте весьма условно, так же как и «экономисты», поскольку часть «социологов» оказалась в «команде реформаторов», а себя я скорее считал экономистом, чем социологом. «Экономисты» были представлены В. Найшулем, А. Чубайсом (как и большинство социологов, сотрудником ИСЭП), С. Васильевым, Б. Львиным, С. Павленко, С. Кордонским и другими. Сторона «социологов» была менее представительна, и постоянно в дебатах участвовали только В. Игрунов, Г. Вохменцева и О. Вите; другие несли груз ответственности за проведение конференции и вынуждены были постоянно отвлекаться на организационные мероприятия. В ходе этих дебатов были высказаны основные идеи будущих реформ, равно как и основные возражения против них. И хотя стороны так и остались при своих мнениях, аргументы были изложены, а между участниками дебатов установились неформальные отношения, имевшие некоторое продолжение.

Осенью 1991 г. Фонд Форда обратился ко мне с предложением провести конференцию «Социальные последствия экономических реформ». Эта тема покрывала значительную часть содержания репинских дебатов, поэтому в ноябре, когда «команда реформаторов» пришла к власти, я обратился к нашим оппонентам-«экономистам» с предложением о проведении такой конференции с участием ключевых советских и западных специалистов. Разумеется, когда неожиданно власть в огромной стране сваливается людям, большинство из которых никогда не занимали даже самых небольших руководящих должностей, то им не до конференций. Отрицательного ответа следовало ожидать, однако он оказался неожиданным. Сергей Васильев его точно сформулировал: «Обсуждать нечего. Все обсуждено и ясно. Надо действовать». Таким образом, репинские аргументы не были услышаны и исторического значения не имели. Они смутно сохранились только в памяти участников. Однако это не помешало Рабочему центру экономических реформ выделить грант, косвенно ориентированный на заданную тематику¹, исполнителями которого совместно стали сектор социологии общественных движений Ленинградского филиала Института социологии и М-БИО. Проект, в рамках которого взаимодействие между ленинградской и московской группами было особенно интенсив-

¹ Исследовательский проект «Влияние массовых общественных движений и политических организаций на процесс экономической реформы».

ным, оказался последним совместным проектом в истории нашего сотрудничества, причиной этого стали отнюдь не академические проблемы.

Еще одно важное событие в жизни М-БИО произошло практически одновременно с репинской школой-семинаром. 23–30 сентября 1989 г. состоялась конференция Международной социологической ассоциации «Самоуправление и социальная защита в городских поселениях и на предприятиях». Кооператив «Перспектива» взял на себя основную роль по организации этой конференции и выделил часть средств на ее проведение. В состав оргкомитета конференции вошло несколько членов кооператива, в том числе и я. Впрочем, я скорее выступал в роли члена бюро Комиссии по общественным движениям ССА АН СССР и был ведущим панели «Новые общественно-политические организации СССР». Благодаря хорошим контактам, установившимся у М-БИО с депутатским корпусом, для участия в конференции удалось пригласить не только лидеров общественных организаций и движений, но и значительное число депутатов, в том числе профессиональных социологов К. Халлик и М. Лауристин, бывших одновременно значительными фигурами в эстонском Народном фронте. Это в известной степени содействовало чрезвычайному успеху панели и конференции в целом, а мое выступление впоследствии было опубликовано не только на русском, но и на английском и немецком языках¹.

Следует еще упомянуть об исследовании, посвященном изучению отношения населения Украины к новым общественным движениям, главным образом к Народному Руху Украины, «Мемориалу», а также зарождавшимся радикальным националистическим организациям. Формально исследование проводил ИС АН СССР. Однако инициатива исходила от М-БИО, инструментарий также разработан был М-БИО и само исследование проводили наши сотрудники в партнерстве с украинскими социологами, которые, в частности, предоставили общеукраинскую репрезентативную выборку. Исследование это проводилось в мае — июне 1989 г. и было, вероятно, первым в СССР полноценным количественным исследованием массовых общественных движений.

¹ Игрунов В. О неформальных политических клубах Москвы // «Проблемы Восточной Европы». № 27–28. 1989.

К сожалению, опыт сотрудничества М-БИО с академическими институтами оказался скорее неудачным. В 1988–1989 гг. М-БИО посещали многочисленные западные ученые, для которых вдруг возникшее движение неформалов представляло большой интерес. Собрание документов и квалифицированные консультации производили сильное впечатление, и многие исследователи задавали вопрос: нельзя ли установить постоянное сотрудничество между М-БИО и их учреждениями, по преимуществу университетскими центрами? Разумеется, ответ всегда был положительным, поскольку стремление к созданию серьезного интеллектуального центра было доминирующим в организации нашей работы. Однако на вопрос, работаем ли мы в рамках Академии наук, ответ, естественно, был отрицательным, и лица наших гостей неизменно гасли. Это повторялось из раза в раз и оставалось для нас непонятным. Мы объясняли, насколько свободны мы от марксистско-ленинской догматики, характерной для институтов Академии наук; говорили о том, как в СССР мало специалистов, способных войти в среду неформалов и получать адекватную информацию, — тщетно. Как правило, гости больше не возвращались. Разумеется, был и опыт успешного сотрудничества, но очень ограниченный.

В стремлении установить прочные отношения с советскими институтами мы также потерпели неудачу, если не считать относительно успешного сотрудничества с ИСЭП, а затем Ленинградским отделением ИС АН СССР. О кратковременности сотрудничества с НИИ культуры РСФСР написано выше. Еще менее успешным был опыт сотрудничества с другими структурами. В 1990 г. мы получили приглашение в Институт международного рабочего движения, чтобы сделать доклады о современном отечественном общественном движении. Были прочитаны три доклада — Прибыловского, Митрохина и мой, дававших как описание спектра движения неформалов, основной проблематики движения, так и места неформалов в современной политической системе, перспектив становления политических партий. Доклады были встречены аплодисментами и оценены чрезвычайно высоко. Заместитель директора ИМРД Б. Коваль тут же предложил создать

совместную исследовательскую группу¹ для написания книги. Разумеется, предложение было принято. Дело упиралось в выделение финансирования. Предполагалось, что этот вопрос будет решен в ближайшее время. Однако продолжения не последовало. Несколько позже Б. Коваль и В. Пастухов выпустили работу, посвященную этой тематике, самостоятельно.

Почти с тем же успехом закончилось сотрудничество с Историко-архивным институтом. На одной из конференций «Мемориала» летом 1990 г. я познакомился с М. Цаленко, заведующим кафедрой математики, который планировал создать базу данных по политическим партиям России и СССР. Историко-архивный институт без труда мог подготовить материалы по досоветскому периоду. Но вот специалистов по современным политическим партиям в институте не было. И мы подписали соглашение о партнерстве. Поскольку соглашение подписывалось осенью, а М-БИО было на грани потери помещения, главной составляющей договора оказалось предоставление помещения для нашей организации, которое мы и получили. Помещение было вполне приличное — три комнаты, одну из которых размером в 40 м² мы выделили под Архив М-БИО. Для Архива М-БИО, которым занималась М. Разоренова, перешедшая к нам из ГПИБ, это был золотой век. Однако, увы, никаких следующих действий не было. Цаленко вскоре надолго уехал в Германию преподавать, и программа благополучно свернулась. Участие М-БИО (к тому времени уже ИГПИ) не потребовалось.

По итогам работы этого времени был опубликован в агентстве «Постфактум» «Словарь новых общественных партий и движений» Прибыловского², подготовлен его же сборник «Память»,

¹ Соглашение о сотрудничестве формально было подписано между Лабораторией анализа документации Советской ассоциации политических наук и ИГПИ. Но надо иметь в виду, что основанием для заключения такого соглашения, разумеется, могли быть только результаты деятельности М-БИО, а не Института, оригинальные продукты которого появились существенно позже, в 1991-м. К тому же 29 октября 1990 г., когда было подписано соглашение, ИГПИ еще не имел государственной регистрации и существовал в историческом шлейфе М-БИО. То же можно сказать и о соглашении с Историко-архивным институтом и даже с РГГУ о создании ассоциации «Российский гуманитарный университет».

² Прибыловский В. Словарь оппозиции. Новые политические партии и организации России. Аналитический вестник информационного агентства «Постфактум». № 4–5. М., 1991.

посвященный национал-патриотическим организациям. Справочники М. Богдановой об общественных организациях Дальнего Востока, И. Кудрявцева об организациях Латвии, Л. Галкиной о «зеленых» и другие тиражировались нами ремесленным способом на ксероксах — к тому времени были получены гранты «Культурной инициативы». Академическая наука этими исследованиями так и не заинтересовалась.

10

Главным вкладом М-БИО в отечественную социологию я считаю все же не создание коллекции-архива документов общественного движения (с одной стороны, не только мы собирали эти документы, с другой — их постигла печальная участь) и не участие в научных обсуждениях: они, к сожалению, мало сказались на развитии науки и не повлияли на ход истории. Более важным проектом оказались Высшие социологические курсы при ССА АН СССР. Идея создания этих курсов возникла в июне 1988 г. во время Всесоюзного семинара молодых социологов в Куйбышеве, где я вел круглый стол «Молодежь в современной общественно-политической жизни в СССР». Как раз в это время вышло постановление ЦК КПСС «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых проблем советского общества». Оно открывало огромные возможности для новых инициатив, и поэтому давняя мечта о создании центра подготовки новых ученых обрела форму Высших социологических курсов. Сразу же образовалась небольшая инициативная группа, в которую вошли, кроме автора настоящей статьи, Г. Вохменцева, Л. Коклягина и Э. Лаумянскайте. Роль Лаумянскайте в реализации замысла трудно переоценить: именно ее энергия создала предпосылки для принятия соответствующих решений и Министерством образования СССР, и президиумом Советской социологической ассоциации.

Однако со стороны маститых социологов мы встретили отнюдь не однозначное отношение. Многие высказывались против создания курсов. Негосударственная форма образования, которую мы предлагали, тогда казалась довольно экзотической. В МГУ готовилось открытие факультета социологии, и многим казалось непонятным стремление создать какой-то «ремесленный» учебный центр.

К августу 1988 г., несмотря на положительную реакцию Т. Заславской и Г. Ягодина¹, дело застопорилось. Необходимо было добиться положительного решения президиума ССА. Тогда я обсудил на заседании совета КСИ эту проблему и предложил КСИ выступить с поддержкой этой инициативы. Решение было принято, и на заседание президиума ССА отправились Пельман, Павловский и Игрунов. Несколько членов президиума горячо поддержали идею, которую я артикулировал. Но столь же горячо выступали и противники. Особенно жестко выступал О. Шкаратан, который противопоставил наше начинание готовящемуся открытию факультета в МГУ. «Посмотрите, кто у него будет читать? А кто тогда будет читать в университете?» — этот довод повлиял на многих, так как к заседанию президиума мы имели согласие преподавать на курсах многих известных социологов. С другими же мы еще не успели этот вопрос обсудить. И в полном противоречии с этим доводом находился другой: сомнение в возможности обеспечить высокий профессиональный уровень в негосударственном учебном заведении. Мы предложили В. Ядову возглавить ученый совет курсов, поскольку он был сторонником их создания. Ядов колебался, и в итоге, несмотря на благожелательность большинства, решение было отложено: Ядову было предложено определиться и тем самым решить судьбу проекта. Наши последующие беседы с Владимиром Александровичем имели решающее значение. На следующем заседании президиума он дал свое согласие, и курсы были созданы.

Однако наша радость была омрачена степенью компромиссов. Главный из них — срок обучения. По первоначальному проекту срок обучения должен был составлять два года. К концу этого срока выпускники должны были прослушать не только курсы, связанные с методиками и методологией социологического исследования, но и курс истории социологических учений. Теоретически никто не запрещал нам составлять программу самостоятельно. Однако жесткие сроки не позволяли включить большое число общетеоретических лекций и семинаров. Расширение же горизонта ученого, на мой взгляд, невозможно без участия в дебатах по фундаментальным вопросам. Увы, этой составляющей пришлось пожертво-

¹ Т. Заславская в то время — президент ССА АН СССР, Г. Ягодин — председатель Госкомитета СССР по народному образованию.

вать, и, надо сказать, российская социология и по сегодняшний день носит черты сугубо прикладной дисциплины.

Вторым аспектом компромисса, весьма расстраивавшим меня, явился отказ от участия в совместных исследованиях слушателей ВСК и крупных ученых. По моему замыслу, слушатель получал диплом после отчета о социологическом исследовании, которое проводилось бы совместно с тем или иным социологическим центром или под руководством известного социолога Москвы, Петербурга, Новосибирска. Но для исследования и его осмысления необходимо время. Полгода — это хороший срок. Но у нас было в распоряжении лишь полгода на все. Таким образом, передача технологии исследования от учителя к ученику и погружение в интеллектуальную лабораторию мэтров остались недостижимой мечтой.

Третьей стороной компромисса был отказ от того, что я называл «формированием нового научного сообщества» и что вызывало иронические замечания наших крупных ученых. Относительно продолжительное совместное обучение и участие в совместных научных проектах позволили бы обеспечить тесную связь в будущем между молодыми социологами и способствовать созданию устойчивых сетей. Тем более что гражданская составляющая для меня была важным элементом ВСК. С одной стороны, мы намеревались резко расширить диапазон теоретических взглядов, что в условиях выхода из убогого преподавания марксистских, и исключительно советско-марксистских, концепций должно было содействовать росту включенности в общественные искания того времени. С другой стороны, я полагал чрезвычайно важным обеспечивать встречи будущих социологов с участниками массовых общественных движений и лидерами общественного мнения, и исследования общественных движений должны были стать только одной из сторон такого взаимодействия. Создание клуба для слушателей я полагал столь же важным, как и участие слушателей в работе общественно-политических клубов Москвы, и не только Москвы. Но от этой идеи пришлось отказаться. Не только потому, что времени оставалось мало, но и потому, что был достигнут еще один компромисс, вернее, не компромисс: Ядов поставил нас перед фактом.

Дело в том, что Ядов согласился возглавить курсы при условии, что директором этих курсов станет его бывшая аспирантка

Светлана Наталушко. Когда состоялось решение президиума ССА, на которое нас не пригласили, назначение директора было включено в его текст. Для меня лично это было такой неожиданностью, которая чрезвычайно омрачила радость победы. Победа виделась едва ли не поражением. И в самом деле, наше участие в работе ВСК оказалось весьма ограниченным, а контакты слушателей с общественным движением, которое находилось в 1989–1991 гг. на пике, свелось к жалкому минимуму. Однако со временем я иначе оценил решение Ядова. Оно мне кажется взвешенным и разумным. Не исключено, что увлечение общественной активностью могло привести к снижению профессиональной составляющей, что еще больше противоречило бы изначальным замыслам основателей. Кроме того, Наталушко оказалась прекрасным руководителем, а ВСК стала для нее делом всей жизни, и она добилась впечатляющих результатов. Достаточно сказать, что на курсах преподавали почти все самые известные специалисты СССР и множество выдающихся ученых Запада, например, таких, как Э. Кастельс или О. Люхтерхандт¹. Отечественные социологи не раз высоко отзывались о качестве подготовки слушателей, и я не раз слышал мнение, что ВСК были лучшим учебным заведением, дававшим социологическое образование. И это при том, что выпускники проходили курс обучения всего за полгода. Тот факт, что на курсы приходили люди с первым высшим образованием, часто имевшие практический опыт и диплом кандидата наук, не уменьшает значение того вклада, который внесло в их образование обучение на ВСК.

Но влияние М-БИО не было столь уж слабым. Во-первых, автор этих строк и С. Белановский стали членами ученого совета ВСК, впрочем, его роль была минимальна, если и вовсе не ми-

¹ Изучение истории ВСК было бы интересно историкам отечественной социологии не только в плане описания пути многих наших исследователей или политиков, но в плане развития взаимодействия российских и зарубежных ученых. Архив ВСК сохранился, по крайней мере, частично, однако после смерти Наталушко находится в ужасном состоянии в частных руках. Сведения о курсах постепенно стираются из памяти, и хотя в CV многих ныне действующих социологов, администраторов, политтехнологов и политиков есть строчка об обучении на ВСК, историки социологии почти не имеют источников для описания их вклада. Допускаются даже прямые ошибки. Например, И. А. Бутенко считает, что ВСК были созданы при ЦК ВЛКСМ. [Бутенко И. А. К истории создания первой социологической ассоциации/Социологические исследования. № 6. 2008. Июнь. С. 52–58]. Ошибка вызвана, вероятно, тем, что ВСК арендовали помещение в Высшей комсомольской школе.

зерна. Во-вторых, мы настояли на том, чтобы завучем ВСК стала Г. Вохменцева, и ее работа обеспечила нам постоянные контакты со слушателями, которые привели к устойчивым связям, а часто и к многолетнему сотрудничеству. В. Айрапетов, выпускник ВСК, стал ключевым сотрудником М-БИО — ИГПИ. Кроме того, каждый из нас читал некоторый курс лекций. Мой личный вклад был минимален, однако тема лекций — «Введение в историю и социологию общественных движений» — лежала вполне в русле наших намерений. Хотя надо сказать, что большинство слушателей не испытывали особого интереса к этой теме. Но были и очень активные слушатели, некоторые из которых впоследствии специализировались в социологии политики. Сотрудники М-БИО иногда посещали избранные лекции, а на мои лекции в 1990 г. М-БИО явилось едва ли не полным составом. Кроме того, ряд членов М-БИО — С. Митрохин, В. Писарева, И. Кудрявцев — получили возможность бесплатно¹ прослушать курс лекций и получить диплом социолога.

Еще одна часть замысла осталась нереализованной. Для обучения студентов — и не только для них — мы намеревались издавать учебники и социологическую классику, благо к тому времени у нас в распоряжении было несколько прекрасных переводов В. Ческовой. Поначалу возможности для издания практически отсутствовали, но постепенно они начали появляться. Однако к этому времени случился путч, а затем экономические реформы поставили крест на государственном финансировании, и социологические курсы фактически превратились в школу бизнеса, сохранив, правда, традицию встреч выпускников и периодического участия в научных конференциях. Когда в стране — уже не СССР, а России — созрели условия для восстановления работы курсов, специальность социолога можно было приобрести в традиционных вузах, а Наталушко была безнадежно больна. Ее ранняя смерть привела к закрытию курсов: без нее они были немыслимы. Но несколько учебников все же было издано С. Белановским. Издательская деятельность другого учебного заведения, Московской школы политических исследований, оказалась блестящим примером того, что можно было сделать в начале 1990-х в социологии. Но к МШПИ М-БИО уже от-

¹ Обучение слушателей оплачивалось государственными учреждениями, направившими их на ВСК. Для этого были предусмотрены средства на федеральном уровне.

ношения не имеет, эта инициатива развивается позже, во времена ИГПИ.

11

Последняя тема в деятельности М-БИО, без которой нельзя завершить очерк, это Фонд Сороса.

Осенью 1989 г. Олег Румянцев собрал с десятков лидеров неформалов для встречи с Джорджем Соросом. Речь шла о поддержке проектов, имеющих важное общественное значение. По результатам обсуждения Сорос предложил мне возглавить программу «Гражданское общество». Думаю, что тот авторитет, которым пользовалось М-БИО в среде неформалов, был главным аргументом в пользу такого решения. К сожалению, аппарат Фонда был не заинтересован в реализации этой программы, и недоразумения, возникшие между мной и чиновниками Фонда, затормозили реализацию этой программы. Только весной 1990 г. ответственный секретарь В. Глазычев содействовал тому, что работа сдвинулась с мертвой точки. Была сформирована комиссия программы, в которую вошли Г. Павловский, Г. Пельман, А. Фадин.

Практика работы программы «Гражданское общество» существенно отличалась от принятой сегодня нормативной практики работы благотворительных фондов. Это связано прежде всего с новизной благотворительных фондов и, соответственно, с отсутствием опыта получения грантов, а также с практически полным отсутствием информации, особенно в провинции, о деятельности «Культурной инициативы». Узкий информационный поток давал преимущество людям, близким к источнику информации, не говоря уже о коррупционной составляющей, естественной для России. Поэтому первой нашей задачей явилось распространение сведений о работе «Культурной инициативы» и, в частности, о программе «Гражданское общество».

Вместе с тем существовали ресурсные ограничения. На 1989 г., когда мне предложили единолично распределить эти деньги, было выделено «всего» 100 тысяч долларов. И хотя эта сумма казалась мне невероятно большой (а потому я считал себя не вправе неформально и без процедуры распределять ее), тем не менее, когда в апреле — мае 1990 г. наша комиссия распределила эти средства,

возникла жесткая конкуренция, которая только нарастала впоследствии, несмотря на то что суммы, выделенные на 1990 и 1991 гг., составляли по миллиону долларов каждая. Здесь мы сталкивались и с сопротивлением руководства фонда. Золотой век «Гражданского общества» тянулся всего несколько месяцев. Деятельность Глазычева вызвала раздражение в аппарате, и он был удален из фонда, вслед за чем развернулась борьба с программой «Гражданское общество». Еще до ухода Глазычева мы сталкивались с глухим недовольством. Реализация наших решений затягивалась на месяцы — якобы из-за технических трудностей: шли разговоры, что мы разбазариваем деньги фонда. Например, Д. Гранин и Я. Бакланов открыто говорили о том, что фонд московский с филиалом в Ленинграде, а потому средства надо распределять среди москвичей и ленинградцев, в крайнем случае в России. Сочувственно к этой идее относился Б. Раушенбах, советский сопредседатель фонда, но не высказывался так определенно. Наша же цель была в создании общесоюзной сети гражданских организаций. Поэтому мы выделяли гранты для Украины и Узбекистана, для Латвии и Грузии, для Армении и Азербайджана, не говоря уже о самой широкой географии России. За время существования программы мы выделили приблизительно 165 грантов на общую сумму около 800 тысяч долларов, не считая стоимости оборудования.

Как мы выдавали гранты? Поскольку первые 100 тысяч следовало распределить в экстренном порядке как «задолженность» за 1989 г. при отсутствии заявок, то мы сами составили компромиссный список, который удовлетворил противоречивые оценки членов комиссии. Заявки были подготовлены фактически нами самими и согласованы с «авторами». В дальнейшем, когда мы инициировали направление нам заявки, мы не рассматривали ее формально, но обсуждали значительность того иного проекта, о котором мы знали по собственным исследованиям или прямым контактам, оценивали возможность эффективной реализации замысла. Часто мы сами переписывали заявку, потому что большинство авторов, претендующих на получение гранта, не могли сформулировать заявку так, чтобы она была поддержана правлением фонда.

Опишу один из конкретных случаев. В 1988 г. мне пришлось убеждать ряд членов только что образовавшейся «Московской

трибуны» в необходимости рассмотреть проблему массового исхода беженцев с территорий союзных республик и выработать рекомендации для государства. Я полагал, что со временем такой исход населения неизбежен, поскольку опыт британской и французской империй свидетельствовал в пользу такой гипотезы. Однако мои коллеги отказались, сославшись на отсутствие специалистов, неактуальность проблемы для СССР. Проблема Нагорного Карабаха и армяно-азербайджанского конфликта тогда уже интересовала многих, но она рассматривалась скорее как отдельный казус. Мне такая позиция казалась недальновидной, поэтому я с большим интересом отнесся к работе с беженцами-армянами, которой посвятила себя В. Чаликова, член «Московской трибуны». Осенью 1989 г. я обратился к Чаликовой с предложением написать заявку на грант. Пожалуй, поддержка этого направления была моей первой идеей после получения предложения от Сороса.

Увы, Чаликова так и не смогла написать эту заявку. Весной, когда Глазычев наконец ясно сформулировал возможности программы и мои права, а также настоял на немедленном распределении первой суммы, я повторно обратился к Чаликовой, но то, что она написала, я не мог показать даже Пельману и Павловскому, моим старым товарищам. Поэтому я сам переписал заявку начисто и, согласовав окончательный текст с Чаликовой, внес заявку в таком виде. Она была удовлетворена. К сожалению, вскоре выяснилось, что Чаликова тяжело больна. Она позвонила мне и попросила передать грант Л. Графовой. Это была несложная задача, но мне не удавалось ее решить, поскольку ни Графова, ни ее коллеги не могли оформить даже простые бюрократические документы. В конце концов осенью 1990 г. состоялось учредительное собрание комитета «Гражданское согласие», в котором я принимал участие. Более того, я вынужден был согласиться на предложение стать сопредседателем комитета, поскольку полная процедурная неграмотность остальных, неумение выстраивать отношения с различными структурами и совершеннейшая наивность организаторов ставили под вопрос будущность нового объединения. И успешность выполнения задач, сформулированных в грантовой заявке.

Здесь налицо конфликт интересов. Но не будь приняты соответствующие решения комиссией «Гражданского общества» и собрани-

ем «Гражданского содействия», вряд ли бы сегодня «Гражданское содействие» было бы такой авторитетной организацией. Надо сказать, что все конфликты интересов — а они бывали и гораздо более значительными — мы рассматривали на заседании комиссии. Обсуждения бывали драматическими, и иногда дело доходило до личных глубоких обид. Эти обиды, на мой взгляд, являлись свидетельством кровной заинтересованности членов комиссии в развитии структур гражданского общества. Разумеется, я не исключаю фактора личной заинтересованности, который при такой системе иногда вносил aberrации в принимаемые решения, однако злоупотребления, если они и имели место, были несопоставимо более скромными, чем большинство решений «Культурной инициативы» того времени.

Во время борьбы аппарата фонда с Глазычевым работа комиссии была практически заблокирована, а после его отставки фактически новый глава аппарата, юридический директор А. Макаров, поставил целью закрытие программы. В неофициальном порядке его аргумент звучал так: Игрунов — антисоветчик, из-за него закроют фонд. На несколько месяцев все действия комиссии были парализованы, реализация решений остановлена. В этих условиях я и Пельман встречались с членами правления фонда, чтобы убедить в целесообразности продолжения программы. Обвинения в финансовых злоупотреблениях, которые выдвигал Макаров, оказались блефом, но бухгалтерия два месяца проверяла все счета и решения. В итоге Заславская и Афанасьев твердо стали на сторону комиссии и программа была возобновлена. Однако было принято решение расширить состав комиссии. Среди новых членов были утверждены кандидатуры В. Костюшева и А. Алексеева — постоянных партнеров М-БИО, как, впрочем, и другие кандидатуры, предложенные нами.

После этого некоторое время комиссия работала в нормальном режиме. Во время путча 1991 г. позиция Макарова резко изменилась. Он стремительно стал «демократом», раздал технику, находившуюся на складах «Культурной инициативы», в частности «Общей газете» и «другим демократам»: документация, разумеется, отсутствовала. В силу этого часть проектов по программе «Гражданское общество» вновь была заблокирована. Заблокирована была и другая программа, которую я возглавлял, — «Восток-Восток». С этого момента программа больше не работала в нормальном режиме. Макаров стал фактическим главой фонда, и все наши решения подвергались огра-

ничительным санкциям с его стороны. Наш конфликт привел к отставке Макарова весной 1992 г., однако и программа «Гражданское общество» также была остановлена. Сказались борьба с ней аппарата фонда и точка зрения Сороса, который в тот момент сформулировал, что поддержка гражданского общества в этот момент бессмысленна: «В России теперь нормальное государство, и ей нужно не гражданское общество, а нормальное общество». Он настаивал, чтобы наша программа переключилась на поддержку правительства. Я был категорически против, считая, что без сильного гражданского общества демократия не состоится. Кроме того, я был убежден в губительности гайдаровских реформ и считал нужным сосредоточиться на поддержке альтернативных точек зрения. Позиции разошлись, я покинул фонд, программа была закрыта. Со временем Сорос пересмотрел свою точку зрения и восстановил программу, но она выглядела уже совершенно иначе.

В первом своем воплощении программа опиралась на информационную сеть, созданную М-БИО. Немалую роль в получении информации и подготовке экспертных заключений играли и выпускники ВСК, часть из которых получила гранты фонда, а один из них, А. Ильхамов, впоследствии даже возглавил Фонд Сороса в Узбекистане. Многие центры, поддержанные нами, строились по образцу М-БИО и ИГПИ. Некоторые из них, проделав довольно большую эволюцию, существуют и сейчас. В работе программы были задействованы и сотрудники М-БИО. Моим штатным помощником был сотрудник М-БИО В. Айрапетов, который продолжал работать в фонде еще несколько лет. Можно сказать, что М-БИО было приводным ремнем программы «Гражданское общество» и без него и его партнеров эта программа выглядела бы совершенно иначе и вряд ли содействовала развитию низовой гражданской активности.

Заключение

М-БИО возникло в ответ на острую потребность нарождающегося общественного движения в создании информационной структуры, и эта составляющая работы М-БИО оказалась наиболее эффективной. М-БИО не смогло обеспечить условий для консолидации движения, на что оно было ориентировано, и осталось в значительной мере маргинальным явлением, но его деятельность оказалась

катализатором, а иногда опорой многих существенных процессов, сыгравших важную роль в общественном развитии СССР. Многие процессы, в которых участвовало М-БИО, не были инициированы им, но приобретали оформленность в результате нашего участия. Мы, например, не были ни изобретателями сети распространения самиздата, ни главным действующим субъектом. Но в конце 1980-х гг. оказались самой организованной частью этого процесса, и наш пример вдохновил многих. В создании негосударственных аналитических центров мы были пионерами, равно как и в создании независимых образовательных центров. М-БИО, по-видимому, был первым think-tank в СССР. Наш опыт лег в основание деятельности других, может быть, более известных учреждений.

В этом очерке я постарался изложить некоторые мотивы нашего поведения, совокупность целей, обрисовать проблемы, с которыми мы сталкивались и решение которых оказалось эффективным в силу характера нашей организации. Это удалось не полностью, поскольку размах деятельности М-БИО был значительно больше, чем это можно описать в одной статье. Пытаясь осветить мотивы и акцентировать роль М-БИО, я выходил за узкие рамки описания работы собственно М-БИО, освещая некоторые эпизоды в деятельности других организаций, что привело к чрезмерному объему материала. Не весь материал изложен ясно и последовательно. Это связано прежде всего с недостаточным осмыслением того опыта, свидетелями и творцами которого были мы сами. Безусловно, опыт М-БИО требует профессионального исследования, и я уверен, что такое исследование может иметь отнюдь не только академическую ценность.

Список источников, процитированных или упомянутых в тексте, а также источников, содержащих дополнительную информацию об истории и деятельности М-БИО

Urban M., Igrunov V., Mitrokhin S. The rebirth of politics in Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

Агапов С. Кое-что о неформалах, «Перестройках» и игре в мяч // Интервью А. Пятковскому, 2005. Сайт Igrunov.ru: http://www.igrunov.ru/vin/vchk-vin-n_histor/remen/1134932186.html.

Антология самиздата/Под общ. ред. В. Игрунова. М. 2005.

Бутенко И. К истории создания первой социологической ассоциации // Социологические исследования. № 6. 2008. Июнь.

Вайтекунас Пятрас // Википедия, http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%B0%D0%B9%D1%82%D0%B5%D0%BA%D1%83%D0%BD%D0%B0%D1%81,_%D0%9F%D1%8F%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%81

Верховский А. Краткие заметки о возникновении и начальной истории «Панорамы» // «Панорама». № 50. 2002. Декабрь. (Электронная версия: <http://www.panorama.ru/gazeta/p50shu.html>).

Вохменцева Г., Игрунов В. О классификации общественных движений // Перестройка: новые общественные явления — новые исследовательские подходы. Л., АН СССР, ИСЭП, 1989. С. 144–148.

Игрунов В. Интервью французской исследовательнице Кароль Сигман. 1 февраля 1993 // Сайт Igrunov.ru: http://www.igrunov.ru/cat/vchk-cat-bibl/interv/all_interv/1173039678.html.

Игрунов В. История ИГПИ. Часть 1: «Молва», «Хронограф», кооператив «Перспектива» и образование М-БИО // Интервью для сайта igpi.ru, 2002 г.: http://www.igpi.ru/history/history-igpi_1.html.

Игрунов В. История ИГПИ. Часть 2. Становление. Газета «Панорама», раскол в М-БИО и возникновение ИГПИ // Интервью для сайта igpi.ru, 2002 г.: http://www.igpi.ru/history/history-igpi_2.html.

Игрунов В. Митинг в Лужниках и Межрегиональная депутатская группа // Интервью, 2002 г. Сайт Igrunov.ru: http://www.igrunov.ru/cv/vchk-cv-memotalks/talks/vchk-cv-memotalks-talks-mdg_full.html.

Игрунов В. О неформальных политических клубах Москвы // «Проблемы Восточной Европы». 1989. № 27–28; English: «Public Movement: From Protest to Political Self-Consciousness» in collection of articles «After Perestroika: Democracy in the Soviet Union», B. Roberts and N. Belyaeva (ed.) (Washington, D. C.: The Center for Strategy and International Studies; Significant Issues Series, Volume XIII, N 5, 1991);

Deutsch: Öffentlichkeitsbewegungen in der UdSSR: Vom protest zum politischen Selbstbewusstsein в сборнике: K. Segbers (ed.) Perestrojka: Zwischenbilanz (Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1990).

Игрунов В. О становлении политики на рубеже восьмидесятых и девяностых // Интервью. 1992 г. Сайт Igrunov.ru: http://www.igrunov.ru/cat/vchk-cat-bibl/interv/all_interv/vchk-cat-bibl-interv-mdg_92.html.

Историческая справка о МНОБ // <http://www.infoline.ru/g23/6037/Doc/hstr.html>.

Кордонский М., Кожаринов М. Точки потоков/Очерки неформальной социотехники. М.: Net²Net, 2008. (А также электронная версия <http://www.altruism.ru/sengine.cgi/13/41/27/10>.)

Кротов Н. Очерки из истории экономических реформ // В печати (в издательстве «Экономическая летопись»).

Мейер М. Аналитические центры в системе российской демократии // Век XX и мир. Пределы Власти. 1994. № 1. С. 86–116.

Морозов А. Восемьдесят девятый // Статья для сайта Igrunov.ru. 2005 г.: http://www.igrunov.ru/vin/vchk-vin-n_histor/remen/1132573449.html.

Морозов А. Об истории М-БИО и газеты «Панорама» // Интервью. 1990 г. Сайт Igrunov.ru: http://www.igrunov.ru/vin/vchk-vin-n_histor/doc/vchk-vin-n_histor-morozov.html.

Морозов А. Об истории неформального движения и М-БИО // Интервью А. Пятковскому. 10 августа 2004 г. Сайт Igrunov.ru: http://www.igrunov.ru/vin/vchk-vin-n_histor/remen/morozov2004.html.

Московская независимая общественная библиотека (МНОБ) // [Library.ru //http://www.library.ru/3/focus/mipl.php](http://www.library.ru/3/focus/mipl.php).

Нехорошев Г. Пенсионеры движения политконсультирования. От Павловского до Сатарова // «Политический журнал». 2003. Декабрь. «Олигархи списков». (Электронную версию см.: http://compromat.ru/page_14190.htm.)

«Панорама» — электронное зеркало политической России // Передача на «Радио Свобода». 28 мая 2002 г. (Электронная версия: <http://www.svoboda.org/programs/SC/2002/SC.052802.asp>.)

«Панорама». № 1. 1989. Апрель. (Электронная версия: <http://www.panorama.ru/gazeta/1-30/p01.html>.)

Прибыловский В. В среде неформалов. Москва, конец 1980-х — начало 1990-х. Часть 1 // Интервью А. Пятковскому, сайт Igrunov.ru (http://www.igrunov.ru/vin/vchk-vin-n_histor/remen/1172330019.html.)

Прибыловский В. В среде неформалов. Москва, конец 1980-х — начало 1990-х. Часть 2 // Интервью А. Пятковскому, сайт Igrunov.ru (http://www.igrunov.ru/vin/vchk-vin-n_histor/remen/1188472509.html).

Прибыловский В. Инакомыслящая жизнь в эпоху Перестройки. Москва, 1980-е // Интервью А. Пятковскому, сайт Igrunov.ru: http://www.igrunov.ru/vin/vchk-vin-n_histor/remen/1126247847.html.

Прибыловский В. Словарь оппозиции. Новые политические партии и организации России. Аналитический вестник информационного агентства «Постфактум». № 4–5. М. 1991.

Самиздат и новая политическая пресса // Справочник составлен по материалам, предоставленным В. Игруновым, В. Прибыловским, М. Разореновой. (Электронная версия: http://www.shpl.ru/project/sam/p25_svedeniya.htm.)

Струкова Е. Альтернативная периодическая печать в истории российской многопартийности. М., 2005.

Струкова Е. Архив М-БИО // Сайт ИГПИ (<http://igpi.ru/history/1243139088.html>).

Суетнов А. История одного архива. О попытке создания библиографической службы самиздата // Русский журнал (http://old.russ.ru/ist_sovr/99-04-16/suetnov.htm).

Хроника // «Панорама». № 6. 1989. Июнь. (Электронная версия: <http://www.panorama.ru/gazeta/1-30/p06news.html>).

«Хронограф». № 7. 1988. 4 июня. (Электронная версия: <http://www.panorama.ru/gazeta/chronogr/c07.html>.)

«Хронограф». № 26. 1989. 24 мая. (Электронная версия: <http://www.panorama.ru/gazeta/chronogr/c26.html>.)

Шубин А. «Община» в 1987–1988 гг. // «Панорама». № 45. 2000. Декабрь. (Электронная версия: <http://www.panorama.ru/gazeta/p45obsh.html>.)

Юбилей митинга в Лужниках // Сайт Igrunov.ru: http://www.igrunov.ru/vin/vchk-vin-n_histor/remen/anniversary/.

Краткие биографии авторов

Воронков Виктор, 1945 г. р., социолог, директор Центра независимых социологических исследований (Санкт-Петербург). Имеет более 100 публикаций на английском, немецком и русском языках.

Шубин Александр Владленович, 1965 г. р., в 1989 г. окончил Московский государственный педагогический институт им. Ленина (преподаватель истории и права). С 1993 г. — кандидат исторических наук, с 2000 г. — доктор исторических наук (тема диссертации — «Анархистский социальный эксперимент на Украине и в Испании, 1917–1939»). С 1989 г. работает в Институте всеобщей истории РАН, с 2001 г. — руководитель Центра (в настоящее время — Центра истории России, Украины и Белоруссии). Автор 18 монографий, в том числе: От «застоя» к реформам. СССР в 1977–1985 гг. М., 2001; Парадоксы Перестройки. Неиспользованный шанс СССР. М., 2005 (2006); Преданная демократия. Неформалы и Перестройка (1986–1989). М., 2006; Золотая осень, или период застоя. СССР в 1975–1985 гг. М., 2007; Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. М., 2008.

E-Mail: shubinav@mtu-net.ru

Берелович Алексей Яковлевич, 1943 г. р., Сорбонна (славистика), 1965. Преподавал в университетах Гренобля и Парижа (Париж 4) с 1970 по 2002 г. В 2002–2006 руководил Франко-российским центром гуманитарных и общественных наук в Москве. Ныне на пенсии. Сфера интересов — история советской интеллигенции, социология современного российского общества.

E-Mail: a.berelowitch@gmail.com

Сунгуров Александр Юрьевич, 1951 г. р., по первому образованию — физик, доктор биологических наук (1989), по второму образованию — юрист, доктор политических наук (2007). Депутат Ленсовета (1990–1993), президент СПб. гуманитарно-политологического центра СТРАТЕГИЯ. Заведующий кафедрой прикладной политологии СПб. филиала ГУ-ВШЭ.

Последние публикации: Институт Омбудсмана: эволюция традиций и современная практика (опыт сравнительного анализа). СПб., 2005; Функции политической системы и их изменения в процессе российского транзита. Учебное пособие, в 3-х частях. Часть 1. СССР при Л. И. Брежнев. Часть 2. Перестройка. Часть 3. Постперестройка (1990–1993 гг.). СПб., 2008.

E-Mail: asungurov@mail.ru

Егоров Дмитрий Анатольевич, 1988 г. р., студент 4-го курса отделения прикладной политологии СПб. филиала ГУ-ВШЭ.

E-Mail: egorov_dima@mail.ru

Михалева Галина, 1957 г. р., окончила философский факультет и аспирантуру Уральского государственного университета, докторантуру Бременского университета, к. ф. н., Dr. phil. Во время перестройки — первый председатель общества «Мемориал» в Свердловской области, учредитель и сотрудница М-БИО, затем — зам. директора ИГПИ. С 1992 по 2000 г. — сотрудница Центра исследований Восточной Европы при Бременском университете, по н. в. — преподаватель Бременского университета. Директор Центра изучения современной политики, доцент РГГУ. С 1998 г. — в партии «ЯБЛОКО»: директор учебного центра, руководитель аналитического центра регионального и политического управления; сейчас — исполнительный секретарь Политического комитета и председатель Гендерной фракции РОДП «ЯБЛОКО». Автор более 150 научных работ, в т. ч. пяти монографий на русском, немецком и английском языках под фамилиями Voxmenцева, Luchterhandt, Michaleva, Михалева.

E-mail: mihaleva@yabloko.ru; G_Mihaleva@mail.ru

Малинова Ольга, 1962 г. р., окончила исторический факультет Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина в 1984 г. В 1991 г. защитила кандидатскую диссертацию, в 2001 г. — докторскую диссертацию по истории философии. В 1986–2002 гг. преподавала философию, а затем политологию в Московском государственном институте электронной техники. С 2002 г. по н. в. — ведущий научный сотрудник отдела политиче-

ской науки ИНИОН РАН. С 2008 г. — президент Российской ассоциации политической науки.

Последние публикации: Россия и «Запад» в XX веке: Трансформация дискурса о коллективной идентичности. М.: РОССПЭН, 2009; Официальная символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России: от 1990-х к 2000-м // Полис. 2010. № 2; Идеи как независимые переменные в политических исследованиях: В поисках адекватной методологии // Полис. 2010. № 3.

Изабель де Кегель, 1964 г. р., изучала историю, славистику и педагогику в Тюбингене, Париже, Москве и Берлине. 2003 г. — защита кандидатской диссертации. С 2001 по 2006 г. — научная сотрудница Центра исследований Восточной Европы при Бременском университете, с 2007 г. по сей день — научная сотрудница университета г. Констанца (Германия). Ведет проект, посвященный репрезентациям труда и потребления в пресс-фотографии СССР и ГДР (1953–1964 гг.).

Последние публикации: *Die Staatssymbolik des neuen Russland. Traditionen — Integrationsstrategien — Identitätsdiskurse*. Münster, 2008. [Государственная символика новой России. Традиции — интеграционные стратегии — дискурсы идентичности]; *Die Rekonstruktion der vorsowjetischen Geschichte. Identitätsdiskurse im neuen Russland*. Hamburg, 2006. [Реконструкция досоветской истории. Дискурсы идентичности в новой России].

E-mail: keghel@gmx.de

Ларс Карл, 1973 г. р., научный сотрудник Университета им. Гумбольдтов в Берлине, кафедра восточноевропейской истории. Защитил диссертацию в Тюбингенском университете Эберхарда и Карла по теме «Вторая мировая война в советских художественных фильмах и их восприятие в ГДР» (2003). Преподавал в университетах Тюбингена, Потсдама, Берлина (Университет им. Гумбольдтов) и Амхёрста (США). Специализируется на политической истории и культуре памяти в поздней царской России и СССР, истории кино Восточной Европы, Советского Союза.

Последние публикации: *Leinwand zwischen Tauwetter und Frost: Der osteuropäische Spiel- und Dokumentarfilm im Kalten Krieg*. Berlin, 2007 [Киноэкран между «оттепелью» и заморозками: восточноевропейское художественное и документальное кино в период холодной войны]; «О героях и людях...» Советское кино о войне: взгляд из ГДР. М., 2008; *Geschichtspolitik und Erinnerungskultur im neuen Russland*. Göttingen, 2009 [Политическая история и культура памяти в новой России].

E-Mail: karllars@staff.hu-berlin.de

Ярская-Смирнова Елена Ростиславовна, 1962 г. р., доктор социологических наук, профессор Государственного университета — Высшей школы экономики (Москва) и Саратовского государственного технического университета. Занимается социологией публичной сферы, исследованиями социальной политики, гендерных отношений, инвалидности, визуальными исследованиями и социальной историей. Заместитель главного редактора «Журнала исследований социальной политики», научный руководитель Центра социальной политики и гендерных исследований.

E-mail: elena.iarskaia@socpolicy.ru

Романов Павел Васильевич, 1964 г. р., доктор социологических наук, профессор Государственного университета — Высшей школы экономики (Москва) и Саратовского государственного технического университета. Занимается социологией организаций и менеджмента, социального неравенства, исследованиями социальной политики, социальной антропологией и социальной историей. Главный редактор «Журнала исследований социальной политики», директор Центра социальной политики и гендерных исследований.

E-mail: pavel.romanov@socpolicy.ru

Струкова Елена Николаевна, 1964 г. р., в 1988 г. окончила Московский государственный историко-архивный институт по специальности историк-архивист, в 2002 г. защитила диссертацию в Московском государственном университете им. М. Ломоносова (факультет государственного управления). С 1984 г. работает

в Государственной публичной исторической библиотеке России, с 1993 г. — в должности заведующей сектором фондов нетрадиционной печати.

Последние публикации: Альтернативная периодическая печать в истории российской многопартийности (1987–1996). М.: ГПИБ, 2005; Все на выборы Президента России!: [1991, 1996, 2000: альбом предвыборных агитационных материалов: из фондов ГПИБ России]. М.: ГПИБ, 2006.

E-Mail: stru@shpl.ru

Игрунов Вячеслав, 1948 г. р. С 1965 г. участник общественного движения, политзаключенный (1975–1977). В 1976 г. включается в деятельность неформальных политических клубов. Один из инициаторов партии «ЯБЛОКО», депутат Государственной думы РФ первого, второго и третьего созывов. Учился в Одесском институте народного хозяйства. В 1983–1987 гг. экономист, позднее журналист, в 1992–1993 гг. — начальник аналитического центра Госкомнаца РФ.

E-Mail: vchk@igrunov.ru